

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи
УДК 911.375, 711.433

МЕДВЕДНИКОВА Дарина Михайловна

**Социально-экономическое неравенство
крупных городов России в 2000–2023 годах**

Специальность 1.6.13 Экономическая, социальная,
политическая и рекреационная география

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата географических наук

Научный руководитель:
доктор географических наук,
профессор Н.В. Зубаревич

Москва – 2025

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Исследовательские подходы к изучению социально-экономического неравенства городов и факторов его формирования.....	12
1.1 Теоретические подходы к объяснению формирования социально-экономического неравенства между городами	12
1.2 Российские исследования неравенства развития городов и его факторов.....	38
1.3 Российский и зарубежный опыт исследования бюджетного и долгового положения городов.....	46
Глава 2. Методические особенности оценки межгородского социально-экономического неравенства в России.....	53
2.1 Ключевые методы и особенности измерения территориального неравенства....	53
2.2 Подходы и методы, используемые при измерении пространственного неравенства в исследованиях российских учёных.....	63
2.3 Ограничения статистических данных по городам России.....	73
2.4 Методика оценки масштабов и факторов социально-экономического неравенства крупных городов России за период 2000–2023 гг.	78
2.5 Методика оценки финансово-долговой устойчивости крупных городов России	90
Глава 3. Социально-экономическое неравенство крупных городов России.....	96
3.1 Современный масштаб социально-экономического неравенства крупных городов России.....	96
3.2 Динамика социально-экономического неравенства крупных городов России в 2000–2023 гг.....	112
3.3 Сравнение масштабов и динамики межгородского и межрегионального неравенства в России по сопоставимым показателям.....	133
Глава 4. Факторы социально-экономического неравенства крупных городов России	143
4.1 Влияние ключевых факторов на формирование неравенства крупных городов России по показателям развития в 2020–2023 гг.	143
4.2 Финансово-долговая устойчивость крупных городов России как фактор их социально-экономического неравенства в 2015–2023 гг.	153

Заключение	168
Список литературы	174
Приложение А	205
Приложение Б	211
Приложение В.....	215
Приложение Г	231
Приложение Д.....	235

Введение

Актуальность темы исследования. Ускоренный рост экономического и социального неравенства в мире является одним из наиболее серьёзных глобальных вызовов в XXI веке. Преобладающая доля мирового населения проживает в городской местности, и эта доля продолжает стремительно расти, а общий уровень социально-экономического неравенства всё больше определяется различиями в уровне жизни между городами. Наличие высокого разрыва по показателям развития между городскими центрами внутри страны, в особенности выделение одного или нескольких городов-сверхлидеров, приводит к усилению общего уровня социально-экономического неравенства и, в конечном итоге, к ухудшению качества жизни как в лидирующих городах (в результате роста внутригородского неравенства и негативных эффектов высокой концентрации), так и в отстающих (стремительно теряющих ресурсы, которые перетекают к лидерам). Усиление межгородских различий замедляет процесс пространственной диффузии инноваций, поскольку в результате перетока наиболее креативных индивидов в ограниченное число городов-лидеров другие городские центры – важные ретрансляторы инноваций – становятся менее восприимчивы к нововведениям.

Перечисленные вызовы и риски высокого межгородского неравенства делают актуальным исследование его масштабов, динамики и факторов, в особенности для крупных городов высокоурбанизированных стран, к которым относится Россия. Социально-экономические различия между городами важно исследовать и потому, что в условиях продолжающейся урбанизации они во многом определяют направление миграционных потоков и дальнейшие изменения в системах расселения государств и регионов.

Степень разработанности темы исследования. Зарубежными учёными проведено множество исследований межгородского социально-экономического неравенства и его факторов, хотя по числу работ данная тема уступает внутригородскому неравенству. В России научный интерес к теме социально-экономических различий городов начал расти только с конца 1990-х гг. с появлением работ Т.Г. Нефедовой и А.И. Трейвиша, однако общее число отечественных исследований по данной тематике остаётся небольшим. Развитию городских исследований в России препятствуют ограничения статистических данных по городам

и муниципальным образованиям, а также непрерывные изменения системы муниципального деления и методик расчёта социально-экономических показателей. В последнее десятилетие исследований по теме стало больше, но в основном в них рассматриваются различия городов только внутри отдельных их групп, по выборочным показателям или за короткие временные периоды. Комплексных исследований социально-экономических различий российских городов за длительный период с начала 2000-х гг. не проводилось.

В отечественных и зарубежных исследованиях отмечается, что ключевую роль в дифференциации развития городов играют четыре фактора: 1) людность; 2) административный статус; 3) географическое положение и 4) специализация, однако количественных оценок их влияния на различия городов в России также практически не было проведено.

Объект исследования – крупные города России (численность населения которых в административно-территориальных границах превышала 100 тыс. чел. на протяжении большей части исследуемого периода 2000–2023 гг.). Выборку составили 164 крупных города, по которым имелись относительно полные данные по всем показателям за рассматриваемый период (в неё не вошли крупные города Республик Чечня и Ингушетия, Крыма, а также воссоединённых регионов). На 1 января 2024 г. в городах выборки проживало 51,2% населения Российской Федерации.

Предмет исследования – социально-экономическое неравенство крупных городов России, под которым понимаются их различия по душевым значениям ключевых показателей социально-экономического развития. Термины «неравенство городов», «дифференциация городов», «межгородское неравенство» употребляются в диссертации как синонимы.

Цель работы – оценить масштабы, динамику и выявить факторы социально-экономического неравенства крупных городов России за период 2000–2023 гг.

Для достижения цели поставлены следующие исследовательские **задачи**:

1) Систематизировать накопленные в мировой науке теоретические подходы к изучению различий уровня социально-экономического развития городов и проанализировать зарубежный и отечественный опыт исследования межгородского неравенства и его факторов;

2) Разработать методику комплексной оценки масштабов, динамики и факторов социально-экономического неравенства крупных городов России;

3) Оценить социально-экономическое неравенство крупных городов России по разным параметрам в динамике за 2000–2023 гг.;

4) Сравнить масштабы и динамику социально-экономического неравенства крупных городов и регионов России;

5) На основе разработанной методики оценить меру влияния ключевых факторов, определяющих масштабы социально-экономического неравенства крупных городов России, в период 2000–2023 гг.;

6) Провести анализ финансово-долгового положения крупных городов России как одного из важных факторов их социально-экономической дифференциации.

Научная новизна работы. В работе систематизирован широкий набор накопленных в мировой науке теоретических подходов к объяснению причин межгородского неравенства, включая новейшие подходы, разработанные в последние 5–10 лет. Впервые разработана методика комплексной оценки межгородских социально-экономических различий, основанная на совмещении одновременно невзвешенного и взвешенного подходов к измерению неравенства и применению свойства декомпозиции индекса Тейла для оценки меры влияния факторов на различия городов страны. С помощью авторской методики дифференциация крупных городов России была оценена по более широкому перечню показателей развития, чем в предыдущих исследованиях, в том числе по налогооблагаемым доходам и социальным выплатам населению, душевому объёму платных услуг, и за максимально длительный период с начала XXI века (с 2000 по 2023 г.). Впервые количественно определена степень влияния ключевых факторов на дифференциацию крупных городов страны, а также проведено сравнение динамики межгородского и межрегионального неравенства по широкому спектру социально-экономических параметров за более чем 20-летний период. За счёт использования для регионов России (в том числе городов федерального значения) показателей, максимально приближенных по методике расчёта к показателям муниципальных образований, обеспечена более высокая точность измерений межгородских различий и их сопоставления с межрегиональным неравенством в сравнении с предыдущими работами. Новым результатом стала также оценка финансового положения городов с населением более 100 тыс. чел. (ранее такие

оценки проводились только для городов-миллионников и региональных столиц) с использованием не только данных о доходах местных бюджетов, но и сведений о муниципальном долге и его структуре.

Личный вклад автора заключается в формировании уникальной базы статистических данных по ключевым социально-экономическим показателям крупных городов России за период 2000–2023 гг., объединяющей сведения из различных источников; разработке методики комплексной оценки межгородского неравенства и её применении для выявления дифференциации крупных городов России и её факторов; обзоре и обобщении теорий и подходов к определению факторов различий городов по уровню развития. Сбор сведений о муниципальном долге крупных городов производился автором совместно с другими исполнителями (вклад автора в сбор данных – 65%), их обработка и анализ выполнены автором лично.

Теоретическая и методологическая база исследования. Исследование опирается на теоретические подходы к объяснению динамики и неравенства развития городов ведущих мировых учёных в сфере урбанистики (Э. Глейзер, К. Котино, Д. Пумэн, С. Сассен, М. Сторпер, Р. Флорида и др.), а также на фундаментальные работы отечественных специалистов по географии городов (В.Г. Давидович, Г.М. Лаппо, И.М. Маергойз, Е.Н. Перцик и др.), исследования тенденций и факторов территориального, в том числе межгородского, неравенства (Е.А. Антонов, О.Ю. Голубчиков, Н.В. Зубаревич, Е.А. Коломак, О.В. Кузнецова, А.Г. Махрова, Т.Г. Нефедова, А.И. Трейвиш и др.).

Методология исследования базируется на подходах, применявшихся экономистами и географами для измерения территориальных различий (Е.В. Антонов, Р.О. Болотов, Г.Ю. Гагарина, К.П. Глущенко, Н.В. Зубаревич, Е.А. Клевакина, Е.А. Коломак, Б.Л. Лавровский, М.А. Латышева, И.В. Манаева, В.Ю. Маслихина, С.Г. Сафронов, Е.А. Шильцин и др.), и подходах, применявшихся для оценки социального неравенства по различным параметрам (О.А. Кислицына, А.В. Осипов, Т.И. Лейман и др.).

Методы исследования. В качестве основного метода измерения масштабов, динамики и факторов социально-экономического неравенства крупных городов России используется индекс Тейла. Также применяются сравнительно-географический,

картографический методы, методы статистического анализа и построения инфографики.

Информационная база исследования. Оценка социально-экономического неравенства крупных городов России базировалась на статистической информации из сборников Росстата «Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов», Базы данных муниципальных образований (БДПМО) Росстата, набора данных «Экономика городов России» многофункционального статистического портала Мультистат (ГМЦ Росстата), публикаций «Объем социальных выплат населению и налогооблагаемых денежных доходов населения в разрезе муниципальных образований» Росстата, государственной интегрированной информационной системы (ГИИС) «Электронный бюджет». Финансово-долговое положение крупных городов оценивалось по данным исполнения местных бюджетов БДПМО Росстата и ГИИС «Электронный бюджет», а также на основе базы сведений о муниципальном долге крупных городов, собранной по информации муниципальных долговых книг и иных отчётных материалов муниципалитетов, опубликованных в открытом доступе.

Теоретическая значимость. Результаты оценки меры и динамики влияния факторов на дифференциацию крупных городов России по восьми социально-экономическим показателям с 2000 г. с использованием свойства декомпозиции индекса Тейла позволили уточнить и расширить существующие в отечественной науке представления о воздействии четырёх ключевых факторов на разные аспекты развития российских городов. Доказано, что по большинству социально-экономических параметров воздействием этих факторов объясняется не более половины межгородских различий. Это подтверждает наличие сдвига в сторону влияния других «субъективных» факторов (политических, социальных, средовых, институциональных и др.), описанного в теоретической схеме пространственно-временной иерархии факторов экономического положения российских городов в процессе постсоветской трансформации О.Ю. Голубчиковым и А.Г. Махровой, а также согласуется с возрастающим вниманием к учёту таких факторов в зарубежных теориях городского развития.

Практическая значимость. Предложенная в диссертации методика комплексной оценки социально-экономического неравенства крупных городов России может быть применена для изучения масштабов, динамики и факторов неравенства на

других пространственных уровнях. Результаты и выводы исследования могут быть использованы при принятии и корректировке решений в сфере государственной политики в отношении крупных городов и городских агломераций, опорных населённых пунктов Российской Федерации; при формировании перечня мероприятий по снижению территориального неравенства, задача по обеспечению которого зафиксирована в Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2030 года; при разработке стратегий и мастер-планов крупных городов страны и др. Материалы диссертации также могут быть использованы при подготовке учебных курсов по урбанистике, географии и экономике городов.

Апробация результатов работы и публикации. Результаты исследования доложены на международных и всероссийских конференциях. Выводы о масштабах, динамике и факторах неравенства крупных городов России представлены на международной конференции «Региональная политика, политическая география и геополитика: история и современность» (Санкт-Петербург, 2022 г.); Ассамблее АРГО (Тюмень, 2022 г.); на I Белорусском географическом конгрессе (Минск, 2024 г.); VIII Общероссийском форуме стратегического развития «Города России: Локомотивы роста» (Екатеринбург, 2024 г.); трижды на научных конференциях в рамках III, IV и V Геоурбанистических чтений (Москва, 2023, 2024 и 2025 гг.). Результаты оценки финансово-долговой устойчивости крупных городов доложены на Международной научно-практической конференции «Региональное развитие до и после пандемии» РАНХиГС (Москва, 2021 г.); II Всероссийской конференции с международным участием «Пространственный анализ социально-экономических систем: история и современность» памяти академика А.Г. Гранберга (Новосибирск, 2021 г.); Всероссийской конференции с международным участием «Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика» к 110-летию профессора Ю.Г. Саушкина (Смоленск, 2021 г.).

По теме диссертации автором опубликовано семь научных статей (три индивидуальных и четыре – в соавторстве) в журналах Scopus, WoS, RSCI, а также в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности (общий объём публикаций – 11,65 усл. печ. л., совокупный авторский вклад – 62%).

Объём и структура работы. Содержание диссертации излагается в четырёх главах, введении и заключении. Объём работы составляет 242 страницы, включая 30 рисунков, 18 таблиц и 5 приложений. Список литературы состоит из 353 источников (213 русскоязычных, 140 иностранных).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Со второй половины XX века в результате трёхэтапной эволюции в мировой науке сформировался широкий перечень теорий городского развития, в которых рассматривалось влияние большого спектра сначала экономических, затем социальных и других специфических конъюнктурных факторов на неравенство городов. Несмотря на разнородность теоретических взглядов, в большинстве теорий среди главных факторов, дифференцирующих города, выделяются три: людность, административный статус и специализация. В России к значимым факторам также относят экономико-географическое положение. Однако недостаток количественных оценок не позволял выявить, в какой мере каждый из факторов влияет на различия городов.

2. Разработанная методика комплексной количественной оценки межгородского социально-экономического неравенства, а также влияния факторов на масштаб межгородской дифференциации в разные временные периоды с использованием взвешенного и невзвешенного индекса Тейла и его свойства декомпозиции (для оценки σ -конвергенции городов и её факторов) и регрессии Барро (для оценки β -конвергенции городов) позволила оценить масштабы и динамику неравенства крупных городов России по основным показателям развития, а также влияние на него ключевых четырёх факторов в период 2000–2023 гг.

3. Для периода 2000–2023 гг. характерно отсутствие однозначной и единообразной линейной динамики неравенства крупных городов России по ключевым параметрам развития. Несмотря на разнонаправленность тенденций, на всём периоде с 2000 г. наибольший масштаб различий между крупными городами России наблюдался по индикаторам развития экономики (душевым инвестициям и отгрузке товаров и услуг) и душевому вводу жилья, в то время как дифференциация по развитости розничной торговли и платных услуг в среднем в 1,5–2 раза менее значительна, а по доходам населения она была наименьшей. По всем параметрам развития распределение городов смещено в сторону нескольких «сверхлидеров», состав

которых различался в зависимости от показателя, и не всегда в их число входят Москва и Санкт-Петербург.

4. Выявлена синхронность динамики дифференциации крупных городов и регионов России по ключевым показателям развития, кроме инвестиций, на протяжении 2000–2023 гг., что с учётом значительного вклада крупных городов в экономику страны указывает на их определяющую роль в процессах формирования внутристранового пространственного неравенства.

5. Характер и динамика неравенства крупных городов России по каждому показателю развития различны потому, что они определяются разным сочетанием объективных факторов. Наличие статуса региональной столицы и людность существенно влияют на дифференциацию городов только по уровню развития платных услуг и розничной торговли. Специализация города определяет значимую долю различий по всем экономическим показателям, кроме доходов населения и зависящих от них налоговых доходов местных бюджетов. С 2010-х гг. существенно возросла роль фактора географического положения городов в пределах городских агломераций, который сильно влияет на межгородскую дифференциацию по большинству параметров.

6. Важным «субъективным» фактором, влияющим на социально-экономическое неравенство крупных городов, является наличие у них бюджетных ресурсов для развития. В условиях узкого набора полномочий органов местного самоуправления в России и действующей системы распределения налоговых доходов в муниципальные бюджеты эти ресурсы у крупных городов крайне ограничены. Недостаток бюджетных финансов прежде всего сдерживает развитие крупнейших центров – городов-миллионников и многих региональных столиц, что подтверждается их высоким уровнем закредитованности.

Глава 1. Исследовательские подходы к изучению социально-экономического неравенства городов и факторов его формирования

1.1 Теоретические подходы к объяснению формирования социально-экономического неравенства между городами¹

Хотя проблема пространственного неравенства интересует научное сообщество на протяжении уже нескольких столетий, а первые теории, объясняющие механизмы появления и воспроизводства пространственной поляризации стали активно появляться с середины XX века, о формировании теоретических подходов к объяснению неравенства социально-экономического развития городов в мире можно говорить только с 1970–90-х гг. При этом теоретических концепций, которые бы объясняли особенности, динамику и факторы непосредственно уровня (масштаба) межгородского неравенства, измеренного определёнными методами (коэффициентами вариации, Джини, Тейла и др.) в научных исследованиях городов не сложилось. На вопрос, почему одни города развиваются быстрее других и достигают более высоких социально-экономических результатов в сравнении с остальными, отвечают *экономические теории городского развития и теории конкурентоспособности городов*. Эти теории определяют ключевые факторы и механизмы экономического роста городов и формирования их конкурентных преимуществ по отношению друг к другу. Исходя из этого, *масштабы наблюдаемого социально-экономического неравенства между городами определяются территориальными различиями распределения между ними факторов*, выделяемых согласно той или иной теории. Таким образом, именно теории развития и конкурентоспособности городов составляют теоретическую базу настоящего диссертационного исследования в части изучения межгородского неравенства и будут рассмотрены в данном разделе.

Одновременно неравенство в уровне развития между городами укладывается в более общее понятие пространственного (территориального) неравенства, так как любой город физически представляет собой участок территории. Поэтому для объяснения механизмов формирования и воспроизводства межгородского социально-

¹ При работе над данным разделом диссертации использованы материалы одной из научных публикаций автора, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Медведникова Д. М. Ключевые теоретические подходы к объяснению социально-экономического неравенства городов в зарубежных исследованиях // Региональные исследования. – 2022. – № 2 (76). – С. 25–39.

экономического неравенства могут быть применены и общие теории пространственного неравенства, хотя в мировой практике они в большей степени использовались для объяснения поляризации развития, возникающей между регионами и странами, нежели городами [Inequalities..., 2017]. Их рассмотрение также представляется важным для формирования теоретической основы диссертационного исследования, хотя в 2010-х гг. рядом учёных [Storper, 2013; Huang, Wei, 2019] было показано, что они не в полной мере применимы к объяснению особенностей и причин неравенства именно городов по уровню развития, так как для последнего характерны особые закономерности и факторы.

Поскольку обоснование большинства общих теорий территориального неравенства хронологически предшествовало появлению теорий непосредственно городского развития и во многом стало основой для формирования последних, в данном разделе в первую очередь будет приведено их краткое описание. Затем будут подробнее рассмотрены «городские» теории.

1.1.1 Общие теории пространственного неравенства

Об активном развитии общих *теорий пространственного неравенства* можно говорить начиная с 1950-х гг. [Зубаревич, 2010; Изотов, 2018]. Мировой кризис периода Второй мировой войны, заметные различия в динамике процессов послевоенного восстановления экономики способствовали повышению интереса учёных к исследованию *прикладных* аспектов проблемы неравномерности развития территорий и её измерения. Одним из первых к этой задаче обратился в своих исследованиях У. Изард («Размещение и экономика пространства» [Isard, 1956], «Методы регионального анализа» [Изард, 1966]), а затем – последователи его «школы пространственного анализа» (ШПА). В работах последователей ШПА неравномерность территориального распределения социально-экономических явлений и его зависимость от географических факторов исследовались с использованием широкого спектра как сложившихся к тому времени, так и новых количественных макроэкономических методов анализа.

Вторым вектором изменений ракурса исследований территориального неравенства стал сдвиг в сторону разработки *динамических* теорий и концепций [Грицай и др., 1991]. В предшествующих теоретических работах (прежде всего, в

теориях размещения) рассматривалась статическая пространственная структура экономической деятельности (фактически анализировалась сложившаяся к определённом моменту география размещения производств), однако рост динамичности и изменчивости экономической и политической картины мира в период потрясений первой половины XX века сформулировали для научного сообщества запрос на поиск объективных закономерностей *динамики* складывающихся в пространстве экономических отношений: их эволюции, движущих факторов и характера функционирования, в том числе особенностей и *причин возникновения и воспроизводства территориального неравенства*.

Так, с конца 1950-х гг. учёными было предложено множество динамических теорий, многие из которых до сих пор считаются основополагающими при изучении пространственного неравенства. В их основе зачастую лежало исследование географических особенностей пространственного распространения (диффузии) научно-технологического развития. Далее рассмотрены ключевые из них.

Теории кумулятивного роста и пространственной поляризации

В 1957 г. в работе лауреата Нобелевской премии Г. Мюрдаля «Экономическая теория и слаборазвитые регионы» [Myrdal, 1957] была сформулирована первая **теория кумулятивного роста**. В рамках этой теории шведский учёный обосновал, что имеющиеся между территориями социально-экономические различия объясняются накопленными у них ранее конкурентными преимуществами (действует «принцип кумулятивной причинности»). Г. Мюрдалю удалось показать, что между территориями наблюдается неравенство не только в распределении экономической активности, но и в *динамике* экономического роста. При этом ускоренное развитие одних территорий в сравнении с другими происходит не только вследствие их больших накопленных преимуществ, но и по причине более активного их приумножения за счёт большего накопленного объёма.

Следом в 1960-е гг. американским географом Дж. Фридманом были предложены основы **центр-периферийной теории** (труд «Политика регионального развития» [Friedmann, 1966] и др.), согласно которой неравномерность экономического роста и хода научно-технологического развития неизбежно приводит к нарастанию различий между «ядром» (ключевыми экономическими центрами) и «периферией» (окружающей территорией). Согласно концепции, изложенной Фридманом, между

«ядром» и «периферией» существуют тесные информационные, производственные, товарные, трудовые связи. Потоки в рамках этих связей характеризуются определённой «циклической» направленностью: «ядро» стягивает ресурсы с периферии, которые затем использует для развития новых технологий и тем самым становится первоисточником нововведений и инноваций, которые, в свою очередь, транслирует на периферийные территории «взамен» на полученные ресурсы. Через процессы генерации и внедрения в практику новшеств, трансляции их на окрестные территории происходит научно-технологическая и социально-экономическая трансформация «ядра» (в центрах появляются новые функции, новые отрасли производства и новые виды связей) и вместе с ней в целом ход научно-технологического развития. Сохранение и устойчивость во времени такого циклического направления потоков экономических ресурсов между «ядром» и «периферией» и сопутствующая технологическая трансформация «ядра» обеспечивает постоянное развитие и воспроизводство *поляризации экономического пространства*.

Важным достижением Дж. Фридмана в контексте настоящего диссертационного исследования является то, что он впервые объединил районное и *городское* направления в региональных исследованиях [Грицай и др., 1991], и в процессе изложения центр-периферийной теории в том числе подчёркивал, что «ядрами» территориального развития в большинстве случаев являются *города*.

Идеи центр-периферийной теории Дж. Фридмана в их применении к объяснению социально-экономического неравенства на общемировом уровне – неравенства между странами – были развиты в работах Ф. Броделя [Бродель, 1992], А.Г. Франка [Franc, 1967], *концепции мировых систем* И. Валлерстайна [Wallerstein, 1979] и их последователей. Учёные, изучавшие территориальные диспропорции развития в глобальном масштабе, сходились на том, что существует и общемировое разделение на «центр» и «периферию». При этом под «центром» («ядром») понимаются наиболее экономически развитые страны, а под «периферией» – отстающие и развивающиеся, большинство из которых на тот момент составляли колониальные территории. Авторами выражалось мнение, что для стран «периферии» естественным образом характерно отставание от держав-мировых лидеров по причине того, что их пространство было включено в капиталистические отношения существенно позднее. Хотя понятие мирового «ядра» с течением времени может

изменяться, сохранение территориальных диспропорций развития в мировом масштабе неизбежно.

Теоретическая концепция, во многом схожая с теорией «центр-периферия» Дж. Фридмана, разрабатывалась в 1960–70-х гг. представителем французской школы пространственной экономики Ф. Перру (первые идеи были изложены в статье «Экономическое пространство» в начале книги учёного «Экономика XX века» [Perroux, 1950, 1961]) – она известна как *теория полюсов роста*. Ф. Перру основывал постулаты своей теории на убеждении, что любой экономической системе *естественно* присуще неравенство, возникающее вследствие объективных различий в качестве и количестве факторов производства, продуктивности и доходов организаций и населения. Эти различия неизбежно приводят к разделению экономических субъектов на «доминирующих» и «подчинённых», а их размещение в пространстве задаёт рисунок и масштаб иерархии территориальных различий. «Доминирующие» отрасли, развитие которых происходит быстрее и приносит бóльшие экономические эффекты, Ф. Перру и его последователи называли «пропульсивными» отраслями. Территориальная концентрация (Перру уже употреблял термин «агломерация») таких отраслей в ограниченном числе мест, согласно концепции, и обуславливает появление «полюсов роста». Эффекты масштаба, производительности и инноваций посредством производственных связей «пропульсивных» отраслей с остальными секторами распространяются от «полюсов» к окрестным территориям, ускоряя их экономическое развитие и, таким образом, увеличивая масштаб и скорость роста всей территориальной экономической системы в целом.

Практическое применение концепции полюсов роста для региональной политики стран разрабатывалось учениками Ф. Перру: Ж.-Р. Будвилем [Boudeville, 1968], Х.Р. Ласуэном [Lasuen, 1973], К. Понсаром [Ponsard, 1983] и др. Это затем обусловило широкое применение основ данной теории в программах регионального развития многих государств мира, хотя из-за слабой теоретической проработки негативных эффектов от формирования «полюсов» в последних десятилетиях XX века многие страны уже отказались от идей «принудительной» поляризации пространства в пользу политики территориального выравнивания [Грицай и др., 1991].

Для описания механизмов трансляции научно-технологических новшеств и, как следствие, экономических эффектов от ключевых центров к окружающим

территориям, которые и обуславливают устойчивость центр-периферийного неравенства территориального развития, учёными было разработано широкое множество *моделей пространственной «диффузии» нововведений*. Среди наиболее известных – ранняя модель «диффузии инноваций» Т. Хегерстранда [Hägerstrand, 1952, 1967], «вулканическая модель» Х. Гирша [Giersch, 1979], модель «пространственной диффузии» П. Хаггета [Хаггет, 1968]. Разработкой подобных моделей занимались также Б. Берри, А. Пред, Х. Перлофф и др. учёные (см. в [Грицай и др., 1991]). В целом процессы распространения новшеств рассматривались в рамках данных моделей как один из важнейших факторов эволюции территориальных структур, увеличения асимметрии и иерархии их элементов. Большинство перечисленных учёных на эмпирических данных было показано, что одним из основных направлений распространения инноваций является их передача последовательно от городов более крупного размера и ранга к центрам меньшего значения. Так, модели диффузии новшеств позволили анализировать закономерности формирования *межгородского неравенства*.

Центр-периферийная теория в 1970–80-х гг. также получила развитие в социо-географических работах неомарксистов. На её основе географами-марксистами была сформулирована *теория отсталости и зависимости*, в рамках которой центр-периферийные отношения между территориями рассматривались с позиций не производственно-технологического обмена, а политического воздействия [Weaver, 1984]. Авторами этой теории «периферийность» понималась как степень зависимости территории от внешнеполитических решений «ядра». Жёсткая зависимость от внешних решений и слабость или отсутствие политической силы локальной системы управления на отстающих территориях расценивалась как фактор, ещё сильнее усугубляющий рост территориального неравенства. При этом, по результатам исследований приверженцев данной теории, площадь «зависимой периферии» в мире с каждым годом увеличивалась.

Неоклассические теории пространственного неравенства

Однако теоретические исследования второй половины XX века были направлены не только на обоснование процессов роста пространственной поляризации. В рамках группы *неоклассических теорий* территориального развития, наоборот, изучались условия и факторы *конвергенции* развития территориальных

единиц [Кузнецова, 2012]. В основе всех неоклассических теорий организации пространства лежало предположение о том, что практически все факторы производства (труд, капитал, технологии и др., за исключением земли и природных ресурсов) *мобильны* и могут свободно перемещаться в экономическом пространстве. Следовательно, в процессе развития территории конкурируют между собой за привлечение этих мобильных факторов. Вследствие работы законов совершенной конкуренции факторы производства концентрируются в местах, где от их использования наблюдается наибольшая экономическая отдача. В итоге по результатам свободного конкурентного перемещения факторов производства каждой территории достанется оптимальный необходимый для неё объём и состав производственных факторов, что рано или поздно приведёт к повсеместному выравниванию уровня развития и ликвидации заметных межтерриториальных социально-экономических различий.

Первые *неоклассические модели конвергенции территорий* были предложены в середине 1960-х гг. Дж. Бортсом [Borts, 1960]. Бортс утверждал, что первоначальные условия развития различных территорий не равны между собой, однако это неравенство преимуществ формируется под влиянием внешних «шоковых» политико-экономических факторов и наблюдается *временно*. Внутренние процессы экономического развития, происходящие за счёт свободных перетоков факторов производства, рано или поздно позволяют преодолеть влияние шоковых факторов, действующих извне, и приведут к *выравниванию* социально-экономических различий между территориями.

Вслед за Бортсом была предложена *модель «сходимости и конвергенции»* Р. Солоу (*модель Солоу*) [Solow, 1956], уточнённая и дополненная затем в работах Р. Барро, Т. Свана, Г. Мэнкью, Д. Ромера и Д. Вейла (модель Мэнкью-Ромера-Уэйла) и др. учёных [Гаджиев, 2009]. Модель Солоу и производные от неё на эмпирических данных доказывали, что величина первоначального разрыва в уровне развития между двумя территориями положительно влияет на темпы экономического роста отстающей территории (ускоряются процессы «догоняющего» развития). Это возникает вследствие интенсивного роста цен на факторы производства в пределах территорий-лидеров, который неизбежно сопровождает их ускоренный экономический рост. Когда цены в границах «лидеров» становятся слишком высокими, факторы производства, при

условии их абсолютной мобильности, перетекают в отстающие регионы и тем самым формируют стимулы для быстрого роста уже в их пределах. Выявленные «неоклассиками» закономерности находят отражение в глобальных процессах распределения экономической активности современного мира на примере активного перетока капитала и квалифицированных кадров из развитых стран в развивающиеся [Доклад..., 2009].

Новая экономическая география (НЭГ)

Теоретические наработки, накопленные в области исследования пространственного неравенства в течение второй половины XX века, были обобщены в ставшей наиболее универсальной и наиболее широко применимой в современных исследованиях комплексной теоретической программе *Новой экономической географии (НЭГ)*, разработанной в 1990-е гг. П. Кругманом, М. Фуджитой и Э. Венаблсом [Fujita, 1988; Krugman, 1991; Venables, 1996; Fujita et al., 1999]. Хотя многие идеи НЭГ для научного сообщества были не новы, за что теория зачастую подвергается критике [Isserman, 1996; Martin, 1999], нельзя отрицать и ряд нововведений, которые привнесла в изучение пространственной неоднородности эта исследовательская программа.

Главным объектом исследований НЭГ стали процессы и формы экономической агломерации в географическом пространстве, движимые возрастающей экономией от масштаба и подчиняющиеся концепции общего экономического равновесия. Объяснение пространственной неоднородности с помощью концепции экономического равновесия можно назвать одним из важных качественно новых отличий НЭГ от предыдущих теорий, так же как и отказ исследователей НЭГ от принятия условия о наличии совершенной конкуренции. В рамках многочисленных работ учёных, стоявших у истоков развития НЭГ, было разработано множество новаторских инструментальных подходов к исследованию пространственных различий.

Одним из главных достижений стало формулирование и закрепление в современной экономико-географической практике двух групп факторов неравномерного развития территорий. В группу факторов «первой» природы авторами НЭГ были отнесены те, которые «неподвижны» в пространстве и формируются независимо от деятельности человека. К их числу были отнесены: наличие природных ресурсов и особенности географического положения. В группу факторов «второй»

природы были определены такие, которые формируются под непосредственным влиянием общества: агломерационные эффекты концентрации экономической деятельности, человеческий капитал (его объём и качество) и особенности институциональных условий. *Преобладающее большинство современных работ по анализу территориального неравенства так или иначе опираются на исследование влияния этих групп факторов, выделенных в рамках НЭГ.*

Некоторые прочие теории пространственного неравенства

В период второй половины XX века публиковались и прочие научные работы, в которых обсуждались иные общетеоретические вопросы динамики неравенства территориального развития. Например, известный американский экономист белорусского происхождения С. Кузнец на большой выборке стран предпринимал попытки выявить зависимость между общим уровнем (стадией) развития государства и масштабами внутригосударственного регионального неравенства [Kuznets, 1955, 1966]. Гипотеза о том, что региональное неравенство повышено на ранних стадиях развития, и с ростом и развитием экономики страны оно сокращается, нашла подтверждение в работах как самого учёного, так и его последователей. Графическое отображение этой зависимости, имеющее форму буквы U, получило название кривой Кузнецца (или U-кривой).

Наряду с НЭГ, в конце 1980-х – начале 1990-х гг. также получили развитие две схожих «нигилистических» теории, согласно которым постулировалось отсутствие определённых факторов территориального неравенства либо невозможность на них повлиять. К ним относится *теория случайного роста*, приверженцами которой [Simon, 1955; Gabaix, 1999] утверждалось, что пространственное неравенство формируется в значительной степени фактором случайности и является результатом естественных стохастических процессов, которые не могут быть управляемыми.

Вторая «нигилистическая» теория получила название *теории фундаментальных географических факторов* [Davis, Weinstein, 2002; Rapoport, Sachs, 2003]. Её можно рассматривать как более мягкую модификацию теории случайного роста, так как она предполагает наличие как управляемых, так и неуправляемых факторов экономического роста и пространственного неравенства. К числу неуправляемых факторов, которые создают естественную базу

территориального неравенства, авторы теории относят географические: географическое положение, распределение природных ресурсов, климат и др.

Помимо рассмотренных в разделе ключевых теорий, объясняющих пространственное неравенство, существует широкое множество их модификаций. В том числе современными авторами предпринимаются попытки по переосмыслению фундаментальных теорий пространственного неравенства предыдущих периодов (в качестве примера можно привести новую теорию «внутренней периферии» Э. Копуса и его коллег [PROFECY..., 2017], Т. Херршелла, А. Букле и С. Сиретт [Herrschel et al., 2009]). Это формирует чрезвычайно широкое поле для выбора теоретического обоснования современных исследований территориального неравенства.

1.1.2 Теории городского развития и конкурентоспособности городов

Исследователями городов выделяется два ключевых отличия теорий городского развития от общих теорий регионального роста и пространственного неравенства [Helfman, 2011; Storper et al., 2015]. Первое отличие заключается в предпосылке о свободной (или как минимум высокой) мобильности населения и факторов производства между городами в сравнении со странами и регионами: различия в культуре, институтах, законах между городами внутри одной страны или региона значительно меньше, что обеспечивает возможность более свободного передвижения людей, капитала, товаров и идей между ними. Второе отличие – высокое внимание изучению фактора цен на недвижимость, который на иных пространственных уровнях проявляется косвенно, а для распределения движущих сил городского развития имеет решающее значение.

Деление теорий, объясняющих основные факторы социально-экономического развития городов, на *теории городского развития* и *теории конкурентоспособности городов* в некоторой степени условно, поскольку между ними наблюдается множество пересечений рассматриваемых факторов и обе группы теорий так или иначе объясняют механизмы формирования превосходства тех или иных городов. Тем не менее, для теорий городской конкурентоспособности характерен более экономический взгляд на городское развитие – города в них рассматриваются, прежде всего, как места сконцентрированного скопления экономических агентов, обосновываются факторы экономического роста (а не социально-экономического развития), теоретические

закономерности основываются на фундаментальных законах и моделях макро- и микроэкономики. Ряд данных теорий появился в зарубежной научной литературе относительно давно – в 1940–50-х гг., так как они формировались параллельно с ходом развития ключевых экономических концепций.

Прочие теории городского развития стали развиваться заметно позднее (большинство из них датируется периодом конца 1990-х – 2000-х гг.). В них значительно большее внимание уделяется не только экономическим, но и человеческим, социальным, политическим и институциональным факторам, а городское развитие рассматривается более разносторонне и комплексно. Идеи данных теорий формировались под воздействием множества мировых тенденций нового времени – глобализации, ускоренного развития инноваций и высокотехнологичных секторов, роста значимости науки и образования, что обуславливает их широкое разнообразие.

Далее в разделе будут рассмотрены ключевые теории каждой из двух групп. Схематично эволюция описываемых теоретических подходов во времени представлена на рисунке (Рисунок 1).

Теории городской конкурентоспособности

«Классическая» теория конкурентоспособности городов [Николаева, 2001].

Теория получила развитие недавно в работах широкого спектра учёных из разных стран (И. Бегга [Begg, 1999], К. Дженсена-Батлера [Jensen-Butler, 1997], В.Ф. Левера [Lever, 1999], И. Брамеззы [Bramazza, 1996] и др.) – основной поток исследований по теме был опубликован только во второй половине 1990-х гг. Суть теории заключается в переложении основных экономических принципов и законов конкуренции фирм на города. В рамках неё города воспринимаются как усложнённый аналог фирм («города-предприниматели») или единая совокупность территориально локализованных компаний. Аналогично предприятиям города обладают ограниченными ресурсами (социальными, экономическими, политическими) и вынуждены рационально распоряжаться ими для повышения конкурентоспособности с целью привлечения инвестиций и населения.

В работах одного из основоположников данной теории И. Бегга [Begg, 1999] постулируется, что конкурентоспособность города в сравнении с другими заключается в защите своей доли рынка. Поскольку город в соответствии с данной теорией является

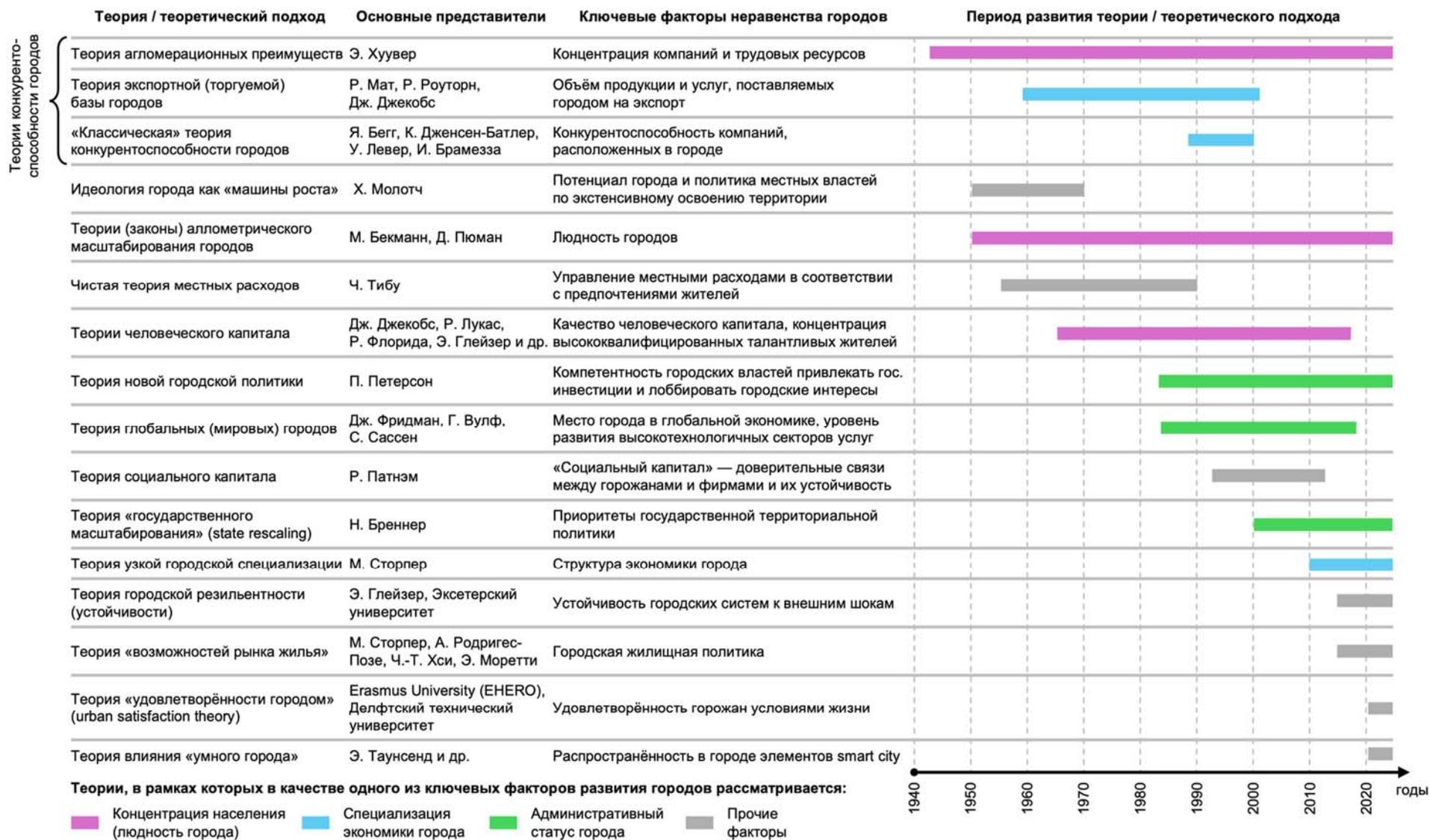

Рисунок 1 – Эволюция теоретических подходов к объяснению межгородского неравенства и их ключевые характеристики

Источник: составлено по результатам анализа научной литературы.

совокупностью фирм, то конкурентоспособность города напрямую зависит от конкурентоспособности составляющих его компаний. Наиболее успешными являются города, которые способны предоставить наполняющим их фирмам лучшие условия для роста их конкурентоспособности.

С ростом глобализации и роли инноваций и квалификации кадров, учёными-приверженцами «классической» теории конкурентоспособности городов наряду с фактором обеспечения лучших условий для фирм стали выделяться ещё два фактора городского развития [Kotler, 1993; Van den Berg, Braun, 1999]: привлекательность города для человеческих ресурсов, необходимых для обеспечения фирм, и его привлекательность для туристов, которые способны распространить информацию о фирмах на внешних рынках. В 1980-х гг. стала популярна также идея такого механизма повышения конкурентоспособности, как «городской маркетинг», выражающегося в рекламе и популяризации имиджа «городов-предпринимателей» [Функе, 1998].

При этом в большинстве работ по конкурентоспособности городов было показано [Hallin, 1996], что несмотря на широкое разнообразие наполняющих город фирм, он не может обеспечить конкурентоспособность каждой фирмы. Это обуславливает специализацию городских экономик. Наибольших экономических результатов достигают те города, которые улучшают условия для фирм тех отраслей, для которых характерны наивысшие конкурентные преимущества.

В соответствии с представленной теорией, если уровень социально-экономического развития городов зависит от совокупной конкурентоспособности предприятий, действующих в их границах, то масштаб и динамика межгородского неравенства развития городов обуславливается различиями усилий местных властей разных городов по обеспечению их наиболее конкурентных (исходя из отраслевой специализации) фирм ресурсами и условиями для повышения конкурентоспособности.

Теория агломерационных преимуществ. Является одной из базовых теорий конкурентоспособности городов и основывается на теории кластеризации М. Портера, теории агломерационных эффектов А. Маршалла и эндогенных моделях роста, объясняющих механизмы возрастающей отдачи от масштаба. Данная теория обосновывалась ещё в работах учёных середины XX века [Hoover, 1937, 1948], но привлекает особое внимание и современных исследователей (Р. Каманьи [Camagni, 2002], Дж. Дурантона и Д. Пуги [Duranton, Puga, 2004], Дж. Тисса [Thisse, 2010] и др.).

Согласно теории агломерационных преимуществ, наиболее конкурентоспособными являются крупнейшие агломерации или города, в которых наблюдается наибольшая физическая концентрация фирм и трудовых ресурсов. Физическая близость экономических агентов друг к другу в пределах городских ареалов оказывает повышающие эффекты на производительность труда и способствует ускорению экономического роста. Уровень социально-экономического неравенства между городами определяется в соответствии с этой теорией наличием крупных городских агломераций и их размером: чем крупнее агломерации, чем выше наблюдаемые в них дополнительные производственные эффекты, тем выше их «отрыв» от других городов.

Теория экспортной (торгуемой) базы городов. Согласно данному теоретическому подходу, идеи которого периодически появлялись в работах экономистов и географов начиная с 1960-х гг. [Muth, 1968; Rowthorn, 1999], конкурентоспособность каждого города напрямую определяется масштабами продукции и услуг, поставляемых им на экспорт (иначе – объемом торгуемых городом во внешние территории товаров и услуг), вкладом города в мировой и страновой экспорт и шириной его охвата экспортных рынков. Учёные, придерживающиеся данной теории, основывают свои положения на экспортоориентированных макроэкономических моделях Кейнса, Калдора и законе Вердоорна, определяющих возникновение различного рода мультипликативных и накопленных эффектов от экспорта на уровень потребления, производительность, инвестиции, доходы населения, качество услуг и прочие социально-экономические характеристики [Martin, Simmie, 2008]. Так, экспортная база рассматривается авторами теории как первооснова развития экономики и роста производительности городов.

Исходя из данной теории, масштабы межгородских социально-экономических различий формируются различиями их экспортного потенциала и способности создавать, привлекать и поддерживать фирмы, производящие товары для внешнего потребления.

Общие теории городского развития

Теория глобальных (мировых) городов. Основные положения теории были сформулированы в работе Дж. Фридмана и Г. Вулфа «Формирование мировых городов» [Friedmann, Wolff, 1982; Friedmann, 1986] и далее развиты в 1990-х в работах С. Сассен [Sassen, 1991; Сассен, 2007], хотя к изучению и классификации мировых

городов ряд учёных обращался и ранее в XX веке (среди них П. Холл [Hall, 1966], Г. Рид [Reed, 1981], Г. Трифт [Thrift, 1989], коллектив исследователей из университета Сиракуз [Short J. et al., 1996] и др., подробно с эволюцией исследований в рамках теории мировых городов можно ознакомиться в статье Н.А. Слуки [Слука, 2005]). С позиций геоэкономики и политэкономии, данная теория объясняет механизмы формирования ограниченного числа городов-мировых лидеров по показателям экономической концентрации и экономического развития (таких как Нью-Йорк, Гонконг, Лондон, Париж, Токио и др.) и их масштабного «отрыва» по уровню развития от других городов.

Согласно авторам теории, в результате активных процессов глобализации экономики (в том числе за счёт взаимопроникновения фирм на множество национальных рынков), увеличивающейся роли информационных технологий и, как следствие, роста мобильности людей и капитала в последние десятилетия XX века на первый план в мировой экономике выходит конкуренция уже не между национальными государствами, а между субнациональными единицами – ключевыми местами концентрации экономической активности, а именно – крупнейшими мировыми городами.

С. Сассен объясняет формирование значительных социально-экономических преимуществ «глобальных» городов перед остальными общемировой тенденцией развития четырёх высокотехнологичных секторов услуг, генерирующих наибольшие объёмы добавленной стоимости, и теми требованиями, которые данные сектора предъявляют к пространству. К таким секторам автор относит: 1) финансовые и деловые услуги, 2) услуги власти и управления, 3) креативные виды деятельности и 4) услуги туризма. Учёная утверждает, что перечисленные отрасли объединяет три особенности: во-первых, для них необходимо обеспечение высокой скорости сбора, обмена и потребления информации; во-вторых, развитие и реализация услуг данных секторов может осуществляться только при их тесном взаимодействии друг с другом; в-третьих, в силу информационного характера и взаимного синергетического эффекта эти отрасли произвольно вынуждены концентрироваться друг с другом в пространстве. Поскольку перечисленные отрасли услуг трудоёмки (требуют больших человеческих ресурсов), а также их развитие напрямую зависит от концентрации, то наиболее благоприятным местом для их расположения являются наибольшие по

численности населения мировые города. Высокая технологичность и производительность этих секторов, а также их широкая востребованность на современном рынке и способность генерировать значительные мультипликативные эффекты в смежных секторах обуславливают быстрые темпы роста валовой добавленной стоимости и дохода в этих городах в сравнении с окружающими, тем самым формируя и непрерывно приумножая их преимущества.

Теория и идеология города как «машины роста». В основе понимания города как «машины роста» лежит идея о том, что наиболее высокий уровень социально-экономического развития города может быть достигнут прежде всего за счет экстенсивного расширения его территории и ускоренного строительства жилья, сопровождающегося расширением деятельности и внутренней конкуренции риэлторского, девелоперского и финансового бизнеса. Соответственно, с позиций данного подхода межгородская дифференциация формируется особенностями и межгородскими различиями проводимой местными властями политики по экстенсивному расширению городского пространства: чем больше у города возможностей для расширения территории и строительства и чем лучше данные возможности используются, тем выше положение города по уровню социально-экономического развития, и наоборот.

Изначально данный идеологический подход к городскому развитию произвольно сформировался среди городских и региональных управленческих элит развитых стран мира, главным образом – в США, в период после Второй мировой войны как следствие массового автодорожного и жилищного строительства, сопровождаемого чрезвычайной заинтересованностью правительств в расширении процессов жилищного ипотечного кредитования. Только позже основные положения этого подхода, а также недостатки его практического применения в политике управления городами были оформлены с научной точки зрения в работах Х. Молотча [Molotch, 1976] и его коллег [Logan et al., 1976].

Данная теория находила широкое практическое воплощение в росто-ориентированных моделях городского управления в США и других развитых странах мира в 1950–60-х гг. Однако уже к 1970-м ориентация на масштабный рост во многих развитых городах привела к накоплению значительных негативных эффектов, таких как усиление транспортной напряженности, ухудшение экологической обстановки,

рост внутригородского социального неравенства и др. Тогда это привело к постепенному отказу городских властей от применения теоретической модели «машины роста» в пользу концепции «компактного города» и «умного роста». Тем не менее, эта модель до сих пор применяется в политике управления средних и крупных городов развивающихся и слаборазвитых стран, в том числе стран БРИКС [Управление пространственно-..., 2016].

Теории (законы) аллометрического масштабирования городов (с англ. *urban allometric scaling law*) [Sarkar, 2019]. Согласно данной группе теорий устанавливается, что имеет место строгая степенная математическая зависимость показателей социально-экономического развития городов от их размера (людности). Первые исследования, устанавливающие такую зависимость, были проведены М. Дж. Бекманном ещё в 1950-е гг. [Beckmann, 1958] (в качестве продолжения изучения закона Ципфа, описанного в 1949 г. [Zipf, 1949]), однако в последние десятилетия, в связи с ростом внимания к межгородскому неравенству, исследователи городов с новым интересом обратились к выявлению таких закономерностей (известны работы М. Бэтти [Batty, 2013], Д. Пумэн [Pumain, 2004, 2006] и её коллег [Paulus et al., 2006], других международных коллективов учёных [Bettencourt et al., 2007]).

Общая расчётная теоретическая модель в таких исследованиях основывается на формуле агломерационного эффекта А. Маршалла и имеет вид:

$$Y = \alpha X^\beta, \quad (1)$$

где Y – определённый показатель социально-экономического развития города,

X – показатель, характеризующий размер города (обычно в качестве такого показателя выступает численность населения),

α – коэффициент зависимости социально-экономического параметра города от его численности населения,

β – показатель масштабирования, на котором основывается социально-экономическая конфигурация городской системы.

Согласно формуле, если $\beta = 1$, то между социально-экономической характеристикой городов и их людностью наблюдается линейная прямо пропорциональная зависимость; если $\beta < 1$, то в городской системе наблюдается экономия от масштаба (чем больше размер города, тем ниже социально-экономический показатель); если $\beta > 1$, то наблюдается рост отдачи от масштаба.

Современными исследованиями на городских данных конца XX – начала XXI века показано, что по таким социально-экономическим параметрам, как доходы населения, заработная плата, валовой городской продукт, количество патентов и др., коэффициент масштабирования в зависимости от людности β принимает значения больше 1, т.е. имеет место отдача от масштаба.

Исходя из эмпирических закономерностей, установленных законом аллометрического масштабирования городов, масштабы неравенства городов по тем или иным характеристикам основываются на их различии по людности. Точные метрики межгородского неравенства могут быть легко рассчитаны исходя из коэффициентов неравенства городов по численности населения с учётом коэффициентов α и β для конкретных социально-экономических параметров и выборки городов.

Теория социального капитала Р. Патнама. Теория Р. Патнама [Putnam, 1993, 2000] является одной из первых, возникших в противовес идеям теорий городской конкурентоспособности, гласившим, что двигателем экономического развития городов и регионов является концентрация *экономических* единиц в лице фирм. Учёный утверждал, что вместо концентрации приоритетную роль для развития городов играет «социальный капитал» – складывающиеся между людьми и фирмами тесные доверительные связи и их устойчивость, которые приводят к развитию прогрессивного гражданского общества. Исходя из этого межгородское неравенство формируется различиями в социальной среде городов и крепости социальных связей местных городских сообществ. Однако теоретические выводы Патнама были опровергнуты социальными исследованиями городов в 2000-х гг. и последующими теориями человеческого капитала, которые заместили теорию Патнама. В них было показано, что талантливые креативные жители, концентрация которых рассматривается как ключевой фактор развития и конкуренции городов, предпочитают сильным общественным связям слабые «квази-анонимные» отношения [Florida, 2005].

Теории человеческого капитала. К данной группе теорий следует отнести широко известную теорию экономики города Дж. Джекобс [Jacobs, 1984], теорию «экстерналий человеческого капитала» нобелевского лауреата Р. Лукаса [Lucas, 1988], теорию «креативного класса» Р. Флориды [Florida, 2002], а также современные теоретические обобщения Э. Глейзера [Glaeser, 2011] и его учеников и др. учёных. Их

создателей объединяет мнение, что успешность развития городов зависит не от концентрации в них экономической активности в лице компаний и фирм, и не от уровня развития деловой, финансовой и транспортной инфраструктуры, а от сосредоточения в них высококвалифицированных талантливых жителей, иначе – от уровня развития человеческого капитала.

В свою очередь, каждый из перечисленных учёных несколько по-разному объясняет механизм влияния человеческого капитала на рост городов. Например, согласно теоретическим рассуждениям Дж. Джекобс [Jacobs, 1984a; 1984б], наибольшую ценность для городской социально-экономической динамики создаёт креативный потенциал жителей, а именно их способность к генерации оригинальных идей и созданию нового: новых видов деятельности и новых методов работы [Florida, 2002]. Идеи Джекобс были доработаны в теории Р. Лукаса [Lucas, 1988]: учёный обосновал, что основным фактором экономического роста городов являются мультипликативные эффекты, возникающие благодаря кластеризации и взаимодействию (а не просто наличию) талантов внутри города. Эти эффекты Р. Лукас назвал «внешними экстерналиями человеческого капитала» или «экстерналиями Джейн Джекобс». Согласно Лукасу, заметное увеличение производительности в наиболее развитых городах стран мира происходит именно благодаря экстерналиям Джекобс. Без роли человеческого капитала совокупность экономических агентов и объектов в городе не могла бы генерировать аналогичный рост производительности.

Э. Глейзер [Glaeser, 1998, 2000, 2011] и его коллеги [Glendon, 1998; Simon, 1998; Mathur, 1999] теоретически и эмпирически обосновывают, что основной движущей силой городского развития являются непосредственно квалификация и уровень образования жителей. Р. Флорида в известных работах, посвящённых разработке теории креативного класса [Florida, 2002, 2005, 2008], утверждает, что в качестве основы экономического роста городов выступает конкретный тип человеческого капитала – творческие люди, и, что более важно, их предпочтения и принятие решений относительно выбора места жительства и работы. В совокупности превосходство городов согласно Р. Флориде формируется за счёт трёх «Т» – технологий, талантов и толерантности.

Так или иначе, согласно перечисленным подходам, в качестве основного фактора, определяющего межгородское неравенство, выступает миграция

человеческого капитала и уровень развития в городах инфраструктуры и среды для его привлечения и усовершенствования.

Чистая теория местных расходов Ч. Тибу (гипотеза, модель Тибу). Модель экономиста и географа Ч. Тибу является одной из немногих пространственных моделей *теории общественного выбора*. Её основные положения были сформулированы учёным в 1956 г. в одноимённой работе [Tiebout, 1956] – они были опубликованы в качестве решения вопроса о неспособности общества достичь эффективного предложения общественных благ из-за сокрытия потребителями своих предпочтений (действия «эффекта безбилетника»), поставленного в 1954 г. лауреатом Нобелевской премии Т. Самуэльсоном [Samuelson, 1954]. В своём исследовании на примере муниципалитетов Ч. Тибу показал, что потребители обладают способностью выражать свои предпочтения с помощью мобильности и т.н. «голосования ногами», то есть осуществляя перемещение и переезд в те места, где предложение местными властями общественных благ и обременение налогами наиболее соответствует их представлениям и жизненным возможностям. В связи с этим Ч. Тибу доказывал, что критическим для достижения наиболее эффективного распределения общественных благ (чтобы каждый индивид мог быть удовлетворён с наименьшими бюджетными затратами) является бюджетная децентрализация и передача управления фискальными расходами на низовые уровни власти.

Согласно модели Ч. Тибу, наиболее сбалансированными являются те городские системы, в которых повсеместно высоко качество местной власти, управляющей расходами в соответствии с предпочтениями жителей (при условии неограниченной мобильности индивидов, в реальности имеющей ограничения). Хотя модель не даёт чёткого ответа, какие города достигнут лучших социально-экономических результатов, она позволяет определить, что степень и характер неравенства развития между городами зависит от территориальных различий в качестве местного (муниципального) управления бюджетными расходами и определяемой ими аллокации жителей в соответствии с их предпочтениями.

Теория новой городской политики во многом является современным продолжением теории Ч. Тибу. Согласно ей социально-экономические успехи городов зависят от качества городского управления и способностей городских властей привлекать государственные инвестиции и лоббировать на государственном уровне

городские интересы. Таким образом, «отрыв» городов-лидеров по социально-экономическим показателям от городов-аутсайдеров во многом формируется различиями в управленческих компетенциях мэрий городов. Отличие данной теории от теории Ч. Тиббу состоит в том, что соответствие решений властей мнению городских жителей не имеет приоритетного значения и уступает роли компетенций мэров по привлечению финансовых ресурсов и полномочий по урегулированию местных вопросов. Хотя современные авторы связывают появление данной теории с основополагающей работой П. Петерсона «Городские пределы» [Peterson, 1981], которая была написана учёным ещё в 1981 г., основной массив работ, развивающих эту теорию, был написан в 2000–2010-х гг. [Davies, Imbroscio, 2009; MacLeod, 2011; MacLeod, Jones, 2011; Pierre, 2014]. Данная теория продолжает развиваться и в исследованиях рубежа 2010–20-х гг. [Lucas, 2017; Da Cruix et al., 2019].

Теория узкой городской специализации М. Сторпера. Теоретический подход к исследованию городских систем М. Сторпера возник как критический ответ на господство в городских исследованиях идей теорий человеческого капитала и НЭГ и был наиболее полно представлен в монографии автора «Ключи от города: как устроено развитие?» [Storper, 2013]. Критикуя теории человеческого капитала, в частности теорию «креативного класса» Р. Флориды, М. Сторпер показывает, что особенности культуры и образования жителей могут в том числе служить блокировками и барьерами на пути социально-экономического развития города. Также он доказывает, что НЭГ может объяснить механизмы концентрации, но она бессильна в объяснении *неравенства* в уровне концентрации между городами (например, НЭГ не может доказать, почему Нью-Йорк больше, чем Вашингтон).

В ответ на предыдущие теории учёный утверждает, что неотъемлемой сущностью и двигателем развития в современных городах является наличие в них производства (товаров и услуг), в то время как создание комфортной среды для жизни граждан имеет лишь вторичное значение. Накопление городом человеческого капитала происходит как следствие возникновения городской специализации, а не наоборот. Согласно автору, существует бесконечное число узкоотраслевых специализаций, соответственно, конкурентная специализация может быть найдена для каждого города. При этом уровень развития городской экономики в конечном счёте определяется не просто наличием специализации (она является необходимым условием, но не

достаточным), а тем, как городские институты в лице бизнеса и власти смогут посредством своего вертикального и горизонтального взаимодействия обеспечить наилучшие условия для её развития.

Таким образом, согласно подходу М. Сторпера, базовой причиной неравенства между городами являются структурные различия специализаций их экономики. При этом масштабы межгородского неравенства зависят от того, насколько успешно будут развиваться отрасли специализации городов во взаимодействии с человеческим капиталом и внутренними городскими и региональными институтами.

Теория «государственного масштабирования» (*state rescaling*). Одна из наиболее популярных теорий, широко используемых в самых последних городских исследованиях. Возникла в середине 2000-х гг. в качестве критического ответа теориям глобальных городов и смежным с ними, в которых превалировал учёт только экономических факторов развития городов. Основатель данной теории Н. Бреннер [Brenner, 2004] утверждал, что современное экономическое процветание городов происходит не само по себе, а предопределяется конкретными политическими решениями и территориальными приоритетами государственной власти. На примере стран Восточной Европы Бреннер показывает, что пространственное неравенство (в том числе социально-экономическое неравенство между крупнейшими городскими центрами внутри государства) в условиях XXI века воспринимается национальными правительствами как необходимое условие для обеспечения экономического роста, при этом территориальная конфигурация и масштабы данного неравенства определяются решениями власти: посредством различных инструментов региональной политики и адресных инфраструктурных вложений государств в выборочные городские центры. Процесс перераспределения экономических ресурсов и потенциала в пользу избранных городов, которые вследствие обильных инвестиционных вложений должны стать ведущими геостратегическими центрами страны, представляющими её на международной арене экономических потоков, Н. Бреннер назвал «глокализацией» (от англ. *global* – глобальный, + *local* – локальный). Феномен «глокализации» был раскрыт на примере многих городов мира, наиболее яркие примеры – города Юго-Восточной Азии, такие как Куала-Лумпур [Olds, Yeung, 2004], Шанхай [Wu, 2003] и др., которые сегодня занимают одно из ведущих положений по уровню социально-

экономического развития в мире благодаря целенаправленной политике соответствующих государств.

Новейшие теории городского развития

В последние годы (2010–20-е гг.) развитие теоретических подходов к объяснению превосходства одних городов над другими активно продолжается. Среди самых последних можно выделить следующие:

Теория городской резильентности (устойчивости), которая начала активно развиваться в середине 2010-х гг. в связи с популяризацией мировой повестки целей устойчивого развития и глобального изменения климата [Meerow et al., 2016], но особую популярность приобрела после пандемии коронавируса 2020 года [Adger et al., 2020; Glaeser, 2022]. Данная теория утверждает, что наибольших успехов в социально-экономическом развитии способны достичь те города и городские системы, которые являются более устойчивыми к внешним шокам (мировым эпидемиям болезней, природным и техногенным катаклизмам). Пандемия COVID-19 замедлила экономический рост многих мегаполисов мира, и наименьшие экономические потери понесли те из них, системы здравоохранения, политические и социальные институты которых были более готовы к преодолению пандемии и сглаживанию её последствий. Таким образом, устойчивость городов к внешним воздействиям становится новым фактором, определяющим их неравенство по уровню и динамике развития.

Теория «возможностей рынка жилья» (housing as opportunity theory). Согласно данной теории, ключевым современным фактором социально-экономического развития городов мира является регулирование рынка жилья. Приверженцами данной «школы мысли» [Rodríguez-Pose, Storper, 2020] считается, что благоприятное влияние на развитие мегаполисов оказывает мягкая жилищная политика, в то время как жёсткие ограничения мест под застройку и высокие цены на рынке жилья служат существенным препятствием для привлечения финансовых и трудовых (в лице мигрантов) ресурсов, ограничивают агломерационный рост и служат причиной роста внутригородского неравенства и, как следствие, социальной напряжённости [Neumark, Simpson, 2014; Hsieh, Moretti, 2015, 2019; Gaubert, 2018]. Таким образом, ключевым фактором, дифференцирующим города по уровню развития, считается жилищная политика, что формирует частичное сходство данной теории с американской теорией городов как «машин роста» 1950–60-х гг. Однако в последние

годы постулаты данной теории оспариваются научным сообществом [Rodríguez-Pose, Storper, 2020], что свидетельствует, что данный подход ещё находится на этапе становления и трансформации.

Теория «удовлетворённости городом» (*urban satisfaction theory*). Один из самых новых теоретических подходов к объяснению факторов иерархии городов: ряд научных публикаций различных авторов с изложением данного подхода появился в ведущих урбанистических изданиях в 2020–2021 гг. [Burger et al., 2020; Lenzi, Perucca, 2021; Cardoso et al., 2021]. Согласно теории, существует положительная (а не отрицательная, как во многих исследованиях значилось до этого [Graham, 2012; Okulicz-Kozaryn, 2015]) взаимосвязь между субъективным восприятием качества жизни (удовлетворённостью жизни) горожанами и местом города в страновой и мировой экономической системе. Эта теория, с одной стороны, меняет общепринятый взгляд на определение уровня социально-экономического развития города – согласно ей, оно должно определяться не статистическими показателями, а субъективным восприятием этого уровня самими жителями через их ощущения; с другой стороны – детерминирует фактор условий жизни в качестве основного, дифференцирующего города. Иначе говоря, согласно данному подходу лидерами по социально-экономическому развитию становятся те города, где обеспечены лучшие условия жизни, удовлетворяющие субъективные потребности большинства горожан. В основе данного подхода лежит теория человеческих потребностей (или пирамида потребностей) А. Маслоу: чем лучше город обеспечивает низовые потребности жителей, тем на более высоких потребностях они концентрируются, что повышает производительность и продуктивность их работы и, как следствие, ускоряет городской экономический рост.

Теория «умного города» является ещё одним новейшим подходом к объяснению межгородского неравенства, который стал развиваться в научных публикациях по урбанистике начиная с 2020 г. [Nugent, Suhail, 2022; Caragliu, Del Bo, 2022]. Хотя сама концепция «умного города» (*smart city*) зародилась ещё в конце XX века [Eremia et al., 2017], только сейчас в научном сообществе широко стал обсуждаться вопрос влияния элементов *smart city* на формирование социально-экономических различий между городами. Подход подразумевает, что внедрение элементов «умного города» служит катализатором для усиления как внутригородского, так и межгородского неравенства,

поскольку пользование этими элементами становится доступным только для определённых наиболее состоятельных категорий горожан и таким образом стимулирует социальное расслоение по доходам. Хотя сама по себе реализация концепции smart city не является первопричиной социально-экономических различий между одними городами в сравнении с другими, она укрепляет и приумножает социально-экономический разрыв между городами-«лидерами» и «аутсайдерами».

Перечисленные теории и подходы находятся в активной стадии развития, учёные продолжают вести споры и дискуссии по поводу их положений. Более того, рядом современных исследователей городов подчёркивается сохраняющееся несовершенство всех разработанных теорий, объясняющих превосходство одних городов над другими [Place-Based..., 2016]. В частности, об этом говорит один из ведущих мировых экономико-географов М. Сторпер – он подчёркивает, что несмотря на наличие большого числа теорий городского развития, которые сложились к текущему моменту, главная теоретическая задача исследования городских систем, состоящая в поиске наиболее правильного и эффективного соотношения количества городов, их иерархий и размеров (по сути – в поиске наиболее эффективного уровня межгородского неравенства), ещё не решена [Storper, 2013].

Проведённый обзор теоретических подходов, объясняющих механизмы формирования межгородского неравенства, приводит к следующим выводам:

– Теоретических концепций, которые бы объясняли особенности, динамику и факторы непосредственно уровня (масштаба) межгородского неравенства, в научных исследованиях городов не сложилось. Ответ на вопрос, под действием каких факторов одни города развиваются быстрее других, дают экономические теории городского развития. При этом среди общего массива этих теорий в отдельную группу выделяются теории конкурентоспособности городов, которые первоначально были сформулированы с целью определить факторы конкурентной борьбы городов за ресурсы и причины конкурентного «выигрыша» одних и «проигрыша» других, т.е. по факту были направлены на оценку непосредственно механизмов межгородского неравенства, в отличие от других теорий.

– Рассмотренные подходы и концепции характеризуются значительной разнородностью взглядов на факторы межгородского неравенства. Единого согласованного мнения о наборе ключевых факторов, обуславливающих лидерство

одних городов в сравнении с другими, к настоящему моменту в научном сообществе не сформировалось, однако три фактора: 1) концентрации населения и трудовых ресурсов (людности), 2) административного статуса города как отражения сосредоточения в нём политических ресурсов, 3) специализации городской экономики – выделяются в качестве ключевых сразу в нескольких теориях, развивавшихся в разные периоды времени (см. Рисунок 1). В международной исследовательской практике эти факторы закрепились как ключевые [Cottineau, 2022].

– Нельзя говорить и о доминировании той или иной из описанных теорий – все накопленные теоретические взгляды более или менее широко используются зарубежными авторами в современных городских исследованиях, что делает общую теоретическую рамку рассмотрения различий социально-экономического развития городов чрезвычайно многообразной и слабо упорядоченной.

– Эволюция теоретических подходов к объяснению межгородского неравенства в целом согласовывалась с общим ходом смены парадигм в географических исследованиях. Она характеризуется следующими особенностями:

1) В более поздних теоретических подходах (1990-х – 2000-х гг.), объясняющих межгородское неравенство, прослеживается усиление внимания к учёту человеческих факторов (к которым можно отнести социальные, политические, институциональные факторы – рост внимания к ним наблюдался в ходе развития социально-экономической географии с наступлением гуманистической парадигмы исследований во второй половине XX века), однако отхода от рассмотрения экономических факторов не произошло. В связи с этим не произошло и выраженной смены доминирования количественных методов в пользу качественных: наоборот, многие теории XX века, основывающиеся на расчётных методах и моделях, получили второе развитие в исследованиях городов 2000-х гг. (как, например, теории аллометрического масштабирования городов, теория агломерационных преимуществ, теория «возможностей рынка жилья», отчасти повторяющая идеи концепции города как «машины роста»).

2) В новейших теоретических подходах второй половины 2010-х – начала 2020-х гг. заметно сужение поля оцениваемых факторов межгородского неравенства, на которых концентрируется внимание исследователей: если в 1990–2000-х гг. развитие подходов характеризовалось усложнением и ростом числа рассматриваемых

факторов успешности развития одних городов и «неудач» других (например, рассматривался сразу комплекс факторов привлечения человеческого капитала), то в последних исследованиях акцент делается на узкоотраслевых факторах – регулировании рынка жилья, внедрении элементов «умного города» и иных. Сужение набора факторов и более глубокая теоретическая проработка особенностей их влияния приводит к более широкому распространению в новейших исследованиях качественных методов.

– Разнообразие теоретических наработок, направленных на оценку факторов межгородского неравенства, в последние годы (конец 2010-х – начало 2020-х гг.) свидетельствует о том, что развитие теорий городского неравенства находится в активной стадии. Об этом свидетельствуют и дискуссии современных городских исследователей о том, что, несмотря на накопление множества теоретических подходов к объяснению межгородского социально-экономического неравенства, ни одна из существующих теорий не совершенна. Это открывает обширное поле для будущего развития теоретических исследований межгородского неравенства.

1.2 Российские исследования неравенства развития городов и его факторов²

В советской и российской урбанистической науке не сформировалось специальных теорий, направленных на обоснование природы и закономерностей формирования неравенства развития городов, хотя интерес отечественных ученых-географов к изучению межгородских различий отмечается с XIX века – с момента появления фундаментальных работ К.И. Арсеньева, содержащих комплексное описание городов Российской империи [Арсеньев, 1832]. Тем не менее, в первых масштабных отечественных работах в области географии городов XIX – начала XX веков, к числу которых также можно отнести труды В.П. Семёнова-Тян-Шанского [Семёнов-Тян-Шанский, 1910], А.И. Воейкова, П.И. Кёппена, И.К. Кирилова, А.А. Крубера, Н.А. Милютин, П.П. Семёнова и др., акцент делался на описании

² При работе над данным разделом диссертации использованы материалы научных публикаций автора, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования:

1. Медведникова Д. М. Факторы неравномерности развития городов России с населением более 100 тыс. чел. в первых десятилетиях XXI века // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2025. – Т. 88. – № 5. – С. 738–756.

2. Medvednikova D. M. Factors of uneven development of Russian cities with a population of over 100 000 in the first decades of the 21st century // Regional Research of Russia. – 2024. – Vol. 14, Suppl. 1. – P. S86–S100.

географических систем городов на основе данных об их местоположении, людности и специализации экономики, в то время как оценка различий городов по социально-экономическим параметрам развития (т.е. непосредственно социально-экономического неравенства городов, которое является предметом данного диссертационного исследования) не проводилась ввиду недостатка статистической информации [Обедков, 2020].

Отечественные работы, посвящённые анализу различий городов по показателям развития хозяйства, стали появляться в советское время в рамках оформившейся в отдельное направление географии городов, хотя большинство исследований в рамках данного направления по-прежнему сосредотачивались на изучении только демографических характеристик городов, конфигурации городских систем и внутренней планировки городов. В тот период развитие городов оценивалось с позиций доминировавшей в экономической географии Советского Союза районной школы в контексте общего фокуса исследований на оценку диспропорций размещения производительных сил. В 1946 г. Н.Н. Баранским была издана статья «Об экономико-географическом изучении городов» [Баранский, 1946], заложившая основу для развития исследований, посвящённых сравнительному анализу городов непосредственно по социально-экономическим показателям. Дифференциация городских центров в последующих работах изучалась через призму одной из основополагающих концепций советской районной школы – концепции экономико-географического положения (ЭГП), которое и постулировалось советскими учёными О.А. Константиновым [Константинов, 1947], И.М. Маергойзом [Маергойз, 1987], В.Г. Давидовичем [Давидович, 1960], Е.Е. Лейзеровичем [Лейзерович, 1971], Г.М. Лаппо [Лаппо, 1969, 2012], Е.Н. Перциком [Перцик, 1999] и др. в качестве ключевого или даже первостепенного фактора, обуславливающего формирование межгородских социально-экономических различий.

Большие по площади пространства России, широкое разнообразие природно-климатических и ресурсных условий в её границах диктовали важность и необходимость приоритетного учёта фактора географического положения при изучении дифференциации развития отечественных городов, тогда как в зарубежных исследованиях данный фактор учёными практически не выделяется. В позднесоветских и постсоветских исследованиях городов фактор ЭГП уже перестал

позиционироваться российскими авторами как главенствующий (интерес к изучению ЭГП стал ослабевать с конца 1960-х гг. [Ткаченко, 2022]), однако продолжает рассматриваться в качестве одного из ключевых параллельно с другими факторами [Смирнов, 2019]. В последние годы по-прежнему издаются и отдельные работы, которые посвящены оценке и изучению современного влияния на развитие городов непосредственно только фактора ЭГП [Смирнов, Ткаченко, 2015; Бабурин и др., 2016; Преображенский, 2020].

В постсоветский период тема межгородского неравенства остаётся не слишком популярной среди исследователей в России, однако сравнительно малоизученной эта тема остается и в мире, по крайней мере, ей уделяется значительно меньше внимания, чем вопросам внутригородского неравенства [Cottineau, 2022]. Тем не менее, в немногочисленных работах отечественных учёных сформировалось достаточно широкое представление о масштабах и особенностях различий российских городов.

Серия исследований с обзором социально-экономической ситуации в городах разных типов и групп людности была опубликована в 1990–2000-х гг. А.И. Трейвишем и Т.Г. Нефедовой на основе сведений статистической базы Росстата «Паспорта городов» [Нефедова, Трейвиш, 1998, 2001, 2010а, 2010б]. Их дополняют работы Н.В. Зубаревич с акцентом на анализ уровня, динамики развития и масштабов различий крупных городов с населением более 100 тыс. чел. [Зубаревич, 2019; Зубаревич, Сафронов, 2019], региональных столиц и городов-миллионников [Зубаревич, 2010, 2017]. Особенности развития крупных городов в России в целом изучены шире из-за лучшей доступности статистических данных по ним, а также большей роли этих городов в экономике страны и регионов. Так, помимо работ Н.В. Зубаревич, отдельным аспектам развития крупных городских центров посвящены научные работы многих других учёных (см. сборник статей [Крупные..., 2003], а также работы, посвящённые анализу структуры экономики крупных городов [Власова, 2000; Лимонов, Несена, 2015], их социально-экономической динамики [Буфетова, 2015; Зинчук, Спицына, 2024] и роли в экономике страны и регионов [Лексин, 2006; Лексин, Карачаровский, 2007; Селиванов, 2011]). Активно развиваются в рамках отечественной геоурбанистики исследования, посвящённые сравнительному анализу динамики и особенностей развития городских агломераций – т.е. крупных городов в сочетании с их пригородными территориями [Проблемы развития..., 2009; Власова, Антипин,

2010; Lavrinenko et al., 2019; Анимица, Власова, 2020; Городские..., 2023; Абдуллаев и др., 2023; Abdullaev et al., 2024].

В конце 2010-х гг. группой исследователей СОПС ВАВТ Минэкономразвития России была проведена комплексная оценка развития большинства городов страны с использованием интегрального индекса [Землянский и др., 2020а, 2020б; Zemlyanskii et al., 2021], хотя точность этих оценок снизилась в сравнении с предыдущими исследованиями из-за прекращения ведения Росстатом статистической базы непосредственно по городам с 2013 г. и перехода на учёт показателей по муниципальным образованиям, площадь большинства которых значительно шире границ непосредственно городов. Среди последних работ, содержащих широкий обзор социально-экономической ситуации в городах России, важно отметить вышедшую в 2024 г. монографию АНО «МЦСЭИ «Леонтьевский центр» под редакцией Л.Э. Лимонова, в которой комплексно рассмотрена трансформация системы городов страны, происходившая в последние годы [Система..., 2024], а также ряд других работ этого авторского коллектива [Лимонов, Несена, 2015, 2019].

Ряд исследований географов были посвящены изучению различий всех или выборочных городов в пределах отдельных макрорегионов и регионов: например, городов Российского Севера [Денисов, 2018; Ворошилов, 2021], азиатской части России [Antonov, 2018] и отдельно Сибири [Оценка..., 2009], горнозаводских городов Урала [Анимица и др., 2002; Тургель, Власова, 2016; Власова, 2022], средних городов Центральной России [Смирнов, 2019], малых городов Тверской области [Смирнова и др. 2024], городов Пермской области [Малые..., 2004] и др. Широко и перечень отечественных научных работ, в которых различия городов оцениваются только по определенным отраслевым показателям – инвестициям [Землянский, Чуженькова, 2020], валовому городскому продукту [Экономика российских..., 2017], индикаторам состояния местных бюджетов [Богатство..., 2017], рынков труда [Антонов, 2019] и др. Особое внимание после кризиса 2009 г. уделяется изучению развития городов с монопрофильной экономикой [Анимица, Новикова, 2009; Тургель, 2010; Zemlyanskii, 2011; Зубаревич, 2017б]. Авторы интересуются и особенностями дифференциации развития городов, имеющих и другие особые статусы: например, наукоградов [Митякова, Митякова, 2022], городов-ЗАТО (закрытых административно-территориальных образований) [Закрытые..., 2009].

Примечательно, что несмотря на разнообразие отечественных исследований развития городов, в них редко делается акцент на оценке непосредственно масштабов неравенства городов по социально-экономическим параметрам с использованием специальных методов и метрик (детально ключевые методы измерения пространственного неравенства и их использование российскими авторами рассмотрены в параграфе 2.2). Тем не менее, даже без применения данных методов большинством авторов в перечисленных выше работах получены результаты, свидетельствующие о выраженной неравномерности развития городов в России и позволяющие сравнить пространство страны с «архипелагом немногих важных центров в океане городской и сельской периферии» [Нефедова, Трейвиш, 2010]. При этом показано, что расхождение показателей развития городов стало всё более усиливаться в результате постсоветской рыночной трансформации их экономик [Власова, 2000].

Российскими учёными выявлено, что в долгосрочном периоде наибольшую устойчивость и лучшие результаты развития (помимо Москвы и Санкт-Петербурга, лидерство которых вне конкуренции) показывают города с населением более 250 тыс. чел., региональные столицы, ресурсные центры и некоторые города, успешно прошедшие реиндустриализацию и реализовавшие свой потенциал в условиях постиндустриальной трансформации, в первую очередь в сфере туризма. При этом в 2000-х – начале 2010-х гг. масштабы социально-экономических различий между городами были значительными и воспроизводились за счёт более быстрого развития региональных столиц. В середине 2010-х гг. дифференциация медленно снижалась, по крайней мере, для крупных городов [Зубаревич, Сафронов, 2019].

В большинстве отечественных исследований отмечается, что ключевую роль в определении дифференциации развития городов играют четыре фактора: 1) людность; 2) административный статус (наличие статуса столицы страны, макрорегиона или региона); 3) специализация и 4) географическое положение. При этом первые три фактора совпадают с теми, которые можно выделить в качестве ключевых по результатам анализа зарубежных теорий городского развития (см. параграф 1.1, а также [The Metropolitan..., 2015; Cottineau, 2022]), а фактор географического положения сохраняет важность среди исследователей при изучении городов России в контексте обширного пространства страны и существенного разнообразия условий и стоимости

проживания в её пределах, а также в результате большого влияния на развитие отечественных работ в области географии городов концепций советской районной школы, в частности, концепции ЭГП.

Несмотря на общий консенсус российских учёных относительно набора основных факторов, влияющих на дифференциацию развития городов, отдельные научные работы посвящены анализу и некоторых других факторов. Например, в [Швецов, 2002; Анимица и др., 2004; Любовный, 2013] детально рассматривается важная роль и механизм влияния фактора государственной политики на развитие городов, в [Кузнецова, 2018] – фактора их бюджетных возможностей, в [Анимица, Власова, 2010] – фактора человеческого капитала, в [Зубаревич, 2010; Крюкова, Арсенова, 2010; Власова, 2018; Полиди, Гершович, 2021] – конъюнктурных факторов, в том числе макроэкономических кризисов, мегапроектов и развития институтов. Как и в зарубежных исследованиях, в последние годы в отечественной научной литературе увеличивается число работ, в которых внимание сконцентрировано на обсуждении влияния отдельно взятых узкоотраслевых факторов на городское развитие [Долгих, 2019] – например, фактора качества городской среды [Сергеева, Лазарева, 2019], цифровизации [Цифровизация..., 2018], в том числе развития технологий «умного города» [Попов, Семячков, 2020].

Несмотря на многообразие факторов развития и дифференциации городов, которые рассматриваются российскими исследователями, подходы к их систематизации предпринимались небольшим числом учёных. Некоторыми авторами предложены простые классификации факторов развития городов без выстраивания их иерархии. Например, С.Н. Растворцевой и И.В. Манаевой [Манаева, 2022; Растворцева, Манаева, 2022] было предложено разделить их на три группы: географические, экономические и технологические.

На фоне простых подходов к классификации факторов городского развития выделяется подход О.Ю. Голубчикова и А.Г. Махровой [Голубчиков, Махрова, 2013], в рамках которого авторы на основе обобщения ретроспективных исследований межгородских различий предложили авторскую схему пространственно-временной иерархии факторов неравномерного развития российских городов в период постсоветской трансформации (Рисунок 2). Хотя данная схема не подкреплена расчетными данными, а скорее основана на субъективных обобщениях авторов, в ней

показано, что с течением постсоветской трансформации влияние тех четырёх факторов, которые принято считать ключевыми (авторы относят их к «объективным»), ослабевает и сменяется приоритетным влиянием факторов человеческого капитала, инфраструктурных факторов, других институциональных факторов, включающих качество городского управления, распределение бюджетных ресурсов и др. (т.н. «субъективных» факторов).

Рисунок 2 – Пространственно-временная иерархия факторов экономического положения российского города в процессе постсоветской трансформации

Источник: заимствовано из [Голубчиков, Махрова, 2013].

Другой подход к классификации факторов развития городов был предложен И. Смирновым [Смирнов, 2019; Смирнова и др., 2024]: автор адаптировал пирамиду факторов регионального развития, предложенную О.В. Кузнецовой [Кузнецова, 2014], для реалий городского развития. Иерархическая пирамида факторов развития городов И. Смирнова включает в себя семь факторов, располагающихся от основания пирамиды к её вершине в следующем порядке: природные условия – ЭГП – место в системе расселения – население – инфраструктура – экономическая база и инвестиции – институты. Согласно подходу автора, первостепенное влияние на дифференциацию уровня развития городов оказывают факторы, лежащие в основании пирамиды. Только когда действие этих факторов в разных городах проявляется схожим образом, их дифференциацию начинают определять факторы, расположенные ближе к вершине пирамиды. Таким образом по сути в предлагаемой автором пирамиде рассматриваемые

факторы, влияющие на развитие городов, выстроены от основания к вершине в порядке убывания силы их влияния, однако количественными расчётами именно такой порядок расположения факторов на пирамиде автором не подкрепляется.

Отсутствие в отечественных исследовательских работах попыток расчетной количественной оценки влияния каждого из факторов на масштабы городских различий является существенным их недостатком. Такие попытки предпринимались в публикациях единичных авторов. В основном в них оценивалось влияние факторов на развитие только городов выборочных макрорегионов России (Центрального и Сибирского федеральных округов), оценка проводилась с использованием простых регрессионных моделей, а в качестве индикаторов развития городов использовались демографические показатели динамики численности населения [Коломак, 2014; Манаева и др., 2020] или миграционного прироста [Вакуленко, 2012], т.е. де-факто в моделях оценивалось влияние факторов на темпы урбанизации, а не на уровень социально-экономического развития городов, который целесообразно измерять с помощью иных показателей. В единственной работе [Манаева, 2022], в которой в качестве зависимой переменной рассматривался именно уровень экономического развития городов, измеренный через индикатор объёма отгруженных товаров и услуг на душу населения, оценивалось влияние только эндогенных факторов городского развития, таких как состояние рынка труда, инвестиционная активность, доходы местного бюджета, и из-за спорного подбора переменных и невысокого качества статистических данных автором были получены противоречивые результаты.

В большинстве же публикаций выводы о тех или иных причинах дифференциации городов делаются на основе применения простых методов описательной статистики, которые не позволяют сформировать достоверное представление об иерархии факторных сил, и потому традиционно делается вывод о совокупном важном влиянии одновременно всех рассматриваемых факторов, чаще всего – четырёх ключевых.

В результате несмотря на то, что в отечественной науке накоплено большое разнообразие работ, посвящённых сравнительной оценке уровня и динамики развития городов разных типов и факторов их дифференциации по социально-экономическим параметрам, до сих пор остается неясным, какой (или какие) из этих факторов в действительности оказывает наибольшее дифференцирующее влияние на города. Или

же все факторы влияют с равной силой? Различается ли влияние факторов в разные временные периоды, или же иерархия их воздействия на различия между городами неизменна?

Попытка дать ответы на эти вопросы посредством количественной оценки влияния ключевых факторов, определяющих неравенство социально-экономического развития городов России, и тем самым восполнить недостающий пробел знаний легла в основу данного диссертационного исследования.

1.3 Российский и зарубежный опыт исследования бюджетного и долгового положения городов³

Поскольку одной из задач диссертационного исследования является анализ финансово-долгового положения крупных городов России как одного из важных факторов их социально-экономической дифференциации, действие которого, согласно отечественным и зарубежным исследованиям (см. параграфы 1.1 и 1.2), в последние годы усиливается, важным представляется провести анализ накопленного опыта и подходов к исследованию бюджетной ситуации в городах, а также опыта оценки их бюджетного долга.

В России, как и в других странах, бюджет формируется для территориальных единиц управления, низовыми из которых являются муниципальные образования, а не для административно-территориальных единиц, которыми являются города (подробнее об этом см. в главе 2). Таким образом, оценить бюджетные ресурсы непосредственно городов не представляется возможным. Бюджетную ситуацию в них можно оценить только на основе данных о бюджетах муниципальных образований, в которые они входят. В связи с этим в данном параграфе акцент сделан на опыте исследования муниципальных (местных) бюджетов.

Перечень учёных и научных организаций, в сфере интересов которых значится исследование муниципальных финансов, совсем невелик. Публикаций, в которых проводится комплексный анализ бюджетно-финансового состояния муниципалитетов,

³ При работе над данным разделом диссертации использованы материалы научных публикаций автора, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования:

1. Медведникова Д. М. Факторы дифференциации долговой ситуации в городских округах России с населением более 100 тыс. чел. в 2015–2020 гг. // Региональные исследования. – 2021. – № 4 (74). – С. 29–45.
2. Medvednikova D. M. Differentiation factors of the debt situation in Russian urban okrugs with over 100 000 residents in 2015–2020 // Regional Research of Russia. – 2022. – Vol. 12, No. 4. – P. 531–543.

в отечественной науке накоплено крайне мало [Лексин, Швецов, 2016], а проблема их долговой нагрузки рассматривается в единичных работах.

Масштабными исследованиями местных бюджетов в России в разное время занимались сотрудники таких научно-исследовательских организаций, как:

- Институт системного анализа РАН [Лексин, Швецов, 2001];
- Институт экономики переходного периода [Проблемы реформы..., 2004; Мониторинг..., 2006; Региональные..., 2007; Реализация..., 2008];
- Лаборатория бюджетной политики Института Е.Т. Гайдара [Мамедов, Авксентьев, 2014];
- Институт экономики города [Рагозина, 2006; Григоров, Жигалов, 2009];
- Институт современного развития [Местное..., 2009];
- Институт реформирования общественных финансов [Яговкина, Еремина, 2017; Яговкина, Недопивцева, 2017];
- кафедра экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова [Кузнецова, 2010, 2018, 2020; Куликов, 2012];
- консалтинговое бюро «Strelka» [Богатство..., 2017];
- и др.

Большая часть работ перечисленных коллективов касается изучения влияния на показатели местных бюджетов реформы местного самоуправления, предпринятой в 2003 г. с принятием Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Федеральный..., 2003]. Одними из первых всесторонне осветили бюджетное положение муниципальных образований России сотрудники Института системного анализа РАН В.Н. Лексин и А.Н. Швецов [Лексин, Швецов, 2001] в многотомном энциклопедическом издании «Муниципальная Россия». В нём авторы обобщили большой массив статистических данных о бюджетах муниципалитетов России, а в дальнейших трудах рассмотрели трансформацию данных показателей после принятия реформы [Лексин, 2006]. В других работах ими были рассмотрены различия налогового потенциала муниципальных образований и их причины [Швецов, 2001], проблемы муниципальной собственности [Лексин, Швецов, 1998] и др. вопросы.

Результаты реформы местного самоуправления в территориальном разрезе широко рассматривались в работах под руководством И.В. Стародубровской [Проблемы реформы..., 2004; Мониторинг..., 2006; Региональные..., 2007; Реализация..., 2008; Муниципальная..., 2010]. Как в пределах всей страны, так и на примере отдельных субъектов РФ были рассмотрены особенности осуществления реформы в разных типах муниципальных образований, территориальная дифференциация показателей местных бюджетов вследствие неравномерного хода реформы; выявлялись факторы, влияющие на различия бюджетно-финансовых итогов муниципальной реформы, с акцентом на исследование институционального фактора. Отражение итогов муниципальной реформы на бюджетах городских муниципальных образований было представлено в ряде работ сотрудников Института экономики города [Рагозина, 2006; Григоров, Жигалов, 2009].

В более широком контексте, нежели проведение оценки влияния реформы местного самоуправления, местные бюджеты изучались в работах экономико-географов. Особого внимания заслуживает кандидатская диссертация выпускника географического факультета МГУ Г.К. Куликова [Куликов, 2012], в которой был приведён комплексный полимасштабный сравнительный анализ бюджетно-финансового положения муниципальных образований в России. Достоинством диссертационной работы Г.К. Куликова является рассмотрение бюджетного положения муниципальных образований двух иерархических уровней – как муниципальных районов и городских округов, так и городских и сельских поселений (на примере Челябинской области). Различия бюджетной ситуации муниципалитетов рассматриваются Г.К. Куликовым со стороны центр-периферийного подхода, выявляются различия бюджетного положения между городами и сельскими территориями, административными центрами субъектов РФ и районов и периферийными зонами.

Работы, посвящённые исследованию бюджетного положения городов, единичны. Среди них можно выделить доклад КБ «Strelka» [Богатство..., 2017] под руководством Е.В. Коротковой «Богатство и самостоятельность: что делает бюджет города устойчивым», в котором рассмотрены бюджетные показатели 79 городов (городских округов). В докладе составлен рейтинг устойчивости городских бюджетов

(с использованием только показателей бюджетных доходов), подробно рассмотрена структура доходов и расходов среднестатистического регионального центра России.

Ряд исследований бюджетного положения городских округов выполнен О.В. Кузнецовой. Характеристика бюджетной ситуации в российских городах-миллионниках представлена в статье 2018 г., где проанализирован современный срез структуры расходов крупнейших городов России в сравнении друг с другом [Кузнецова, 2018]. В 2020 г. была опубликована работа, в которой проводится сравнение полномочий и бюджетных показателей городов, имеющих статус субъекта РФ (региона) и муниципального образования (городского округа) в России и Германии [Кузнецова, 2020]. В публикации сделан неутешительный вывод о том, что несмотря на схожий подход к распределению полномочий между разными территориальными уровнями, дифференциация бюджетных показателей между городами-регионами и городами-муниципалитетами в России в разы больше, чем в Германии.

Хотя, как показано выше, российскими специалистами в сфере региональных и муниципальных финансов проведено немало научных исследований по тематике муниципальных бюджетов, в том числе по бюджетам городских округов, анализ бюджетного положения муниципальных образований осуществляется авторами только по показателям доходов и расходов бюджета и их структуры. При этом выводы о критичности финансовой ситуации в муниципалитетах часто делаются на основе анализа соотношения расходов с доходами, т.е. наличия и масштаба дефицита местных бюджетов. Однако в действительности на основе оценки возникающего год от года дефицита о бюджетной ситуации в муниципалитете можно понять немного, так как на размер дефицита местного бюджета статьёй 92.1 Бюджетного кодекса установлен лимит [Бюджетный..., 1998] в размере не более 10% (для дотационных муниципалитетов – не более 5%) налоговых и неналоговых доходов, которого все муниципальные образования обязаны придерживаться. В результате его действия муниципальные образования подстраивают свои расходы, чтобы уложиться в установленный лимит, вне зависимости от того, являются ли они «богатыми» или «бедными». Большой дефицит бюджета может быть обусловлен конъюнктурными факторами или случайными кассовыми разрывами и наблюдаться у богатых муниципалитетов, потому что их органы управления будут уверены, что в

наступающем году перекроют сформировавшийся дефицит за счёт новых налоговых поступлений.

В этих условиях более показательным индикатором бюджетной ситуации в муниципалитете может выступать муниципальный долг. Хотя на объём муниципального долга Бюджетным кодексом также наложены определённые ограничения (статья 107), значения долга могут быть гораздо более вариативны, чем дефицита бюджета. При этом сведения о масштабе и структуре долга и его соотношении с доходами местного бюджета, в отличие от дефицита, способны отразить, насколько в действительности муниципалитету не хватает средств на обеспечение своих нужд и развития.

Несмотря на указанное преимущество муниципального долга как индикатора бюджетной ситуации в муниципалитетах, его изучению посвящены единичные российские исследования. Они ограничиваются анализом либо данных о консолидированном объёме муниципального долга в сумме по всей стране [Мамедов, Авксентьев, 2014; Брик, Плохотникова, 2020] или по федеральным округам [Векторы..., 2019] на основе данных Минфина России, либо долговой ситуации в отдельно взятых муниципалитетах, чаще всего – городских округах с региональными столицами (такие исследования, например, имеются для Волгограда [Дьякова, Перекрестова, 2008], Казани [Гафурова, 2012], Томска [Ярцева, 2014], Орла [Комаревцева, 2017], Смоленска [Иванькова и др., 2019] и др.).

Анализ показателей долга на примере более чем одного городского округа в России проводился только группой исследователей из Вологодского научного центра РАН (в их числе М.А. Печенская-Полищук, А.И. Поварова), однако выборка муниципалитетов для исследования долговых показателей невелика и в работах этих авторов. Учёными из Вологды был составлен сравнительный анализ долгового положения двух городских округов Вологодской области [Поварова, 2015] и восьми городских округов-региональных столиц Северо-Западного федерального округа (СЗФО) в 2010-х гг. [Печенская, 2020; Печенская-Полищук, 2021]. Авторами получены важные выводы о том, что со снижением нормативов отчислений от налоговых доходов в местные бюджеты в начале 2010-х гг. и сопутствующим снижением бюджетной самостоятельности исследованных городских муниципалитетов, их долг

возрос более чем вдвое и оказался сопоставим с объёмом налоговых и неналоговых доходов бюджета, а расходы на обслуживание долга выросли более чем в 10 раз.

Ответственность за отслеживание ситуации с муниципальным долгом в России лежит на Министерстве финансов, но статистические сведения о долге публикуются ведомством в ежемесячном формате только в сумме по регионам страны (без разбивки на отдельные муниципалитеты) [Объем и..., 2025]. Единственным систематически публикуемым обзором о долговом положении муниципалитетов является короткий раздел «Обязательства местных бюджетов» в ежегодных мониторингах исполнения местных бюджетов Министерства финансов [Результаты..., 2025], однако в них сведения о муниципальном долге представлены краткой сводкой и только в совокупности по всем муниципалитетам страны.

Изредка информация о состоянии и динамике суммарного муниципального долга в России публикуется в аналитических комментариях и исследовательских обзорах долговой нагрузки субъектов РФ Аналитического кредитного рейтингового агентства (АКРА) [Долг..., 2021] и издательского дома «Бюджет» [Рост..., 2021], однако данные публикации не носят систематического характера: разделы с освещением ситуации с долговой нагрузкой местных бюджетов лишь иногда включаются в аналитические статьи и материалы.

Одновременно за рубежом к настоящему моменту накоплен значительный опыт исследования долгового положения низовых территориальных единиц, хотя активно тема муниципальной задолженности стала изучаться в иностранных работах только с 1990-х гг. Первые работы появились в США [Cropf, Wendel, 1998] и Испании [Benito, Bastida, 2004; Vera, 2018], где долговые проблемы муниципалитетов к концу XX века приобрели наиболее острый характер. К сегодняшнему моменту долговая ситуация на локальном уровне изучается уже во многих странах (например, такие работы написаны учёными в Португалии [Ribeiro et al. 2019], Чехии [Sedmíhradská, Šimíková, 2007], Швейцарии [Feld, 2011], Польше [Wichowska, 2019] и др. государствах).

В целом иностранные работы с анализом муниципального долга посвящены трём основным тематикам: 1) изучению эффективности ограничений, установленных на рост муниципального долга, 2) составлению рейтингов муниципальных единиц по уровню долга, 3) выявлению факторов, влияющих на объем задолженности муниципалитетов. Самое распространённое направление исследований местного долга

за рубежом – оценка влияния различных групп факторов (социальных, экономических, институциональных, политических) на долговую нагрузку муниципалитетов с помощью методов количественного анализа. Однако результаты этих исследований до сих пор не привели к единому мнению о том, какие факторы влияют на местный долг больше остальных.

Проведённый обзор исследований бюджетных и долговых показателей муниципалитетов показал, что географическое изучение местных бюджетов и муниципального долга пока является относительно молодым направлением в области географии общественных финансов в России, в связи с чем отечественных исследовательских работ по анализу бюджетной ситуации и долгового положения территориальных единиц управления низового уровня пока накоплено немного.

При этом анализ бюджетного положения муниципальных образований осуществляется авторами только по показателям доходов и расходов местных бюджетов, в том числе их структуры и соотношения (профицита/дефицита) бюджета, но не по показателям муниципальной задолженности, которые могут более достоверно отразить реальный масштаб нехватки бюджетных средств у муниципалитетов на обеспечение своего развития. Работы, посвящённые анализу непосредственно долгового положения муниципалитетов в России, совсем немногочисленны, тогда как за рубежом практика исследования муниципального долга более широка. Недостаток российских исследований долгового положения муниципальных единиц в сравнении с зарубежными определяется крайней труднодоступностью статистических данных о муниципальном долге в России (см. раздел 2.5).

Единичные исследования муниципального долга в России ограничиваются анализом либо данных о консолидированном объёме муниципального долга в сумме по всей стране, либо долговой ситуации в отдельно взятых городах-региональных столицах. Сравнительный анализ показателей долга на примере более чем нескольких городских округов в России не был проведён, что вкупе с потенциально высокой информативностью показателей муниципального долга формирует актуальность оценки долговой ситуации на массиве крупных городов страны в данном диссертационном исследовании.

Глава 2. Методические особенности оценки межгородского социально-экономического неравенства в России

2.1 Ключевые методы и особенности измерения территориального неравенства

2.1.1 Подходы к определению и измерению пространственного неравенства

Согласно терминологии, установившейся в научных работах ведущих зарубежных специалистов в области экономической географии и региональной экономики, занимающихся изучением неравномерности развития территорий, *пространственное (территориальное) неравенство (spatial inequality)* можно определить как неравенство значений социальных и экономических показателей благосостояния и развития географических единиц [Venables, Kanbur, 2005a] или как неоднородное распределение социально-экономических ресурсов между географическими территориями (регионами) [Venables, Kanbur, 2005b]. Э. Венаблс и Р. Канбур показывают, что исследования пространственного неравенства в вышеуказанном понимании оформились в отдельное направление в рамках экономической географии. При этом существующие научные работы в рамках этого направления можно разделить на три группы в зависимости от того, как в них воспринимается и оценивается неравенство территорий [Venables, Kanbur, 2003]:

1) Как различие среднедушевых значений социально-экономических индикаторов между территориями (невзвешенный подход к измерению пространственного неравенства);

2) Как различие взвешенных на долю территории в населении душевых значений социально-экономических индикаторов между территориями (взвешенный подход к измерению пространственного неравенства);

3) Как вклад различий душевых значений социально-экономических индикаторов, наблюдаемый между территориями, в общий масштаб дифференциации значений между всеми индивидами, населяющими рассматриваемую совокупность территорий.

В большинстве исследовательских работ пространственное неравенство оценивается в рамках первых двух подходов (взвешенного и невзвешенного). Работы, посвящённые оценке вклада пространственного неравенства в общий масштаб неравенства между индивидами, редки ввиду трудоёмкости измерений и ограничений статистической информации, ведь сбор данных о распределении отдельно взятых

ресурсов и показателей персонально по всем жителям трудоёмок, и из-за соображений обеспечения защиты персональных данных такие статистические сведения чаще всего являются закрытыми. В качестве примеров таких работ можно привести исследования [Yemtsov, 2005; Elbers et al., 2005], в которых проведена оценка вклада межрегиональной дифференциации в общий масштаб различий населения по уровню доходов в России и развивающихся странах.

Отдельные работы посвящены измерению территориального неравенства по *объёмам* показателей (например, многочисленные исследования посвящены оценке различий городов по численности населения и соответствия этих различий правилу Ципфа [Henderson, 2010; Коломак, 2016]), такое неравенство называют *неравенством по концентрации*. Однако поскольку этот подход к измерению неравенства не позволяет измерить различия по *уровню развития* той или иной социально-экономической сферы, которые принято измерять с использованием *душевых* показателей, такие исследования учёными чаще рассматриваются за пределами общего контура исследований *пространственного социально-экономического неравенства*.

Важно подчеркнуть фундаментальные различия взвешенного и невзвешенного подходов к измерению пространственного неравенства: каждый из них направлен на оценку разных аспектов пространственной дифференциации.

Невзвешенный подход, когда различия оцениваются между душевыми показателями территорий (в случае диссертационного исследования – городов) без учёта их различий по численности населения. Фактически при данном подходе оценивается неравенство средних социально-экономических условий, в которых существует среднестатистический житель каждой из рассматриваемых территорий. Этот подход позволяет оценить различия территорий по уровню социально-экономического развития.

Взвешенный подход, когда пространственное неравенство оценивается с учётом того, что территории (города) различаются по населению или иному параметру, который принимается за вес. В рамках данного подхода де-факто оценивается несоответствие пространственной структуры распределения объёма выбранного социально-экономического показателя пространственной структуре распределения населения. Такой подход позволяет оценить меру несправедливости распределения социально-экономических ресурсов и благ между территориями, поскольку, в отличие

от невзвешенного подхода, учитывает, какая доля населения проживает в пределах территорий с наиболее высокими или наиболее низкими показателями развития (с допущением, что все жители в границах каждой отдельной территории проживают в одинаковых условиях, хотя в реальности это не так).

Наглядно различия между результатами оценки с применением взвешенного и невзвешенного подходов можно увидеть на примере кривых Лоренца для неравенства крупных городов России по душевым инвестициям в основной капитал в 2000 и 2023 гг. (Рисунок 3). Кривые Лоренца для невзвешенного неравенства за оба года оказываются существенно сильнее оттянуты от диагональной линии полного равенства, чем кривые для взвешенного подхода: невзвешенное неравенство городов по инвестиционной активности системно значительно превышает взвешенное.

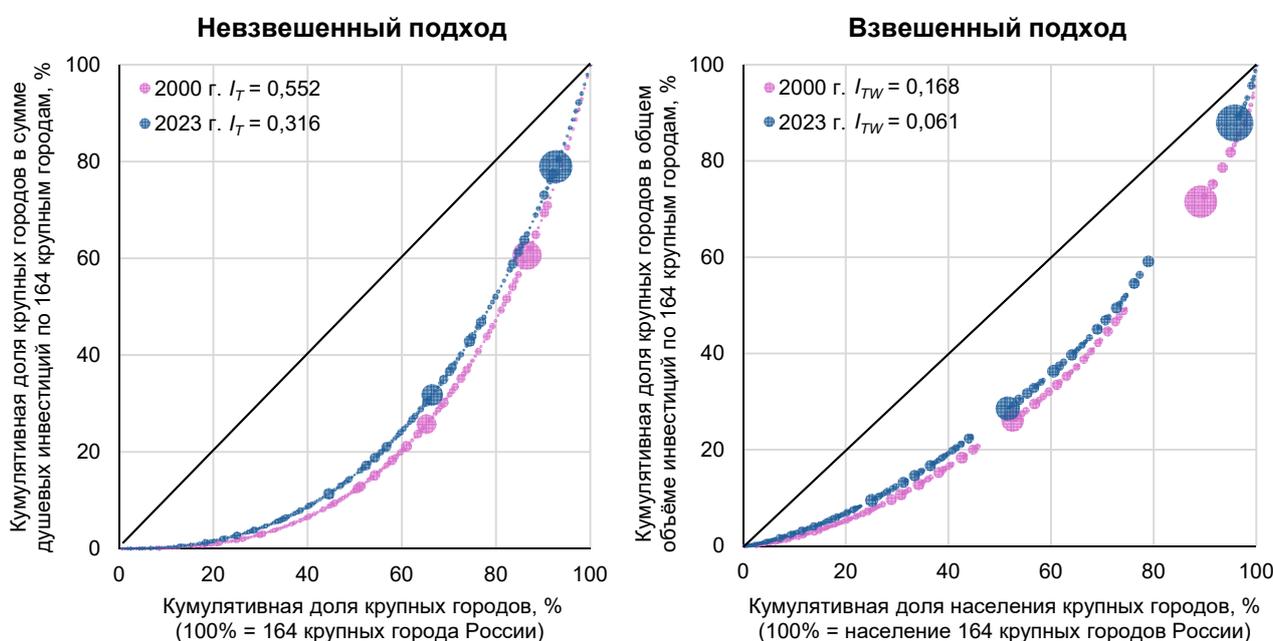

Рисунок 3 – Кривые Лоренца для невзвешенного и взвешенного подходов оценки неравенства крупных городов России по инвестициям в основной капитал на душу населения в 2000 и 2023 гг. с учётом корректировки на стоимость жизни

Примечания:

1 Размер кружка пропорционален численности населения города.

2 I_T – Индекс Тейла, I_{TW} – Взвешенный индекс Тейла.

Источник: рассчитано по данным БДПМО Росстата.

В рассматриваемом случае неравенство крупных городов по душевым инвестициям, измеренное в рамках обоих подходов, в 2023 г. сократилось по сравнению с 2000 г.: на обоих графиках кривые для неравенства за 2023 г. расположены ближе к диагонали полного равенства, чем кривые для 2000 г. Однако такая ситуация может наблюдаться не всегда, и в ряде случаев тренды невзвешенного и взвешенного

неравенств могут расходиться, так как математические причины изменений динамики невзвешенного и взвешенного межрегионального неравенства различны.

Динамика невзвешенного межрегионального неравенства зависит от изменения душевых значений выбранного показателя в пределах территорий (городов), которое в свою очередь определяется изменениями объёма показателя и численности населения в каждой отдельно взятой территории (городе). Взвешенное же неравенство зависит от изменения соотношения долей территорий (городов) в общем объёме социально-экономического показателя и в общей численности населения по их совокупности, т.е. в отличие от невзвешенного неравенства, положение каждой отдельной территории (города) на взвешенной кривой Лоренца зависит не только от того, какие значения показателя отмечаются в ней самой, но и от того, какие значения наблюдаются у других территорий, поскольку они тоже влияют на долю, которую в показателях занимает выбранная территория.

Как будет показано в параграфе 2.2, важность различения невзвешенного и взвешенного подходов к измерению пространственного неравенства часто недооценивается как зарубежными, так и отечественными исследователями, что порой приводит к неверным или противоречивым выводам, хотя в публикациях отдельных авторов различия между подходами были выражено подчёркнуты [Глущенко, 2015; Малкина, 2016; Rey, 2025].

2.1.2 Основные методы измерения территориального неравенства и их характеристики

Как взвешенное, так и невзвешенное неравенство может быть измерено с использованием различных расчётных методов (метрик). Выбор метрики для измерения территориального неравенства так же, как и выбор взвешенного или невзвешенного подхода, имеет критическое значение для получаемых результатов и их интерпретации. Среди современных исследований известны случаи, когда авторы недостаточно серьёзно отнеслись к подбору методик измерения территориального неравенства, а потому получили не вполне корректные результаты [Глущенко, 2010]. В этой связи для выработки авторской методики оценки межгородского неравенства в России представляется важным провести подробный анализ особенностей, преимуществ и недостатков основных методов измерения неравенства, которые

закрепились в экономической, социологической и географической исследовательской практике, в частности, в исследованиях *пространственных* различий.

Приводимый анализ методов измерения неравенства основан на обзорах ключевых коэффициентов и индексов оценки дифференциации, содержащихся в ряде диссертационных исследований последних лет, посвящённых изучению регионального неравенства [Клевакина, 2010; Латышева, 2010; Усманов, 2015] и общестранового неравенства доходов населения и иных социально-экономических характеристик [Осипов, 2003; Кислицына, 2006; Лейман, 2010]. Также использованы материалы В.Ю. Маслихиной [Маслихина, 2013а, 2013б] и И.В. Манаевой [Манаева, 2020], которые в своей научно-исследовательской практике специализируются на проблемах измерения межрегионального неравенства.

По различным оценкам, к настоящему моменту разработано более 50 различных расчётных способов измерения неравенства [Социальная..., 2001; Клевакина, 2010], однако наиболее широко в исследовательской практике используется примерно половина из них.

Чтобы отображать достоверные результаты, метрики неравенства должны удовлетворять пяти аксиомам, сформулированным экономистом-статистиком Ф. Коуэллом [Cowell, 1985] для исследований неравенства по доходам:

Аксиома 1. Метрика неравенства должна соответствовать *принципу распределения Пигу-Дальтона*, что означает, что при перераспределении дохода (или иного признака) от бедного субъекта к богатому, значения метрики неравенства должны увеличиваться, и наоборот – при передаче ресурса от богатого к бедному, они должны уменьшаться.

Аксиома 2. Независимость метрики от шкалы измерения признака. Согласно данной аксиоме, метрика неравенства должна быть инвариантна к однородным пропорциональным изменениям признака: например, если доход каждого субъекта вырос в одно и то же число раз, то значение метрики неравенства должно остаться неизменным.

Аксиома 3. Должен соблюдаться *принцип численности населения (числа объектов выборки)*, согласно которому равномерное увеличение выборки в n раз не должно приводить к изменению значений метрики неравенства.

Аксиома 4. Принцип разложимости (декомпозиции). В соответствии с принципом, если неравенство заметно повысилось среди каждой из подгрупп объектов выборки, то значение метрики неравенства также должно вырасти.

Аксиома 5. Принцип анонимности. Согласно принципу, значения метрики неравенства должны оставаться одними и теми же вне зависимости от того, кому именно принадлежит каждая из долей дохода (признака) (например, если при выборке из двух городов в случае А город N обладает 40% признака, а город М – 60%, а в случае Б город N обладает 60% признака, а город М – 40%, то значения метрики неравенства в случаях А и Б будут одинаковы).

Не все практикуемые метрики неравенства соответствуют всем пяти аксиомам – это важно учитывать при разработке авторской методики измерения межгородской дифференциации.

Исходя из степени простоты расчёта и общего принципа построения, ключевые метрики неравенства могут быть разделены на четыре группы (Таблица 1):

– ***Простейшие статистические метрики*** (отношение максимального значения к минимальному, дисперсия и среднеквадратическое отклонение, коэффициент вариации и др.) – характеризуют разброс значений показателя вокруг среднего значения;

– ***Коэффициенты концентрации*** (квintильные и децильные коэффициенты концентрации, коэффициент фондов, коэффициент Джини, коэффициент концентрации Херфиндаля-Хиршмана и др.) – отражают уровень концентрации наблюдений;

– ***Энтропийные коэффициенты*** (первый и второй индексы Тейла, индекс Аткинсона и др.) – характеризуют степень отклонения анализируемого распределения от нормального;

– ***Индексы пространственного неравенства*** (индексы Дункана, Морана и др.) – позволяют оценить неоднородность выраженности признака в пространстве.

Первые три группы индексов используются для проведения оценок неравенства между территориальными системами, а четвёртая группа индексов позволяет лучше проводить оценки неоднородности внутри целостной территориальной системы, очерченной определённой границей, и потому чаще используется для исследования

пространственных проявлений *внутригородского* неравенства, которое в фокус диссертационной работы не входит.

Таблица 1 – Ключевые метрики, используемые для измерения пространственного неравенства, и их возможности по оценке основных характеристик неравенства

N	Метрики неравенства	Характеристики неравенства, которые отражает метрика			
		Масштаб	Динамика	Структура по признаку	Пространственная структура
Группа 1. Простейшие статистические метрики неравенства					
1	Отношение максимального значения к минимальному	+	+		
2	Ранговый коэффициент	+	+		
3	Дисперсия	+	+		
4	Среднеквадратическое отклонение	+	+		
5	Относительное отклонение от среднего значения	+	+		
6	Коэффициент асимметрии			+	
7	Коэффициент эксцесса			+	
8	Коэффициент вариации	+	+		
9	Коэффициент вариации Вильямсона	+	+		
10	Коэффициент Клоцвога – Магомедова	+	+		
Группа 2. Коэффициенты концентрации					
11	Квintильные и децильные коэффициенты концентрации	+	+		
12	Коэффициент фондов	+	+		
13	Коэффициент Джини	+	+		
14	Индекс Гувера (индекс Робин Гуда, индекс Шутца)	+	+		
15	Коэффициент концентрации Херфиндаля – Хиршмана	+	+		
Группа 3. Энтропийные коэффициенты					
16	Первый и второй индексы Тейла	+	+	+	
17	Индекс Аткинсона	+	+	+	
18	Индекс Кольма	+	+		
Группа 4. Индексы пространственного неравенства / пространственной неоднородности					
19	Индекс Морана	+			+
20	Индекс Гири	+			+
21	Индекс Гетиса – Орда			+	+
22	Индекс дессимиляции (сегрегации) Дункана	+	+		+
23	Индекс изоляции	+	+		+

Источник: составлено авторам на основе [Кислицына, 2006; Латышева, 2010; Маслихина, 2013].

При изучении неравенства пространственного распределения какого-либо показателя исследователями могут рассматриваться четыре ключевых его аспекта: 1 – масштаб, 2 – динамика, 3 – структура по признаку (позволяющая увидеть, насколько велико неравенство в границах каждой из структурных групп исследовательской выборки), 4 – пространственная структура неравенства, а именно рисунок неоднородности проявления признака в пространстве. Показатели каждой из четырёх групп различаются по способности отражать перечисленные характеристики неравенства.

Как видно из таблицы, большинство показателей неравенства способны репрезентативно отразить его масштабы и динамику, однако единичные индикаторы при расчёте дают возможность оценить структурные характеристики дифференциации. Более того, ни один из существующих показателей не может отразить все четыре интересующие исследователей аспекта неравенства. Среди показателей групп 1–3, применяемых для оценки межтерриториальных диспропорций, способностью наиболее полно оценить неравенство обладают такие индикаторы, как индексы Тейла и Аткинсона (позволяют оценить и масштаб, и динамику, и структуру неравенства по признаку). Несмотря на то, что данные индикаторы обладают лучшими характеристиками, в исследованиях территориального (преимущественно межрегионального) неравенства в России часто используются более простые индексы: коэффициенты вариации, фондов и Джини (см. параграф 2.2). Вероятно, более широкое использование последних вызвано относительной простотой их расчёта в сравнении с индексами Тейла и Аткинсона.

2.1.3 Выбор территориальных ячеек при измерении пространственного неравенства

При счётной оценке территориального неравенства также важно иметь в виду, что вне зависимости от выбора метода измерения уровень неравенства сильно зависит от выбора территориальных ячеек, по которым измеряется показатель [Трейвиш, 2019]. Обыкновенно чем сильнее дробность территориальных единиц (чем они мельче), тем выше оказываются значения неравенства. Эта закономерность исходит из общего принципа потери информации при агрегировании наблюдений [Openshaw, 1984; Громыко, 2005]. Обнаружение различий проще, когда единицы наблюдения малы, и сложнее, если они крупные, так как различия между ними остаются «скрытыми» в

усреднённых по крупным ячейкам показателях. Соблюдение данного принципа для России было ярко показано в исследовании П. Кириллова, Е. Шевчука и А. Петросяна [Шевчук и др., 2019], в котором авторы построили кривые Лоренца для разных уровней территориального деления страны (Рисунок 4). Наиболее сильное отклонение кривой от диагонали равного распределения заработной платы характерно для самого дробного уровня деления – муниципального.

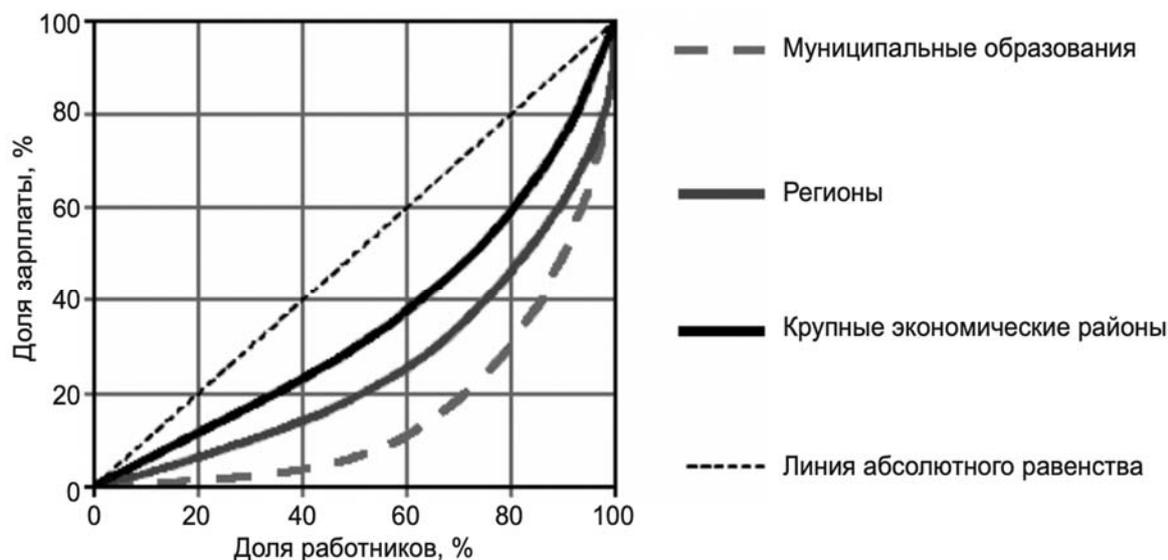

Рисунок 4 – Кривые Лоренца для распределения заработной платы работников организаций для трёх различных уровней территориального деления России в 2013 г. Источник: заимствовано из [Шевчук и др., 2019].

2.1.4 Два вида оценки динамики пространственного неравенства: σ - и β -конвергенция

Традиционно оценке подлежат два аспекта динамики территориального неравенства [Sala-i-Martin, 1995]:

1) наличие σ -конвергенции территорий, т.е. общего сближения значений показателей развития территорий друг с другом и сокращения межтерриториальных различий;

2) наличие β -конвергенции, т.е. тенденции догоняющего развития отстающих территорий и приближения с течением времени значений их показателей развития к значениям территорий-лидеров. Этот вид конвергенции территорий был впервые рассмотрен в исследовании Р. Барро и Х. Сала-и-Мартина в 1992 г., посвящённом оценке зависимости средних темпов роста ВВП на душу населения с его исходным уровнем в разных странах мира [Barro, Sala-i-Martin, 1992].

Поскольку σ -конвергенция подразумевает под собой простое сокращение межтерриториальных различий по показателям развития, она оценивается посредством расчёта динамики значений индикаторов пространственного неравенства, анализ которых представлен в разделе 2.1.2.

Для оценки β -конвергенции Р. Барро и Х. Сала-и-Мартином была предложена специальная формула расчёта следующего вида, известная как регрессия Барро:

$$\ln \frac{x_{t+T}^i}{x_t^i} / T = \alpha + \beta \ln x_t^i + \varepsilon, \quad (2)$$

где: x_t^i – значение душевого показателя i -ой территории (региона, города) в начальный период t ,

x_{t+T}^i – значение душевого показателя i -ой территории в конечный период $t+T$,

α – константа регрессии,

β – коэффициент регрессии,

ε – случайная ошибка.

Если полученный коэффициент β имеет значение меньше нуля и статистически значим, а коэффициент детерминации уравнения регрессии (R^2) имеет значение, близкое к 1, то за период с t по $t+T$ наблюдался процесс β -конвергенции, т.е. приближения территорий-аутсайдеров к территориям-лидерам по показателям развития. Если β больше нуля, то догоняющего развития отстающих территорий не происходило.

Важно отметить, что наличие β -конвергенции является необходимым, но не достаточным условием для σ -конвергенции, и наоборот, σ -конвергенция является достаточным, но не необходимым условием β -конвергенции. В том числе поэтому нельзя судить о тенденциях межтерриториального неравенства только на основе оценки β -конвергенции без оценки σ -: наличие β -конвергенции не будет означать, что социально-экономическое неравенство между территориями сокращается, об этом будет свидетельствовать только наличие σ -конвергенции (подробнее об этом см. в [Глущенко, 2012]). Анализ β -конвергенции лишь дополняет анализ σ -конвергенции и позволяет установить, достигается ли сближение показателей развития территорий за счёт более быстрого догоняющего развития отстающих или, в случае если β -конвергенции не наблюдается, за счёт спада показателей лидеров или разнородной динамики территорий с разными исходными показателями развития.

Таким образом при проведении исследований динамики пространственного неравенства целесообразно оценивать либо только σ -конвергенцию территорий, либо σ -конвергенцию в дополнении с β - (как, например, в [Джампаоло, 2014; Захаров, Серединская, 2016]), но проводить оценку только β -конвергенции в целях выяснить, сокращались межтерриториальные различия или нет, ошибочно.

При разработке методики измерения социально-экономического неравенства крупных городов России важно учесть все вышеописанные особенности и нюансы существующих методов и подходов. В целях сформировать дополнительное представление о возможностях использования существующих метрик и подходов к оценке межтерриториального неравенства также был проведён анализ того, какими методами и подходами пользовались российские учёные при проведении исследований в рамках данного направления.

2.2 Подходы и методы, используемые при измерении пространственного неравенства в исследованиях российских учёных

В отечественной науке за последние два десятилетия было проведено множество исследований по оценке *пространственного неравенства* в понимании его в соответствии с устоявшейся за рубежом практикой исследований (см. определение пространственного неравенства в пункте 2.1.1). Однако преобладающее большинство научных работ, написанных российскими авторами в рамках данного исследовательского ракурса, когда территориальные различия оцениваются с помощью специальных метрик и методов, направлены на изучение масштабов и динамики межрегионального неравенства, а не межгородского.

Среди работ, в которых различия городов России измеряются с использованием специальных метрик неравенства, а не на основе сравнения усреднённых показателей по группам городов, можно перечислить исследования лишь пяти авторов и авторских коллективов, представленных в таблице (Таблица 2). В большинстве из них оценка неравенства проводилась только для определённой выборки городов, чаще всего – для крупных городов с населением более 100 тыс. чел. Оценка неравенства по всем городам страны проводилась единожды в работе [Зубаревич, Сафронов, 2013]. В основном расчёты неравенства городов выполнялись авторами по набору данных Росстата «Экономика городов России» [Экономика городов..., 2025], который перестал

обновляться после 2013 г., в связи с чем большинство оценок проведено за период до этого года. Более свежие оценки неравенства городов проводились только для городов-стотысячников за 2017 г. в [Зубаревич, Сафронов, 2019] и городов с населением более 250 тыс. чел. в среднем за 2020–2021 гг. в [Система..., 2024].

Таблица 2 – Перечень исследований российских авторов, в которых проводилась расчётная оценка межгородского неравенства

№ п.п.	Исследователи (научные организации)	Города России, для которых проводилась оценка неравенства	Период, за который проводилась оценка неравенства городов
1	Антонов Е.В. (Географический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, ИГ РАН) [Antonov, 2018]	Все города азиатской части России	1991–2013 гг.
2	Буфетова А.Н. (ИЭОПП СО РАН) [Буфетова, 2015]	Города с населением более 100 тыс. чел.	2001–2013 гг.
3	Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г., (Географический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова) [Зубаревич, Сафронов, 2013, 2019]	Города с населением более 100 тыс. чел.	1998–2011, 2017 гг.
		Все города России	1998–2011 гг.
4	Лимонов Л.Э. и др. (АНО «МЦСЭИ «Леонтьевский центр») [Система..., 2024]	Города с населением более 250 тыс. чел.	Дискретные периоды в пределах 2002–2021 гг.
5	Манаева И.В. (НИУ БелГУ) [Манаева, 2016]	Города с населением более 100 тыс. чел.	2013 г.

Источник: составлено по результатам анализа научных публикаций.

Отечественных работ по оценке межрегионального неравенства, наоборот, издано достаточно много, а с принятием в конце 2010-х гг. ключевых стратегических документов пространственного развития страны (Основ государственной политики регионального развития [Указ..., 2017] и Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года [Распоряжение..., 2019]) популярность данной тематики ещё более возросла. Те или иные оценки неравенства регионов России по уровню развития были осуществлены исследователями практически всех научных организаций и коллективов, чьи интересы затрагивают тематику регионального развития (Таблица 4).

Поскольку исследований межгородского неравенства в России накоплено мало в противовес теме межрегиональных различий, оценка исследований на предмет того, какие методы, подходы и показатели для измерения пространственного неравенства по уровню развития в них используются, была проведена по выборке исследований как межгородского (Таблица 3), так и межрегионального неравенства (Таблица 4). Отметим, что в анализ были включены только те научные работы, в которых расчёты территориального неравенства проводились по *душевым* показателям развития.

Таблица 3 – Подходы, методы и показатели, используемые российскими учёными для измерения межгородского неравенства по уровню социально-экономического развития

№ п.п.	Исследователи (научные организации)	Методы измерения неравенства					Подход к измерению неравенства		Показатели в расчёте на душу населения, по которым измеряется неравенство					
		Max / Min	К вариации	К Джини	Индекс Тейла	Другие	Невзвешенный	Взвешенный	Пром. производство	Инвестиции	Зарплата	Оборот розничной торговли	Ввод жилья	Другие
1	Антонов Е.В. (Географический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, ИГ РАН) [Antonov, 2018]			•	•	•		•	•	•	•	•	•	
2	Буфетова А.Н. (ИЭОПП СО РАН) [Буфетова, 2015]		•				•			•			•	•
3	Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г., (Географический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова) [Зубаревич, Сафронов, 2013, 2019]		•	•				•	•	•	•	•	•	•
4	Лимонов Л.Э. и др. (АНО «МЦСЭИ «Леонтьевский центр») [Система..., 2024]	•	•				•		•	•	•			•
5	Манаева И.В. (НИУ БелГУ) [Манаева, 2016]			•	•		•		•		•			
ИТОГО		1	3	3	2	1	3	2	4	3	5	2	3	3

Источник: составлено по результатам анализа научных публикаций.

Таблица 4 – Подходы, методы и показатели, используемые российскими учёными для измерения межрегионального неравенства по уровню социально-экономического развития

№ п.п.	Исследователи (научные организации)	Методы измерения неравенства					Подход к измерению неравенства		Показатели в расчёте на душу населения, по которым измеряется неравенство				
		Max / Min	К вариации	К Джини	Индекс Тейла	Другие	Невзвешенный	Взвешенный	ВРП	Инвестиции в основной капитал	Доходы населения / зарплата	Доходы бюджетов	Другие
1	Алтунина В.В., Анучина Д.А. (БФУ им. И. Канта) [Алтунина, Анучина, 2023]					•	•		•				
2	Антипин И.А., Шишкина Е.А. (УрГЭУ) [Антипин, Шишкина, 2024]	•	•				•		•	•	•		
3	Вишневская и др. (ЦЕТИ ВШЭ) [Неравенство..., 2021]		•				•	•			•		
4	Гагарина Г.Ю., Болотов Р.О. (РЭУ им. Г. В. Плеханова) [Гагарина, Болотов, 2021, 2022]		•		•	•	•		•	•	•		
5	Глазырина И.П., Забелина И.А., Клевакина Е.А. (ИПРЭК СО РАН) [Глазырина и др., 2010, 2015; Glazyrina et al., 2010]			•	•	•	•		•				•
6	Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г., (Географический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова) [Зубаревич, 2014, 2019; Зубаревич, Сафронов, 2013, 2024]			•				•	•	•	•	•	

7	Иванова В.И. (Лаборатория теории рынков и пространственной экономики НИУ ВШЭ) [Иванова, 2014]		•				•				•		
8	Кабашова Е.В. (Институт социологии ФСИНЦ РАН) [Кабашова, 2022]	•	•			•	•				•		•
9	Коломак Е.А., Буфетова А.Н., Глущенко К.П. и др. (ИЭОПП СО РАН) [Коломак, 2010, 2013; Глущенко, 2015; Ершов, 2019; Буфетова, 2022]		•	•	•	•	•		•		•		•
10	Лавровский Б.Л., Шильцин Е.А. (Новосибирский государственный технический университет) [Лавровский, Шильцин, 2009]		•				•		•				
11	Малкина М.Ю. (НГУ им. Н.И. Лобачевского) [Малкина, 2014]		•	•	•	•		•	•		•		
12	Маслихина В.Ю. (ПГТУ – Волгатех) [Маслихина, 2017]				•	•		•	•				
13	Мельников Р.М. (ИГСУ РАНХиГС) [Мельников, 2008]				•			•	•				
14	Михеева Н.Н. (ИНП РАН) [Михеева, 2020]	•	•				•		•				
15	Морошкина М.В. (ИЭ КарНЦ РАН) [Морошкина, 2017, 2018а, 2018б]		•	•	•		•	•	•		•		

16	Плотников В.А., Лисина Е.А. (СПбГЭУ) [Плотников, Лисина, 2018]		•				•	•			•		
17	Трейвиш А.И. (ИГ РАН) [Трейвиш, 2009]		•				•		•				
18	Туровский Р.Ф., Джаватова К.Ю. (Лаборатория региональных политических исследований НИУ ВШЭ) [Туровский, Джаватова, 2019]		•	•				•	•			•	
19	Фенин К.В. (СГУ имени Н.Г. Чернышевского) [Фенин, 2021]		•					•	•				
20	Шаталова О.М. (Удмуртский филиал Института экономики УрО РАН), Касаткина Е.В. (ИжГТУ имени М. Т. Калашникова) [Шаталова, Касаткина, 2022]				•			•	•	•			
ИТОГО		3	14	6	8	7	13	10	16	4	10	3	2

Источник: составлено по результатам анализа научных публикаций.

Обзор исследований показал, что оценка межгородского социально-экономического неравенства отечественными авторами чаще всего проводится по показателям заработной платы (неравенство по этому показателю было оценено во всех исследованиях выборки), а также по душевому объёму промышленного производства (отгруженных товаров и услуг) и инвестиций в основной капитал. В нескольких работах измерение неравенства городов России также проводилось по душевому обороту розничной торговли, вводу жилья и ряду других индикаторов, например, по обеспеченности населения городов врачами [Буфетова, 2015] или доходами местных бюджетов [Система..., 2024].

Пространственное неравенство по уровню развития для регионов большинством российских авторов оценивается с использованием показателя валового регионального продукта (ВРП) на душу населения, тогда как межгородское неравенство в России по аналогичному показателю валового городского продукта оценить невозможно ввиду того, что статистический учёт такого показателя по городам России не ведётся. Как и для межгородского неравенства, широко распространена оценка межрегиональной дифференциации по душевым инвестициям и уровню доходов жителей, чаще измеренных с использованием показателя среднедушевых денежных доходов населения, учитывающих помимо заработной платы ещё и другие источники доходов граждан. Так же как и по городам, значительно реже неравенство регионов оценивается по душевым доходам региональных бюджетов и другим индикаторам. Выделяется отдельная группа работ, в которых акцент сделан на измерении различий регионов только по доходам населения (например, в монографии ЦЕТИ НИУ ВШЭ [Неравенство..., 2021], работе учёных из СПбГЭУ [Плотников, Лисина, 2018] и др.).

Чаще всего в качестве метода измерения межтерриториального неравенства авторы используют коэффициент вариации – 14 авторов и авторских коллективов из 20 при расчёте межрегионального неравенства в своих исследованиях используют этот метод, и 3 из 5 авторов, проводивших оценки межгородских различий. Широко распространена практика измерения неравенства регионов и городов с использованием коэффициента Джини (его использовали 6 из 20 авторов в работах по межрегиональному неравенству, 3 из 5 – по межгородскому) и индекса Тейла (8 из 20 и 2 из 5 соответственно). Другие методы (коэффициенты осцилляции и фондов, индексы Аткинсона, Гувера, Херфиндаля-Хиршмана и др.) применяются значительно

реже. При этом половина авторов предпочитает в своих исследованиях измерять масштабы территориальной дифференциации с использованием сразу нескольких методов, чаще всего – с использованием коэффициента вариации и нескольких дополнительных простых статистических метрик вроде отношения максимального значения по выборке регионов к минимальному или, наоборот, в сочетании с более сложными энтропийными коэффициентами (Тейла, Аткинсона и пр.).

Примечательно, что ряд авторов использовали свойство декомпозиции энтропийных метрик неравенства, прежде всего, индекса Тейла для оценки влияния определённых факторов на неравенство регионов России по уровню развития. Например, с использованием этого свойства в [Коломак, 2013] оценено влияние на межрегиональную дифференциацию положения субъектов РФ в западной (европейской) или восточной (азиатской) части страны, а в [Гагарина, Болотов, 2021] проведена оценка влияния на уровень развития экономики регионов их положения в том или ином федеральном округе. В исследованиях межгородского неравенства свойство декомпозиции индекса Тейла российскими авторами не применялось.

Хотя разные методы приводят к несколько отличающимся результатам расчёта уровня межрегионального или межгородского неравенства, тренды изменения неравенства оказываются схожими вне зависимости от метода, которым его измеряли – это можно увидеть по работам Г.Ю. Гагариной и Р.О. Болотова [Гагарина, Болотов, 2021], М.Ю. Малкиной [Малкина, 2014], К.П. Глущенко [Глущенко, 2010] и др. авторов, использующих при измерении пространственной дифференциации сразу несколько коэффициентов и индексов.

Также выявлено, что распространены оба подхода к оценке пространственного неравенства перечисленными выше методами, однако невзвешенный подход всё же используется чуть бóльшим количеством научных авторов и коллективов (13 из 20 в работах по межрегиональному неравенству и 3 из 5 – по межгородскому). Учёные-географы в основном пользуются взвешенным подходом, тогда как среди экономистов распространена практика расчёта как взвешенного, так и невзвешенного неравенства. Обычно авторы остаются приверженными одному выбранному ими подходу во всех своих исследованиях, и только в работах, посвящённых межрегиональному неравенству по доходам населения, зачастую одновременно используются сразу оба подхода. Выделяются также работы М.В. Морошкиной, которая в разных

исследованиях использовала разные подходы, однако обоснование выбора в пользу одного или другого в работах учёной не прописано [Морошкина, 2017, 2018а, 2018б].

Использование разных методов расчёта территориального неравенства, но в рамках одного подхода, приводит к схожим результатам. В этом можно убедиться путём сравнения оценок межрегионального неравенства, полученных разными авторами для одного и того же периода и показателя. Например, если сравнить результаты невзвешенной оценки межрегионального неравенства по ВРП на душу населения, полученные для периода 2000–2005 гг. в работах Б.Л. Лавровского и Е.А. Шильцина [Лавровский, Шильцин, 2009] и Е.А. Коломак [Коломак, 2010] с использованием коэффициента вариации, а также Глазыриной и др. [Glazygina et al., 2010] с использованием коэффициентов Джини, индексов Тейла и Аткинсона, то можно убедиться, что во всех работах расчёты показывают пологое увеличение неравенства регионов по показателю в 2000–2004 гг. с резким его усилением в 2005 г.

Абсолютно идентична динамика неравенства регионов по душевым ВРП и инвестициям в основной капитал в период с 1990-х по 2020 г., полученная в результате взвешенной оценки в работах Н.В. Зубаревич и С.Г. Сафронова с использованием коэффициента Джини [Зубаревич, Сафронов, 2024] и О.М. Шаталовой и Е.В. Касаткиной с использованием индекса Тейла [Шаталова, Касаткина, 2022].

Однако если сравнивать взвешенные и невзвешенные оценки неравенства регионов, между их результатами будут наблюдаться существенные расхождения. Значения одних и тех же метрик неравенства территорий при применении взвешенного и невзвешенного подходов всегда различаются. Масштаб различий может быть разным в зависимости от показателя, по которому измеряется неравенство. Например, значения взвешенного и невзвешенного неравенства регионов России по зарплате с использованием коэффициента вариации, проведённые ЦЕТИ ВШЭ [Неравенство..., 2021], отличаются друг от друга в пределах нескольких процентов, при этом до 2006 г. взвешенное неравенство было ниже невзвешенного, а после 2006 г. – наоборот. В то же время К.П. Глущенко показывает, что расхождения взвешенных и невзвешенных оценок межрегионального неравенства по доходам населения в разные периоды могут варьироваться от 15% до 25% [Глущенко, 2015]. Взвешенный коэффициент Джини для межрегионального неравенства по ВРП на душу населения, измеренный Н.В. Зубаревич и С.Г. Сафроновым в 2000-х гг. укладывался в диапазон значений от 0,3 до

0,4 ед. [Зубаревич, Сафронов, 2024], а невзвешенный в работе И.П. Глазыриной, И.А. Забелиной и Е.А. Клевакиной колебался в этот период от 0,4 до почти 0,55 ед. [Glazyrina et al., 2010].

Динамика межрегионального неравенства по взвешенному и невзвешенному подходам часто совпадают, однако в отдельные временные периоды между их результатами также могут наблюдаться значительные несостыковки. Например, взвешенные оценки неравенства регионов по ВРП на душу населения [Шаталова, Касаткина, 2022; Зубаревич, Сафронов, 2024] в отличие от невзвешенных [Glazyrina et al., 2010; Гагарина, Болотов, 2021] показывают, что на рубеже 1990–2000-х гг. наблюдался краткосрочный его «всплеск». Хотя как взвешенная, так и невзвешенная оценки межсубъектового неравенства по инвестициям показывают рост различий в начале 2000-х гг., по взвешенным оценкам он начался на 2–3 года раньше, чем по невзвешенным. Также при измерении взвешенным подходом отмечается существенное снижение неравенства регионов по инвестициям в 2013–2015 гг. [Шаталова, Касаткина, 2022; Зубаревич, Сафронов, 2024], в то время как при невзвешенном подходе оно не проявляется [Гагарина, Болотов, 2021]. Различия результатов расчёта межрегионального неравенства, полученных с применением взвешенного и невзвешенного подходов, вполне закономерны и объяснимы различиями в математических принципах их расчёта, описанных в разделе 2.1.1 диссертации.

Обобщая, можно констатировать, что при оценке пространственного социально-экономического неравенства российские исследователи чаще всего пользуются такими методами, как индекс Джини и Тейла в сочетании с другими более простыми метриками. При этом в исследованиях преобладает невзвешенный подход к измерению межтерриториальных различий, однако в целом учёными зачастую уделяется недостаточное внимание к обоснованию того, какой подход к измерению территориального неравенства они выбирают использовать, в то время как в зависимости от применения того или иного подхода результаты измерений могут значительно различаться. Получение же более полного представления о масштабах и динамике неравенства развития регионов или городов возможно при совмещении применения взвешенного и невзвешенного подходов, однако авторы практически не прибегают к единовременному использованию их обоих за исключением ряда исследований о неравенстве регионов России по уровню доходов жителей.

Ввиду вышеперечисленного для получения более всесторонней и комплексной оценки социально-экономического неравенства крупных городов России в диссертационном исследовании видится целесообразным использование обоих подходов. При этом малое число отечественных работ, в которых различия городов России по уровню социально-экономического развития рассматриваются в ракурсе пространственного неравенства, и устарелость большинства таких оценок подтверждают актуальность диссертационного исследования.

2.3 Ограничения статистических данных по городам России

Ключевым ограничением исследований социально-экономического развития городов России на современном этапе является фактическое отсутствие статистических показателей, необходимых для проведения исследований непосредственно по городам, поскольку официальный статистический учёт в стране ведётся по муниципальным образованиям. Суть данного ограничения кроется в понимании соотношения и различий между двумя основными видами территориального деления в России – административно-территориальным делением и муниципальным.

Непосредственно понятие «город» (наряду с понятиями «административный район», «посёлок городского типа», «село», «деревня», «аул», «аймак», «кожуун» и пр.) относится к административно-территориальному делению (АТД). Административно-территориальное устройство, его принципы и границы административно-территориальных единиц (АТЕ) определяются каждым субъектом РФ самостоятельно и закрепляются в таких региональных документах, как Устав, Конституция субъекта РФ, а также прочих региональных законах и реестрах.

Хотя единой (стандартной) структуры объектов АТД в России не предусмотрено, в общем виде их иерархия состоит из четырёх уровней. В зависимости от присвоенного субъектом РФ значения, города могут занимать позиции на втором (города регионального значения/подчинения), третьем (города районного значения/подчинения) и четвёртом (города, не имеющие статуса районного либо регионального значения) уровнях АТД. Однако иерархия АТЕ от региона к региону может различаться, она по-своему уникальна в каждом субъекте РФ. В связи с этим в регионах России встречаются города и с иными статусами, относящиеся к иным

иерархическим уровням АТД (например, в Республике Коми на втором уровне АТД выделяются «города республиканского значения с подчинёнными им территориями», а на третьем – «города республиканского значения с прилегающими территориями»).

Более подробные социально-экономические данные собираются по единицам второго вида территориального деления – муниципального.

Муниципальное территориальное деление в России определяется системой управления. Единицы муниципального территориального деления – муниципальные образования – соответствуют территориям, в границах которых осуществляется местное самоуправление (третий уровень территориального управления в России после федерального и регионального). Как и устройство АТД, деление территории на муниципальные образования определяется и изменяется самостоятельно субъектами РФ посредством принятия региональных законов.

В России существует восемь видов муниципальных образований. Их можно разделить на два территориальных уровня. Однако первый (нижний) уровень муниципального деления характерен не для всех муниципальных образований второго (верхнего) уровня, а только для муниципальных районов и городских округов с внутригородским делением. Муниципальные районы разделяются внутри своих границ на городские и сельские поселения, а городские округа с внутригородским делением – соответственно, на внутригородские районы.

Важно, что границы территориальных единиц муниципального и административно-территориального деления могут не совпадать друг с другом. Это происходит потому, что к ведению одного органа местного самоуправления может относиться несколько или даже множество единиц АТД (административных районов и населённых пунктов). Закономерно (исходя из определения) это означает, что территория муниципального образования будет включать в свои границы все АТЕ, на которые распространяется власть органа МСУ.

В реальной практике границы муниципальных образований чаще совпадают (или почти совпадают) с административно-территориальными границами. При этом обычно такой «городской» муниципальной единице, как городской округ, соответствует городская административная единица в лице города республиканского, краевого, областного, окружного значения, а каждому городскому поселению – город или посёлок городского типа районного значения. Например, границы городского

округа Томск очень близки к административно-территориальным границам города: помимо территории самого города, в состав округа входит ещё семь небольших сельских населённых пунктов (Рисунок 5).

Однако в субъектах РФ встречается и множество исключений из этих правил. Например, городские округа могут включать в себя несколько городов и даже иных единиц АТЕ. Так, в состав Одинцовского городского округа Московской области в его современных границах (утверждены в январе 2019 г. [Закон Московской..., 2019]) входят 236 населённых пунктов: 4 города – Одинцово, Звенигород, Голицыно и Кубинка, а также 6 посёлков городского типа, 53 посёлка, 29 сёл, 141 деревня и 3 хутора. Аналогично в состав городских поселений часто входит несколько населённых пунктов, в составе которых один малый город или посёлок городского типа и ряд сельских поселений.

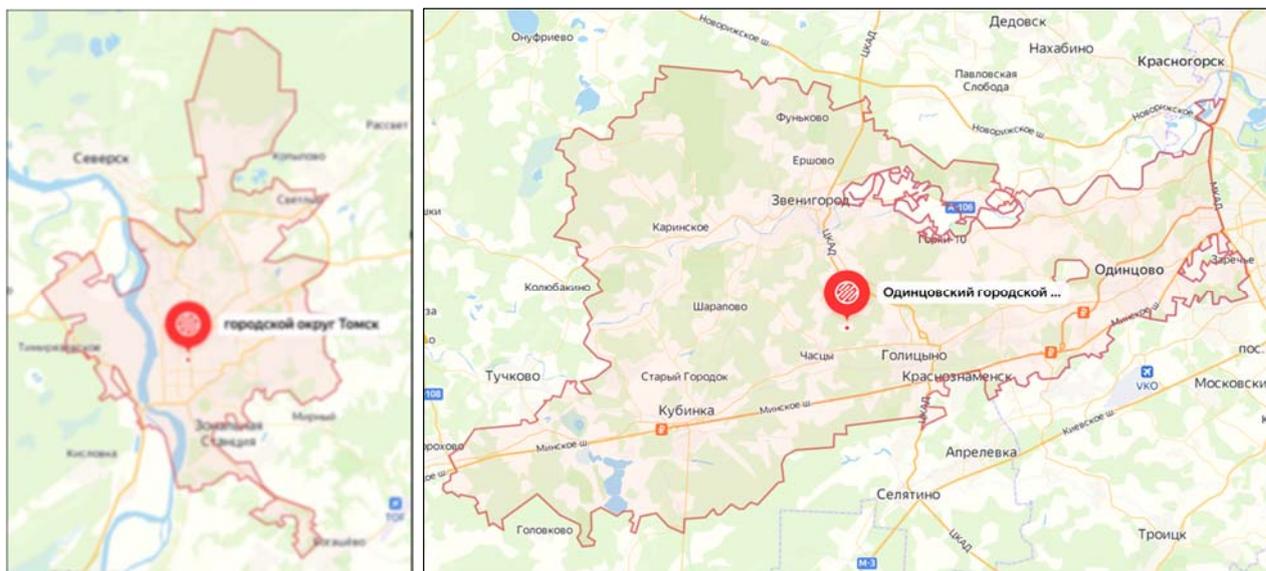

Рисунок 5 – Границы городского округа Томск и Одинцовского городского округа

Источник: составлено по данным картографического сервиса «Яндекс.Карты» [Яндекс..., 2025].

Наличие множества подобных случаев способствует тому, что статистический показатель, собираемый по муниципальному образованию, отражает показатель не конкретного города как отдельной АТЕ, а сразу группы городов или города и совокупности близлежащих сельских населённых пунктов. Долю показателя муниципального образования, которая приходится на входящий в него город (а в случае включения в состав муниципалитета нескольких городов – которая приходится на каждый из входящих в него городов), вычленить невозможно. По этой причине во всех современных исследованиях городов России на самом деле использованы данные

о городах и близлежащих к ним сельских территориях, которые в значительной степени могут искажать показатели, которые формируются непосредственно в границах городов.

Немаловажным ограничением при проведении исследований городов в России выступают труднодоступность и низкая объективность опубликованной в открытом доступе статистической информации. В России, к сожалению, сохраняется дефицит данных по различным социально-экономическим показателям в разрезе муниципальных образований, которые применяются для исследований городов. Кроме того, набор и качество собираемых показателей, которые публикуются для «городских» муниципальных образований разного типа – городских округов (ГО) и городских поселений (ГП) – также различается: перечень показателей, которые собираются на уровне городских поселений, оказывается крайне ограниченным в сравнении с городскими округами (хотя будучи более низовой единицей муниципального деления, городские поселения характеризуются зачастую границами, в большей степени приближенными к реальным административно-территориальным единицам городов).

Отдельную сложность представляет то, что три города в России имеют статус не муниципальных образований, а субъектов РФ – это города федерального значения (ГФЗ) Москва, Санкт-Петербург и Севастополь. Набор статистических показателей, которые публикуются по регионам, значительно шире того, который публикуется по муниципальным образованиям. Однако зачастую значительным препятствием становится различие в методиках сбора одного и того же по сути показателя между региональным и муниципальным уровнем. Например, данные по объёму платных услуг в разрезе регионов публикуются в большинстве статистических наборов данных по полному кругу организаций, а по муниципальным образованиям – без учёта малых предприятий. Таким образом, значения, измеренные по Москве, Санкт-Петербургу и Севастополю методически не совпадают с показателями, измеренными по городским муниципалитетам, а потому достоверное сравнение между ними не может быть проведено.

Основным источником статистических данных о муниципальных образованиях в России является База данных показателей муниципальных образований (БДПМО) Росстата [База..., 2025]. Однако этот источник не лишён недостатков. Во-первых,

интерфейс этой базы данных несовершенен для пользователей. В частности, в базе отсутствует возможность множественной агрегации данных по признакам, которые необходимы исследователю. Формирование массива возможно либо только для муниципальных образований одного региона, либо по каждому отдельному муниципалитету. Выкачка данных в формате Microsoft Excel хотя и предусмотрена на портале БДПМО, в большинстве случаев оказывается недоступной.

Во-вторых, информация, публикуемая в БДПМО, характеризуется значительным числом пропусков данных и ошибочных значений. Это требует обязательного проведения верификации рядов данных и дополнения недостающей информации из других открытых источников. В первую очередь в качестве дополнительных используются данные региональных отделений Росстата, а также статистическая информация, публикуемая на официальных порталах городских администраций. Поиск и дополнение той информации, которая пропущена или ошибочна в БДПМО, в иных источниках крайне трудо- и времязатратен даже по ограниченному набору показателей.

В-третьих, для публикации статистических данных в БДПМО и других наборах данных Росстата по муниципалитетам характерно наличие значительного временного лага. Это не позволяет проводить оценку социально-экономического состояния городов страны по состоянию на текущий момент, а делает её возможной только в ретроспективе одного-двух лет. Это в значительной степени затрудняет не только актуальный научный поиск, но и служит барьером при необходимости принятия оперативных управленческих решений городских властей.

В-четвёртых, серьёзным ограничением для проведения исследований динамики социально-экономического развития городов являются частые изменения сетки муниципального деления в России и перевод муниципальных образований одного статуса в другой (например, муниципальных районов в городские округа), которые в БДПМО и иных базах статистических данных по муниципалитетам никак не учитываются. Корректировки показателей в связи с муниципальными преобразованиями приходится также проводить путём переобъединения показателей муниципальных образований (сложения и вычитания в зависимости от типа преобразования), что также существенно осложняет и удлинняет работу с массивом данных.

Все вышеперечисленные ограничения создают большие трудности при формировании единой базы данных для большого по объёму массива крупных городов страны, необходимой для проведения диссертационного исследования.

Особенностью муниципальных данных также является отсутствие опубликования для муниципалитетов индексов цен и индексов физического объёма. Для перевода стоимостных показателей муниципалитетов в одни цены приходится использовать данные по субъектам РФ, что в некоторой степени искажает реально наблюдаемые в муниципалитетах величины стоимостных характеристик.

Перечень источников, в которых доступны социально-экономические данные для большого массива городов России, а не единичных городов или небольших их групп, очень мал. Помимо БДПМО можно выделить всего несколько источников: это сборник Росстата «Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов» (где доступны данные для городов страны с численностью населения более 100 тыс. жителей); некоторые показатели, собираемые Росстатом и публикуемые в ЕМИСС (например, индекс стоимости жизни по выборочным городам страны, доля озеленённых городских территорий и некоторые иные); данные форм налоговой отчётности, публикуемые по каждому виду налогов на портале Федеральной налоговой службы (ФНС) России. Прочие источники содержат данные лишь о небольшом числе городов, которые попадают в аналитические или исследовательские выборки.

Перечисленные в данном разделе факты делают изучение социально-экономического развития городов страны скрупулёзным и трудозатратным процессом.

2.4 Методика оценки масштабов и факторов социально-экономического неравенства крупных городов России за период 2000–2023 гг.⁴

Методика оценки социально-экономического неравенства крупных городов России за период 2000–2023 гг. была разработана с учётом рассмотренных

⁴ При работе над данным разделом диссертации использованы материалы научных публикаций автора, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования:

1. Медведникова Д. М. Факторы неравномерности развития городов России с населением более 100 тыс. чел. в первых десятилетиях XXI века // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2025. – Т. 88. – № 5. – С. 738–756.

2. Medvednikova D. M. Factors of uneven development of Russian cities with a population of over 100 000 in the first decades of the 21st century // Regional Research of Russia. – 2024. – Vol. 14, Suppl. 1. – P. S86–S100.

особенностей методов и подходов к расчётной оценке пространственного неравенства, а также с учётом опыта предыдущих исследований.

Ввиду широкого использования индекса Тейла в качестве измерителя межтерриториальной дифференциации в других научных работах, а также ряда преимуществ его как метода в сравнении с другими (см. раздел 2.1.2), оценку масштабов и динамики неравенства (σ -конвергенции) крупных городов России по социально-экономическим параметрам развития в диссертационном исследовании было решено проводить с использованием этого индекса. Для обеспечения комплексной и всесторонней оценки масштабов и динамики различий крупных городов России за рассматриваемый период оценка неравенства проводилась с применением как невзвешенного, так и взвешенного подходов, а также была дополнена оценкой β -конвергенции с использованием формулы (2) (β -конвергенция оценивается только по душевым невзвешенным показателям развития городов).

Так, оценка неравенства (σ -конвергенции) крупных городов России *по душевым социально-экономическим параметрам развития* проводилась с использованием *невзвешенного* индекса Тейла:

$$I_T = \frac{1}{n} \times \sum_{i=1}^n \left(\frac{x_i}{\bar{x}} \times \ln \frac{x_i}{\bar{x}} \right), \quad (3)$$

где: I_T – невзвешенный индекс Тейла,

n – число исследуемых крупных городов России,

x_i – значение душевого показателя i -ого крупного города,

\bar{x} – среднее арифметическое значение душевого показателя по всем исследуемым крупным городам.

Оценка *несоответствия распределения социально-экономических ресурсов и благ между крупными городами России распределению между ними населения (или трудовых ресурсов)* производилась с использованием *взвешенного* индекса Тейла:

$$I_{TW} = \sum_{i=1}^n \left(\frac{N_i}{N} \times \frac{x_i}{\bar{x}_w} \times \ln \frac{x_i}{\bar{x}_w} \right), \quad (4)$$

где: I_{TW} – взвешенный индекс Тейла,

n – число исследуемых крупных городов России,

N_i – численность населения i -ого города выборки,

N – совокупная численность населения исследуемых городов,

x_i – значение душевого показателя i -ого крупного города,

\bar{x}_w – среднее взвешенное значение душевого показателя по всем исследуемым крупным городам.

Преимущество индекса Тейла перед другими методами измерения в числе прочего состоит в его уникальном свойстве разложимости (или декомпозиции), обеспечивающем возможность определить, какая часть дифференциации определяется внутригрупповыми различиями, а какая – межгрупповыми. Это свойство было использовано для количественного измерения меры влияния ключевых факторов на неравенство развития крупных российских городов.

Важно отметить, что для оценки влияния факторов на неравенство крупных городов России по социально-экономическим показателям развития декомпозицию индекса Тейла по факторам целесообразно проводить только в рамках применения невзвешенного подхода к измерению неравенства, так как при декомпозиции взвешенного индекса роль групп городов с большей численностью населения относительно групп городов с меньшим населением будет завышена и результаты оценки будут сильно искажены.

Таким образом, оценка влияния ключевых факторов на неравенство крупных городов России по уровню социально-экономического развития проводилась путём декомпозиции невзвешенного индекса Тейла по формуле:

$$I_T = I_T^{\text{внутригрупповой}} + I_T^{\text{межгрупповой}} = \sum_{j=1}^k \left(\frac{X_j}{X} I_T^j \right) + \sum_{j=1}^k \left(\frac{X_j}{X} \ln \frac{\bar{x}_j}{\bar{x}} \right), \quad (5)$$

где:

I_T – невзвешенный индекс Тейла,

$I_T^{\text{внутригрупповой}}$ – часть индекса Тейла, описывающая дифференциацию между крупными городами внутри выделенных по определенному факторному признаку групп,

$I_T^{\text{межгрупповой}}$ – часть индекса Тейла, описывающая дифференциацию между выделенными группами городов,

k – число выделенных групп городов,

I_T^j – значение индекса Тейла для городов j -ой группы,

X_j – сумма значений душевого показателя крупных городов j -ой группы,

X – сумма значений душевого показателя всех исследуемых крупных городов,

\bar{x}_j – среднее арифметическое значение душевого показателя по крупным городам j -ой группы,

\bar{x} – среднее арифметическое значение душевого показателя по всем крупным городам.

Доля межгрупповой дифференциации в общем значении индекса Тейла (т.е. отношение $I_{T\text{межгрупповой}} / I_T$) принималась за количественную оценку вклада определенного признака (фактора) в общий масштаб различий между городами: чем больше данное отношение, тем выше роль изучаемого фактора в определении межгородских контрастов. При этом влияние фактора оценивалось как значимое в случае, если доля межгрупповой дифференциации по индексу Тейла в среднем за пять лет превышала 5%.

Чтобы оценить влияние того или иного признака (фактора) с использованием свойства декомпозиции индекса Тейла, выборка городов должна быть предварительно разделена на группы по данному признаку. В настоящей работе для исследования влияния каждого фактора крупные города были распределены на две группы⁵ (в первую группу включались города с наличием рассматриваемого факторного признака, во вторую – с отсутствием такого признака) в соответствии с таблицей (Таблица 5). Перечень крупных городов, включённых в исследовательскую выборку, с присвоением каждому из них рассматриваемых факторных признаков представлен в Приложении А.

Оценка влияния проводилась по тем четырём факторам, которые зарубежными и российскими исследователями принято считать ключевыми (см. параграфы 1.1 и 1.2). Также влияние факторов на межгородскую дифференциацию оценивалось без учёта Москвы и Петербурга, высокие показатели развития которых обусловлены гораздо более широким спектром факторов, чем четыре ключевых: наличием статуса субъектов Российской Федерации, регистрацией в них крупнейших российских транснациональных компаний и др. – эти факторы широко рассмотрены в предыдущих исследованиях (например, в [Кузнецова, 2018]).

Влияние на межгородские различия всех факторов, кроме административного статуса (статуса столицы субъекта РФ), оценивалось по нескольким аспектам. В частности, значимость фактора концентрации населения оценивалась для разных пороговых значений людности крупных городов, что позволило установить, при нали-

⁵ Проведение декомпозиции индекса Тейла возможно и при разделении выборки территорий на любое иное число групп (например, в [Гагарина, Болотов, 2021] авторы проводят расчёты декомпозиции индекса Тейла, разделяя регионы России на восемь групп в соответствии с числом федеральных округов), однако для сравнения меры влияния факторов друг между другом важно, чтобы оценка декомпозиции индекса по всем факторам проводилась по одинаковому числу групп.

Таблица 5 – Разделение исследуемых крупных городов России (без учёта Москвы и Санкт-Петербурга) на группы для оценки декомпозиции невзвешенного индекса Тейла по ключевым факторам

Фактор	Рассматриваемый аспект влияния фактора	Число городов с наличием факторного признака, ед.	Число городов без факторного признака, ед.	Доля городов с наличием факторного признака в выборке, %
Людность	Наличие более чем 1 млн жителей	От 9 до 14 в зависимости от года	От 148 до 153	От 5,6 до 8,6
	Наличие более чем 500 тыс. жителей	От 33 до 39 в зависимости от года	От 123 до 129	От 20,4 до 24,1
	Наличие более чем 250 тыс. жителей	От 72 до 84 в зависимости от года	От 78 до 90	От 44,4 до 51,9
Административный статус	Наличие статуса региональной столицы	71	91	43,8
Географическое положение	Положение в зоне нового освоения (в районах Крайнего Севера России и приравненных к ним местностях) / в основной полосе расселения	18 (города в зоне нового освоения)	144 (города в основной полосе расселения)	11,1
	Положение в Европе / в Азии	113 (города европейской части России)	49 (города азиатской части России)	69,8
	Положение в пригородной зоне Москвы (в радиусе 150 км)	20	142	12,3
	Положение в пригородной зоне других крупных городов	15	147	9,3
	Положение в ЦФО	43	119	26,5
	Положение в СЗФО	12	150	7,4
	Положение в ЮФО	17	145	10,5
	Положение СКФО	11	151	6,8
	Положение в ПФО	32	130	19,8
Положение в УФО	16	146	9,9	

	Положение в СФО	21	141	13,0
	Положение в ДФО	12	150	7,4
	Приморское положение с наличием морского порта	12	150	7,4
Специализация	Наличие промышленной специализации (доля занятых в секторах промышленности выше средней по городам выборки, равной в 2023 г. 28,3%)	76	86	46,9
	Наличие специализации на отраслях топливно-энергетического комплекса (ТЭК)	37	125	22,8
	Наличие специализации на химических отраслях (нефтепереработке, химии и нефтехимии)	30	132	18,5
	Наличие специализации на металлургии	24	138	14,8
	Наличие специализации на экспортно ориентированных отраслях (ТЭК, химических отраслях, металлургии)	66	96	40,7
	Доминирование в структуре занятости бюджетных услуг (более 50% работников в 2023 г. заняты в бюджетных секторах услуг)	21	141	13,0

Примечания:

К секторам промышленности были отнесены виды экономической деятельности разделов В, С, D и E согласно Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2) [Общероссийский..., 2014].

К секторам бюджетных услуг были отнесены виды экономической деятельности разделов О, Р, Q и R согласно Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2) [Общероссийский..., 2014].

Наличие специализации на отдельных экспортно ориентированных отраслях экономики определялось на основе наличия в городе крупных предприятий данных отраслей, которое устанавливалось по открытым источникам.

Источник: разработано автором с использованием данных БДПМО Росстата.

-ции какого масштаба численности населения города начинают значительно отличаться от других по социально-экономическим параметрам развития.

Оценка вклада фактора специализации в дифференциацию крупных городов оценивалась по наличию у части из них промышленной специализации, а также специализации на выборочных высокодоходных экспортно ориентированных отраслях экономики, таких как отрасли топливно-энергетического комплекса, металлургия, отрасли химической и нефтехимической промышленности, а также доминирования в экономике бюджетных секторов услуг, которое служит маркером низкого уровня развития экономики и рынка труда в городе.

Фактор географического положения как наиболее сложный и комплексный среди рассматриваемых оценивался по наиболее широкому перечню аспектов влияния. Помимо оценки влияния положения крупных центров в зоне нового освоения (которое существенно коррелирует с наличием у городов ресурсодобывающей специализации, и высокой стоимостью жизни в них), также оценивалось, насколько масштаб различий между городами зависит от их расположения в Европе или Азии, в том или ином федеральном округе, в пригородной зоне крупнейшей столичной Московской агломерации и агломераций других крупнейших городов страны. Дополнительно была проведена оценка влияния на дифференциацию городов их транспортно-географического положения относительно морских путей (приморское положение). Оценка транспортно-географического положения крупных городов относительно ключевых авто- и железнодорожных путей, а также аэропортов нецелесообразна ввиду того, что все города-стотысячники за исключением нескольких расположены на федеральных автотрассах, имеют железнодорожное сообщение или находятся в доступности от аэропортов (иначе говоря – обладают высокой транспортной доступностью), и влияние данных факторов по ним слабо дифференцировано.

Исследование проводилось только по тем городам России, которые на протяжении большей части периода 2000–2023 гг. имели в своих административно-территориальных границах численность населения более 100 тыс. чел. (хотя согласно СНиП [СП..., 2016] города людностью от 100 тыс. чел. и выше подразделяются на большие, крупные и крупнейшие, в данном исследовании для краткости будем обозначать их просто «крупными»). Всего таких городов 170, однако из выборки были исключены Грозный и Хасавюрт (ввиду низкого качества статистических данных), а

также города Крыма (ввиду того, что ряд данных по ним начинается только с 2015 г., в то время как для оценки индекса Тейла в динамике важно, чтобы число единиц выборки на всем протяжении измерений оставалось неизменным). Ввиду отсутствия статистических данных в выборку не были включены и крупные города воссоединённых регионов России. Таким образом, итоговая выборка составила 164 крупных города.

В качестве индикаторов для оценки социально-экономического неравенства крупных центров с использованием индекса Тейла были использованы показатели, представленные в таблице (Таблица 6). Основными источниками данных по ним по 2013 г. включительно стал сборник «Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов» Росстата [Регионы..., 2025а]. Некоторые сведения за период 2000–2013 гг. были верифицированы и дополнены по материалам набора данных «Экономика городов России» многофункционального статистического портала Мультистат [Экономика городов..., 2025] (этот набор данных после 2013 г. перестал обновляться). Данные, публиковавшиеся в этих источниках до 2013 г. включительно, собирались Росстатом непосредственно по городам в их административно-территориальных границах.

С 2014 г. учёт данных Росстатом стал вестись по муниципальным образованиям. Более широкий спектр статистических данных, чем в сборнике «Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов», по всем муниципалитетам стал публиковаться ведомством в Базе данных показателей муниципальных образований (БДПМО) [База..., 2025]. В связи с этим данные за 2014–2023 гг. по большинству показателей⁶ для крупных городов (а точнее, для муниципальных образований второго уровня, в состав которых входят эти города) были собраны из этой базы данных. С использованием сведений об изменениях муниципально-территориального устройства из ежегодных информационно-аналитических материалов Росстата «Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям» [Численность..., 2025] статистические данные по всем муниципальным образованиям с крупными городами, которые были подвержены тем или иным преобразованиям, были приведены к их границам по состоянию на 1 января

⁶ По обороту розничной торговли данные в БДПМО Росстата стали публиковаться только с 2015 г., в связи с чем по этому показателю, в отличие от других, данные сборника «Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов» использованы до 2014 г. включительно.

2024 г. – это сделано с целью нивелировать скачки данных, которые в отдельных городах могли быть вызваны не объективными причинами, а изменением муниципальных границ. Аналогичная корректировка показателей для Москвы и Санкт-Петербурга не проводилась, хотя их границы также были подвержены преобразованиям (в том числе в 2012 г. к Москве был присоединён значительный участок территории «Новой Москвы»).

Таблица 6 – Перечень исходных показателей, использованных для измерения социально-экономического неравенства крупных городов России в 2000–2023 гг.

N	Показатель	Период, за который доступны данные по показателю с 2000 г.	Источник данных
1	Численность населения (оценка на конец года), тыс. чел.	2000–2023 гг.	До 2013 г. включительно (для оборота розничной торговли – до 2014 г.) – сборник Росстата «Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов», набор данных «Экономика городов России» ГМЦ Росстата (Мультистат) С 2014 г. – БДПМО Росстата
2	Среднегодовая численность работников организаций, тыс. чел.	2000–2023 гг.	
3	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, руб.	2000–2023 гг.	
4	Инвестиции в основной капитал, тыс. руб.	2000–2023 гг.	
5	Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами, тыс. руб.	2014–2023 гг.	
6	Оборот розничной торговли, тыс. руб.	2000–2007, 2011–2023 гг.	
7	Объем платных услуг населению, тыс. руб.	2000–2007, 2019–2023 гг.	
8	Ввод в действие жилых домов, тыс. м ² общей площади	2000–2023 гг.	
9	Объем социальных выплат населению и налогооблагаемых денежных доходов населения, тыс. руб.	2012–2022 гг.	Наборы данных Росстата «Объем социальных выплат населению и налогооблагаемых денежных доходов населения в разрезе муниципальных образований»
10	Доходы местного бюджета, фактически исполненные, тыс. руб.	2011–2023 гг.	До 2020 г. включительно – БДПМО Росстата
11	Налоговые и неналоговые доходы местного бюджета, фактически исполненные, тыс. руб.	2011–2023 гг.	С 2021 г. – ГИИС «Электронный бюджет»

Примечание – Учёт данных по показателям 2–5 ведётся Росстатом по муниципальным образованиям без субъектов малого предпринимательства; по показателям 6 и 7 – без субъектов малого предпринимательства после 2007 г.

Источник: составлено автором по статистическим источникам данных.

Данные об исполнении местных бюджетов доступны в БДПМО Росстата только до 2020 г. Начиная с 2021 г. их публикация была переведена в ГИИС «Электронный бюджет» [Единый..., 2025], поэтому за 2021–2023 гг. сведения о доходах и расходах бюджетов крупных городов были собраны с этой платформы.

Оценка неравенства крупных городов по уровню доходов населения была проведена не только по показателю номинальной заработной платы Росстата, но налогооблагаемым доходам граждан Российской Федерации и социальным выплатам, которые возможно оценить по данным статистических публикаций «Объем социальных выплат населению и налогооблагаемых денежных доходов населения в разрезе муниципальных образований» [Объем социальных..., 2025] Росстата.

Для ряда показателей статистические данные в указанных источниках доступны не за весь исследуемый период с 2000 г., а за более короткий промежуток лет.

В случае отсутствия значений по показателю за один-два года значения за эти годы рассчитывались посредством пропорционального распределения по ним разницы между значениями соседних лет, за которые данные доступны. В случае, если во временном ряду было пропущено значение за крайний год, для этого года присваивалось значение показателя соседнего года (для стоимостных показателей – значение показателя соседнего года, скорректированное на инфляцию с использованием регионального индекса потребительских цен, публикуемого Росстатом [Индексы..., 2025]).

Важно отметить, что при расчете индекса Тейла по показателям заработной платы и объёму отгруженных товаров и услуг взвешивание производилось не по численности населения, а по численности работников крупных и средних предприятий. Неравенство по социальным выплатам населению и налогооблагаемым денежным доходам населения было взвешено на все население городов.

Особенностью авторской методики измерения межгородского неравенства в сравнении с предыдущими работами российских авторов является вычисление для Москвы и Санкт-Петербурга, имеющих статус субъектов Российской Федерации – городов федерального значения, показателей, максимально приближенных по методике расчета к показателям муниципальных образований. В частности, по ключевым социально-экономическим индикаторам (инвестициям, обороту розничной торговли, отгрузке промышленных товаров и услуг, а также заработной плате

работников) с использованием региональной статистики были, где это возможно, использованы или рассчитаны значения без учета малых предприятий. Такие показатели были использованы и для субъектов РФ при измерении межрегионального неравенства в целях сравнения его тенденций с динамикой неравенства крупных городов. Источниками данных по показателям для регионов послужили Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) [ЕМИСС..., 2025], серия сборников Росстата «Регионы России. Социально-экономические показатели» [Регионы..., 2025б], для Москвы и Санкт-Петербурга – также статистические сборники Мосстата и Петростата [Управление Федеральной..., 2025а; Управление Федеральной..., 2025б].

Дополнительная особенность составленной автором базы статистических данных по городам состоит в том, что четыре крупных города, попавших в исследовательскую выборку: Альметьевск и Нижнекамск (Республика Татарстан), а также Балаково и Энгельс (Саратовская область) – входят в состав городских поселений муниципальных районов, а не городских округов. Ввиду фактически отсутствия социально-экономических данных по городским поселениям (см. параграф 2.3), по этим городам с 2014 г. использовались данные по муниципальным районам, в которые они входят. Поскольку муниципальные районы имеют двухуровневую систему муниципального управления, в идеале при анализе их доходов и расходов бюджета необходимо использовать сведения об исполнении консолидированного бюджета (включаящем как бюджет муниципального района, так и входящих в него поселений). Однако в БДПМО Росстата и ГИИС «Электронный бюджет» данные об исполнении бюджетов муниципальных районов публикуются в неконсолидированном виде, а ввиду низкого качества сведений об исполнении бюджетов городских поселений достоверно рассчитать консолидированные бюджетные данные по ним за продолжительный период не представляется возможным. Из-за описанных ограничений по этим городам использовались данные об исполнении бюджетов муниципальных районов (неконсолидированных). С учетом того, что полномочия и бюджеты городских поселений невелики, погрешность использования неконсолидированных бюджетов в сравнении с консолидированными также невелика.

При анализе неравенства крупных городов также важно учитывать изменение методик расчёта некоторых показателей, так как оно обуславливало «искусственное»

скачкообразное изменение динамики неравенства, интерпретация которого нерелевантна. Среди таких изменений:

- Переход с 2014 г. с учёта статистических данных по административно-территориальным единицам (т.е. непосредственно по городам) на учёт по муниципальным образованиям, в состав которых входят эти города;

- Изменение учёта оборота розничной торговли в 2008–2010 гг. (по-разному в городах разных регионов) и объёма платных услуг с 2019 г., когда сведения по этому показателю стали снова публиковаться после долгого перерыва с 2007 г., с полного круга организаций на крупные и средние организации;

- Смена использования данных по заработной плате работников организаций по Москве и Санкт-Петербургу в 2013 г. с полного круга организаций на крупные и средние организации.

При оценке межгородских различий по денежным показателям проводилась их корректировка на стоимость жизни путем деления значения показателя на индекс стоимости жизни [Индекс..., 2025], оцениваемый Росстатом с 2010 г. для выборочных 300 городов России (значения индекса по городам выборки в 2023 г. см. в Приложении Б). Для крупных городов, по которым значение данного индекса Росстатом не рассчитывается, корректировка значений проводилась по индексу стоимости жизни ближайших к ним городов. Для корректировки денежных показателей за 2000–2009 гг. использовались значения индекса стоимости жизни за 2010 г. Важно иметь в виду, что метод корректировки с использованием данного индекса может не полностью достоверно учитывать масштабы удорожания по всем показателям: реальное удорожание затрат на производство товаров и услуг и инвестиционные вложения в пределах северных труднодоступных территорий может превышать значения индекса.

2.5 Методика оценки финансово-долговой устойчивости крупных городов России⁷

Как показано в параграфе 2.4, статистические сведения об исполнении доходов и расходов местных бюджетов в Российской Федерации с 2011 по 2020 г. публиковались в БДПМО Росстата, а начиная с 2021 г. отчётность о муниципальных бюджетах в более детальном разрезе стала публиковаться на электронной платформе ГИИС «Электронный бюджет». На данной платформе также в интерактивном формате дашборда публикуются сведения о муниципальном долге по состоянию на 1 января начиная с 2020 г. в разрезе каждого муниципального образования страны, однако качество заполнения этих сведений невысоко, и по многим муниципалитетам данные не заполнены.

Сведения о муниципальном долге в разрезе муниципалитетов за более ранние годы в БДПМО или какой-либо иной базе данных отсутствуют.

Неполнота сведений в ГИИС «Электронный бюджет», а также сведения о муниципальном долге по состоянию на 1 января за годы, предшествующие 2020 г., могут быть восполнены только из материалов о бюджете, которые публикуются на официальных порталах муниципальных образований, их финансовых управлений и, изредка, на порталах финансовых управлений или порталах «Открытый бюджет» соответствующих субъектов РФ. Хотя бюджетным законодательством принят широкий набор стандартизированных форм бюджетной отчётности [Справочная..., 2025], которые обязано составлять муниципальное образование в рамках управления бюджетным процессом, отсутствует жёсткая регламентация того, какие именно материалы и заполненные формы отчётности следует опубликовывать в открытом доступе на порталах муниципалитетов. Именно в этом состоит главная сложность сбора данных о муниципальном долге – для каждого муниципалитета источником данных о долге служит один или несколько документов из набора форм отчётности, которые местная администрация по своему усмотрению решила опубликовать на своём официальном портале.

⁷ При работе над данным разделом диссертации использованы материалы научных публикаций автора, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования:

1. Медведникова Д. М. Факторы дифференциации долговой ситуации в городских округах России с населением более 100 тыс. чел. в 2015–2020 гг. // Региональные исследования. – 2021. – № 4 (74). – С. 29–45.
2. Medvednikova D. M. Differentiation factors of the debt situation in Russian urban okrugs with over 100 000 residents in 2015–2020 // Regional Research of Russia. – 2022. – Vol. 12, No. 4. – P. 531–543.

Вторая сложность – отсутствие законодательно закреплённого обязательства местных администраций публиковать какую-либо информацию о муниципальном долге в открытом доступе (в доступе для граждан). Бюджетным кодексом РФ закрепляется только обязанность финансовых органов муниципалитетов передавать данные долговых книг соответствующим органам субъекта РФ (ст. 121) [Бюджетный..., 1998]. Это означает, что для значительного числа муниципальных образований в открытом доступе могут быть не опубликованы никакие из форм долговой отчётности, и данные по муниципальному долгу по ним будут недоступны.

Определённые подвижки в сторону раскрытия подробной информации о муниципальных бюджетах сделаны путём издания в 2016 г. приказа Минфина России «О составе и порядке размещения и предоставления информации на едином портале бюджетной системы Российской Федерации» [Приказ..., 2016] и в декабре 2020 г. Методических рекомендаций для муниципальных образований по порядку публикации информации портале «Электронный бюджет» [Методические..., 2024], после чего на электронной платформе появился широкий спектр данных о муниципальных бюджетах, хотя и характеризующийся низким качеством заполнения и слабой упорядоченностью.

В целом раскрытие бюджетной информации для граждан в России стало приниматься во внимание и обрело обязательный характер только в 2013 г. [Бюджет..., 2025] с выходом Бюджетного Послания Президента РФ от 13 июня 2013 г. «О бюджетной политике в 2014–2016 годах» [Бюджетное..., 2013]. Тогда на всех уровнях управления было введено правило публиковать в сети Интернет брошюру «Бюджет для граждан» в целях информирования населения об использовании бюджетных средств.

Однако никакого регламента или перечня рекомендаций по составу информации в брошюрах «Бюджет для граждан» органами федеральной власти подготовлено не было. Право определять, какие именно данные о бюджете представлять населению в брошюрах, до сих пор остаётся за каждым отдельным муниципальным образованием и субъектом РФ. Соответственно, сохраняется право и не публиковать в данных буклетах информацию о муниципальном долге.

Отсутствие какого-либо обязательства публиковать информацию о бюджете до 2013 г. делает практически невозможным сбор данных об исполнении бюджета, и в особенности о муниципальном долге за более ранние годы.

Сбор недостающих в ГИИС «Электронный бюджет» сведений о муниципальном долге с 1 января 2020 г., а также сведений о нём за более ранние периоды оказывается возможен только при «ручном» поиске информации по уникальным источникам для каждого муниципального образования, среди которых:

- выписки из муниципальных долговых книг;
- отчёты о муниципальном долге;
- отчёты «Бюджет для граждан»;
- пояснительные записки к отчётам об исполнении местных бюджетов;
- программы муниципальных заимствований;
- бюджетные прогнозы муниципального образования;
- порталы «Открытый бюджет» муниципальных образований и субъектов РФ;
- отчёты контрольно-счётных палат муниципалитетов и др. источники.

Перечисленные особенности делают сбор данных о муниципальном долге крайне трудоёмким, и даже при поиске сведений о долге в перечисленных источниках для ряда муниципалитетов за отдельные периоды данные найти не удаётся.

Несмотря на перечисленные ограничения, в целях реализации поставленной в исследовании задачи для 162 крупных городов России выборки (всех, за исключением Москвы и Санкт-Петербурга, которые являются субъектами Российской Федерации) и дополнительно для трёх городов Республики Крым был собран массив показателей об объёме и структуре муниципального долга за период 2015–2023 гг. Данные по муниципальному долгу собирались по сведениям на конец финансового года (т.е. на 1 января следующего года): например, для оценки муниципального долга, накопленного за 2015 г., использовались данные на 1 января 2016 г. и т.д.

Только за три года – 2020, 2022 и 2024 гг. – с использованием указанных источников удалось установить сведения о муниципальном долге и его структуре на 1 января по всем 165 крупным городам, в остальные годы сведения о долге для ряда городов отсутствуют. Худшим наличием сведений о муниципальном долге характеризуется период 2015–2019 гг., когда отчётность по долгу ещё не стала вестись на платформе «Электронный бюджет» (Таблица 7). При этом для многих городов за этот период доступны данные только об объёме долга без сведений о его структуре.

Таблица 7 – Число крупных городов выборки, для которых удалось установить сведения об объёме и структуре муниципального долга по открытым источникам

	01.01. 2016	01.01. 2017	01.01. 2018	01.01. 2019	01.01. 2020	01.01. 2021	01.01. 2022	01.01. 2023	01.01. 2024
Число крупных городов выборки, для которых удалось установить сведения об объёме муниципального долга, ед.	141	148	150	153	165	164	165	164	165
Число крупных городов выборки, для которых удалось установить сведения о структуре муниципального долга, ед.	121	129	133	133	165	164	165	162	165

Источник: составлено автором по открытым источникам данных о муниципальном долге.

Помимо данных о муниципальном долге, для проведения оценок долгового положения исследуемых городов были использованы статистические сведения о доходах их местных бюджетов, собранные из БДПМО и ГИИС «Электронный бюджет» (см. параграф 2.4). В случае наличия ошибок и пропусков в этих базах данных статистические сведения дополнялись из отчётов об исполнении бюджетов муниципалитетов, а также отчётов «Бюджет для граждан», выложенных на официальных порталах муниципальных образований.

При работе с данными о местных бюджетах и муниципальном долге следует помнить, что статистические данные об исполнении бюджета, как и по иным социально-экономическим показателям (см. параграф 2.3), формируются только для муниципальных образований, а не административно-территориальных единиц. Такая система устройства статистики делает невозможным проведение достоверной оценки бюджетной ситуации в отдельно взятых населённых пунктах (в частности – в отдельно взятых городах).

Управление муниципальным долгом, состав его структурных компонентов (видов долга) в Российской Федерации регулируется главой 14 Бюджетного кодекса (БК) РФ [Бюджетный..., 1998]. Согласно ей, муниципальный долг может формироваться из пяти видов муниципальных заимствований:

- кредитов от кредитных организаций,

- бюджетных кредитов из других бюджетов бюджетной системы Российской Федерации,
- муниципальных гарантий,
- муниципальных ценных бумаг,
- иные долговые обязательства (данный вид заимствований используется муниципалитетами в редких исключительных случаях).

Структура муниципального долга крупных городов анализировалась в разрезе данных видов займов.

В пункте 5 статьи 107.1 Бюджетного кодекса (БК) РФ [Бюджетный..., 1998] определены три ключевых показателя для оценки долговой устойчивости муниципальных образований:

1) Отношение муниципального долга к доходам местного бюджета без учёта безвозмездных поступлений и/или поступлений налоговых доходов по дополнительным нормативам отчислений от налога на доходы физических лиц (НДФЛ), %⁸ (согласно БК РФ не может превышать 100%);

2) Отношение годовой суммы платежей по погашению и обслуживанию муниципального долга, возникшего по состоянию на 1 января очередного финансового года (без учета платежей, направляемых на досрочное погашение долговых обязательств со сроками погашения после 1 января следующего года), к общему объёму налоговых и неналоговых доходов и дотаций местного бюджета, %;

3) Доля расходов на обслуживание муниципального долга в общем объёме расходов местного бюджета без учёта субвенций, % (не может превышать 15%).

Однако по имеющимся в открытом доступе бюджетным данным в разрезе муниципальных образований осуществить точный расчёт перечисленных параметров не представляется возможным, так как сведения о нормативах отчислений НДФЛ, годовых суммах платежей по погашению долга, сроках и ставках предоставления кредитов и другая необходимая информация в открытых базах данных в консолидированном виде не публикуются.

⁸ В Бюджетном кодексе РФ закреплён иной показатель – «Объём муниципального долга к общему объёму доходов соответствующего бюджета без учета безвозмездных поступлений (безвозмездных поступлений и (или) поступлений налоговых доходов по дополнительным нормативам отчислений от налога на доходы физических лиц)» (см. ст. 107¹, п. 5), но ввиду труднодоступности информации о дополнительных нормативах отчислений от НДФЛ, заменяющих дотации, при проведении расчётов эти данные не могли быть учтены.

В связи с этим, по аналогии с другими исследованиями бюджетного положения субъектов Российской Федерации и муниципальных образований (см. параграф 1.3), в диссертационной работе оценка финансово-долговой устойчивости крупных городов России проводилась с использованием адаптированной версии показателя 1, установленного для оценки долговой устойчивости в Бюджетном кодексе РФ, а именно посредством измерения *отношения объёма муниципального долга на 1 января к исполненным по итогам предыдущего года налоговым и неналоговым доходам местного бюджета*. Этот параметр традиционно исследователями и ведомствами называется *долговой нагрузкой* и выражается в процентах.

Критичность величины долговой нагрузки в городе определялась исходя из приближенности её значений к тем пороговым критериям, которые установлены в статьях 107 и 107¹ Бюджетного кодекса РФ для показателя 1. Для наглядности эти критерии обобщены в таблице (Таблица 8). В статье 107 БК РФ прописано, что долговая нагрузка муниципалитетов не должна превышать 100%, а для высокодотационных муниципальных образований – 50%, однако в диссертации уровень дотационности крупных городов не учитывался, а оценка финансово-долговой устойчивости для всех крупных городов оценивалась на единых основаниях.

Таблица 8 – Пороговые значения долговой нагрузки крупных городов России для определения их уровня финансово-долговой устойчивости

Диапазон значений долговой нагрузки	Уровень финансово-долговой устойчивости
Не более 50%	Высокий
От 50% до 85%	Средний
Более 85% до 100%	Низкий
Более 100%	Критично низкий

Источник: составлено автором с опорой на статьи 107 и 107¹ Бюджетного кодекса РФ [Бюджетный..., 1998].

Глава 3. Социально-экономическое неравенство крупных городов России

3.1 Современный масштаб социально-экономического неравенства

крупных городов России⁹

В данном параграфе рассмотрены полученные с использованием индекса Тейла и ряда других простых метрик оценки масштабов неравенства крупных городов России по ключевым показателям по наиболее свежим доступным данным за 2023 г. Однако предварительно важно сформировать представление о том, какой вклад в экономику страны вносят города, являющиеся объектом исследования.

По данным на 2023 г., в крупных городах России проживало уже более половины населения страны: 51,2% – если учитывать население в административно-территориальных границах городов, и 53,5% – если считать по муниципальным образованиям, в которые они входят (Таблица 9). Вклад крупных городских центров в формирование большинства ключевых социально-экономических показателей России существенно превышает их вклад в численность населения: в 2023 г. в совокупности в крупных городах было сосредоточено 70,0% объёма выплаченных работникам заработных плат и 63,0% налогооблагаемых доходов и социальных выплат (в 2022 г.), 69,9% объёма отгруженных товаров и услуг, 67,0% оборота розничной торговли, 58,1% инвестиций в основной капитал. Сопоставимо значимый вклад в сравнении с численностью населения крупные города вносят в объёмы оказываемых в стране платных услуг (53,0%) и вводимого жилья (52,5%).

Однако за последние десятилетия доля крупных городов увеличилась только в численности населения (с 47,4% до 53,5% с 2000 г.), общем объёме заработных плат (с 42,8% до 70,0% с 2015 г.) и налогооблагаемых доходов населения (с 57,2% до 63,0% с 2012 г.). Доля крупных центров в страновом объёме инвестиций оставалась практически стабильной, а в объёме платных услуг и обороте розничной торговли, а также вводе жилья и отгрузке товаров и услуг – понизилась. Её снижение в случае показателей развития сферы услуг связано с широкой диффузией торговых и

⁹ При работе над данным разделом диссертации использованы материалы научных публикаций автора, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования:

1. Медведникова Д. М. Факторы неравномерности развития городов России с населением более 100 тыс. чел. в первых десятилетиях XXI века // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2025. – Т. 88. – № 5. – С. 738–756.

2. Medvednikova D. M. Factors of uneven development of Russian cities with a population of over 100 000 in the first decades of the 21st century // Regional Research of Russia. – 2024. – Vol. 14, Suppl. 1. – P. S86–S100.

сервисных сетей в меньшие по численности жителей населённые пункты и сельскую местность, произошедшей за период с 2000 г.¹⁰; в случае ввода жилья и объёма отгруженных товаров – с активизацией жилищного строительства и промышленного освоения за пределами крупных городов в их районах-пригородах, вызванной нарастанием дефицита и дороговизны земель в черте ядер агломераций.

Таблица 9 – Доля крупных городов России в разрезе их людности в общем объёме социально-экономических показателей Российской Федерации, %

Показатель	Год	Москва	Санкт-Петербург	Города-миллионники без Москвы и Санкт-Петербурга	Города с населением от 500 тыс. до 1 млн чел.	Города с населением от 250 до 500 тыс. чел.	Города с населением от 100 до 250 тыс. чел.	Итого 164 крупных города	Итого 162 крупных города без Москвы и Санкт-Петербурга
Численность населения	2000	6,9	3,2	8,0	9,5	10,4	9,4	47,4	37,2
	2014	8,3	3,5	10,5	9,0	9,6	10,7	51,6	39,8
	2023	9,0	3,8	11,7	8,2	10,1	10,7	53,5	40,7
Среднегодовая численность работников	2015	9,8	4,3	12,7	10,6	11,3	10,8	59,5	45,4
	2023	12,7	4,6	13,0	8,4	11,2	10,7	60,6	43,3
Фонд заработной платы	2015	12,6	3,6	7,4	6,0	6,4	6,8	42,8	26,5
	2023	25,4	6,2	11,6	7,3	9,5	10,0	70,0	38,4
Налогооблагаемые доходы населения и социальные выплаты	2012	17,6	4,2	10,9	8,0	8,4	8,0	57,2	35,4
	2022	19,3	5,3	12,3	7,2	9,7	9,3	63,0	38,5
Инвестиции в основной капитал	2004	13,6	4,2	7,9	11,2	8,9	10,8	56,6	38,8
	2014	9,4	3,5	12,1	11,9	10,1	11,9	58,9	46,0
	2023	19,4	3,6	10,8	7,0	7,9	9,4	58,1	35,1
Объём отгруженных товаров и услуг	2014	25,5	7,2	11,5	8,7	9,7	11,5	74,1	41,4
	2023	28,1	8,2	8,7	5,8	8,6	10,4	69,9	33,5
Оборот розничной торговли	2000	29,0	3,7	10,2	12,9	10,0	8,3	74,0	41,4
	2015	17,7	7,3	14,0	10,0	10,8	9,7	69,5	44,5
	2023	15,4	7,1	14,4	8,0	11,5	10,5	67,0	44,5
Объём платных услуг населению	2000	30,0	5,1	10,2	12,3	10,0	8,0	75,7	40,6
	2023	22,8	6,0	8,6	4,8	6,3	4,5	53,0	24,3 ¹⁰
Ввод жилья	2000	11,0	3,6	9,3	11,5	11,2	8,4	55,0	40,4
	2014	4,0	3,9	13,0	12,5	11,6	13,5	58,6	50,7
	2023	6,6	3,2	14,8	7,4	9,9	10,6	52,5	42,7

Примечание – При расчёте в целом по Российской Федерации использовались статистические данные без учёта субъектов малого предпринимательства.

Источник: рассчитано автором по данным Росстата.

¹⁰ Сильное снижение вклада крупных городов без учёта Москвы и Санкт-Петербурга в объём платных услуг России в 2023 г. по отношению к 2000 г. с 40,6% до 24,3% обусловлено также и тем, что с 2019 г. этот показатель по крупным городам стал рассчитываться Росстатом без учёта малых предприятий, в то время как целом по стране данные об объёме услуг продолжили публиковаться только по полному кругу организаций.

Тем не менее сохраняющаяся концентрация преобладающей доли социально-экономических ресурсов и благ в крупных городах России доказывает их крайне высокую роль в развитии страны, хотя статистически значения концентрации показателей в крупных городских центрах могут быть преувеличены из-за юридических особенностей фиксации в них статистической информации о предприятиях, которые де-факто осуществляют деятельность за их пределами.

Важно отметить, что высокий вклад крупных городов в экономику страны во многом достигается за счёт двух крупнейших городских агломераций страны – Москвы и Санкт-Петербурга. Даже при расчёте ключевых стоимостных показателей только по крупным и средним предприятиям концентрация ресурсов в этих городах крайне велика. В них суммарно проживает 12,8% населения страны и почти четверть всего населения крупных городов (24%, из них 16,8% в Москве и 7,2% – в Петербурге). По большинству рассматриваемых социально-экономических индикаторов на Москву приходится около 20% и более от их объема в целом по стране и более 1/3 объема в сумме по крупным городам; на Санкт-Петербург – ещё от 3 до 8% от общестранового объёма и не менее 10% объёма в совокупности по крупным центрам. Такая значительная концентрация ресурсов в Москве и Петербурге в сравнении с другими городами не только России, но и мира традиционно объясняется множеством факторов, прежде всего, действием агломерационных эффектов высокой концентрации населения, «эффекта Матфея» [Региональная..., 2020], наличием у этих городов статуса субъектов РФ (а не муниципалитетов) с сопутствующим более широким перечнем полномочий и большими источниками доходов бюджета [Зубаревич, 2019] и др. Для настоящего диссертационного исследования важно, что крайне большие значения концентрации социально-экономических показателей в этих двух федеральных городах обуславливают их большой вес при проведении взвешенных оценок неравенства – это необходимо иметь в виду при интерпретации измерений взвешенного неравенства с использованием индекса Тейла.

Рассмотрим полученные посредством применения разработанной методики оценки социально-экономического неравенства крупных городов России по последним данным. Измерение с использованием индекса Тейла показало, что наибольшие масштабы неравенства между крупными городами России наблюдаются по наиболее волатильным душевым показателям – инвестициям в основной капитал (невзвешенный

индекс Тейла – 0,316 ед. в 2023 г., взвешенный – 0,183 ед.) и вводу жилья (0,242 и 0,162 ед.) (Рисунок 6). Размах максимальных и минимальных значений между городами по этим показателям также наиболее велик: 70,7 и 262,4 раза соответственно (Таблица 10).

Важно заметить, что несмотря на то, что размах значений крупных городов по душевому вводу жилья больше, чем по душевым инвестициям, значение индекса Тейла для неравенства городов по первому показателю ниже, чем по второму. Такое соотношение результатов показывает, что несмотря на большой разрыв между городом-лидером и городом-аутсайдером по душевому вводу жилья в целом распределение городов по этому показателю более равномерное в сравнении с их распределением по душевым инвестициям. Это отражает специфику более сложных метрик неравенства и их преимущества по сравнению с простыми метриками оценки: они позволяют получить более полноценную характеристику распределения по показателю всех объектов выборки, а не только их «крайних» элементов.

Несмотря на то, что объемы **инвестиций** в каждом городе очень волатильны год от года, в группе лидеров по душевым объемам инвестиций устойчиво находятся крупные промышленные центры, в которых ведут деятельность крупнейшие компании страны (в 2023 г. даже с учетом поправки на стоимость жизни – Норильск, Череповец, Южно-Сахалинск, Иркутск, Березники и др.) и города ближнего Подмосковья (Одинцово, Люберцы, Химки) за счет масштабного жилищного строительства (Рисунок 7). В последние годы к лидерам по показателю приблизились и крупные центры Дальнего Востока (Чита, Благовещенск, Хабаровск, Петропавловск-Камчатский), рост инвестиций в которых, наиболее вероятно, обеспечивается за счет «приписки» к этим городам вложений в реализацию крупных проектов на территории регионов, столицами которых они являются. Так, в случае Благовещенска на росте инвестиций может сказываться реализация проекта по строительству Амурского газохимического комплекса в Свободненском районе Амурской области, в Чите – вложения в проект разработки Удоканского месторождения меди и в модернизацию БАМа и Транссиба и т.п.

В числе городов с наиболее низкой обеспеченностью инвестициями на душу населения, как и во второй половине 2010-х гг., преимущественно остаются депрессивные нестоличные промышленные города (Рубцовск, Прокопьевск, Новошахтинск) – удельные инвестиции в них в десятки раз ниже, чем у лидеров.

Таблица 10 – Основные статистические метрики неравенства крупных городов России по ключевым показателям социально-экономического развития с учётом корректировки на стоимость жизни в 2023 г.

	Среднемесячная заработная плата одного работника, тыс. руб.	Среднемесячные налогооблагаемые доходы и соцвыплаты на душу населения, тыс. руб. (2022 г.)	Оборот розничной торговли на душу населения, тыс. руб. / чел.	Объём платных услуг на душу населения, тыс. руб. / чел.	Отгружено товаров и услуг на одного работника, млн руб. / чел.	Инвестиции в основной капитал на душу населения, тыс. руб. / чел.	Ввод жилья на душу населения, кв. м / чел.	Налоговые и неналоговые доходы местного бюджета на душу населения, тыс. руб.
Мах значение	143,2	103,4	815,1	208,9	29,6	992,5	3,0	84,9
5 городов-лидеров	Новый Уренгой Москва Подольск Ноябрьск Норильск	Новый Уренгой Норильск Южно-Сахалинск Москва Красногорск	Красногорск Мытищи Химки Подольск Краснодар	Москва Кисловодск Санкт-Петербург Сочи Екатеринбург	Альметьевск Нижнекамск Салават Череповец Ухта	Норильск Южно-Сахалинск Березники Нижнекамск Иркутск	Домодедово Краснодар Раменское Мытищи Одинцово	Норильск Новый Уренгой Южно-Сахалинск Нефтеюганск Междуреченск
Min значение	42,0	17,1	16,5	4,3	0,60	14,0	0,0	5,7
5 городов-аутсайдеров	Камышин Рубцовск Армавир Каспийск Дербент	Камышин Кисловодск Дербент Новошахтинск Каспийск	Нальчик Кисловодск Дербент Каспийск Махачкала	Жуковский Щелково Киселевск Каспийск Дербент	Владикавказ Кызыл Нальчик Махачкала Элиста	Камышин Шахты Златоуст Рубцовск Новошахтинск	Жуковский Ухта Электросталь Норильск Мурманск	Каспийск Энгельс Рубцовск Махачкала Дербент
Мах / Min, раз	3,4	2,8	49,3	48,6	49,0	70,7	262,4	14,9
Место Москвы	2	4	7	1	12	13	75	–
Место Санкт-Петербурга	11	18	21	3	15	56	92	–
Среднее арифметическое	71,9	42,5	194,2	53,1	3,8	144,3	0,7	19,0
Среднее взвешенное	88,7	52,5	233,2	93,0	4,9	177,4	0,7	18,9
Стандартное отклонение	17,1	13,2	91,3	30,3	3,1	138,4	0,5	10,2
Коэффициент вариации	0,24	0,31	0,47	0,57	0,82	0,96	0,74	0,54
Индекс Тейла	0,026	0,045	0,095	0,144	0,226	0,316	0,242	0,112
Взвешенный индекс Тейла	0,043	0,050	0,061	0,198	0,163	0,183	0,162	0,072
Гистограмма распределения крупных городов по показателю								

Примечание – Вертикальная пунктирная линия на гистограммах обозначает среднее арифметическое значение по показателю. Размер столбца соответствует числу крупных городов с отклонением значения в диапазоне $-n$ или $+n$ стандартных отклонений от среднего арифметического.

Источник: рассчитано по данным Росстата и ГИИС «Электронный бюджет».

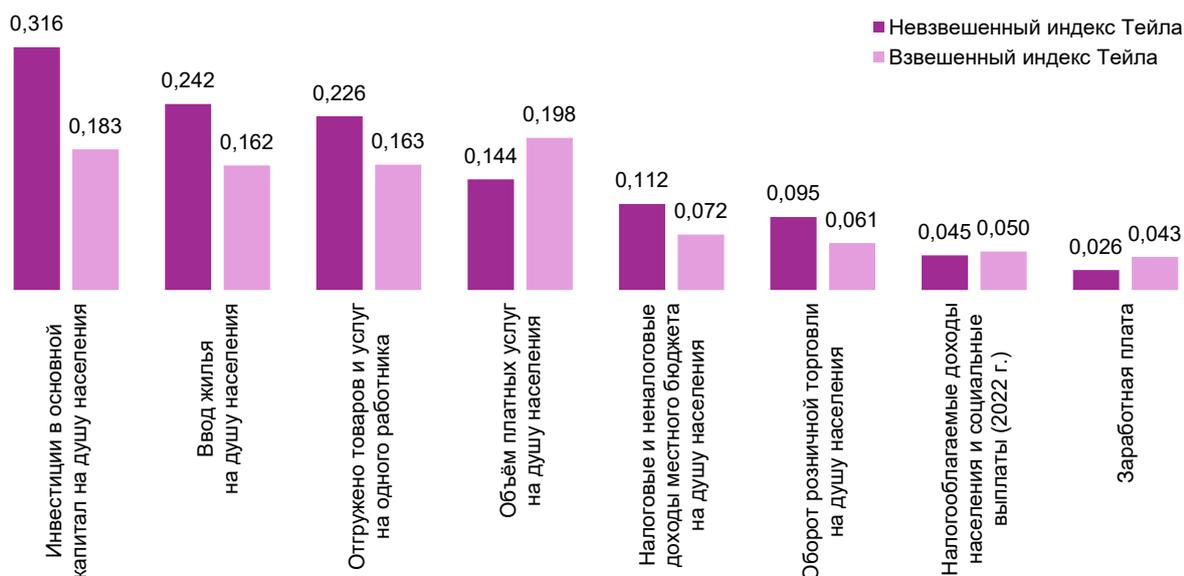

Рисунок 6 – Значения невзвешенного и взвешенного индексов Тейла для неравенства крупных городов России по социально-экономическим показателям в 2023 г. (с учётом корректировки денежных показателей на стоимость жизни)

Источник: рассчитано по данным Росстата и ГИИС «Электронный бюджет».

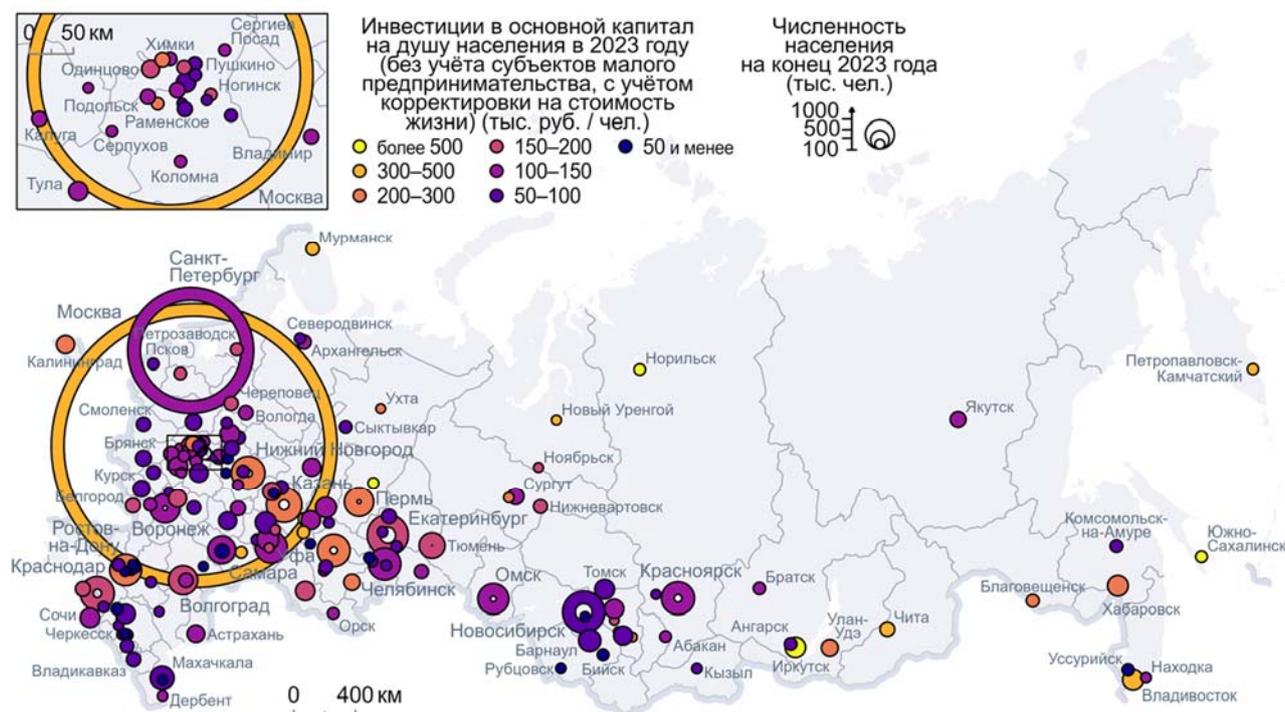

Рисунок 7 – Инвестиции в основной капитал на душу населения в крупных городах России в 2023 г. (без учёта данных по субъектам малого предпринимательства, с учётом корректировки на стоимость жизни), тыс. руб. / чел.

Источник: составлено по данным Росстата.

Разрыв значений душевых объемов **ввода жилых домов** между городами-лидерами и отстающими очень велик ввиду того, что в отдельных северных городах и городах, рынок жилья в которых уже перенасыщен, жильё почти не вводится.

Например, в Мурманске в 2023 г. было введено всего 0,01 кв. м / чел., в Норильске – 0,03 кв. м / чел. Аналогично почти не было введено жилья в 2023 г. в Жуковском (0,08 кв. м / чел.) и Электростали (0,04 кв. м / чел.). На фоне низких душевых значений ввода жилья в таких городах в городах-лидерах его вводится в подушевом измерении в сотни раз больше: в Домодедово 3,0 кв. м /чел., в Краснодаре – 2,64, в Раменском – 2,42. Примечательно, что по душевому вводу жилья, несмотря на большие его объёмы, Москва и Санкт-Петербург в 2023 г. не являются лидерами и занимают позиции в середине рейтинга крупных городов (75-ое и 92-ое места соответственно) – это следствие значительного перенасыщения рынков жилья «федеральных столиц», душевой ввод жилья в которых в 2010-х гг. стабилизировался, а также смещения строительства в пригородные зоны агломераций, произошедших на фоне активизации ввода жилья в городах юга России и других крупных привлекательных центрах страны (Ростов-на-Дону, Тюмень, Калининград и др.) под действием разнообразных мер жилищной политики последних лет (Рисунок 8).

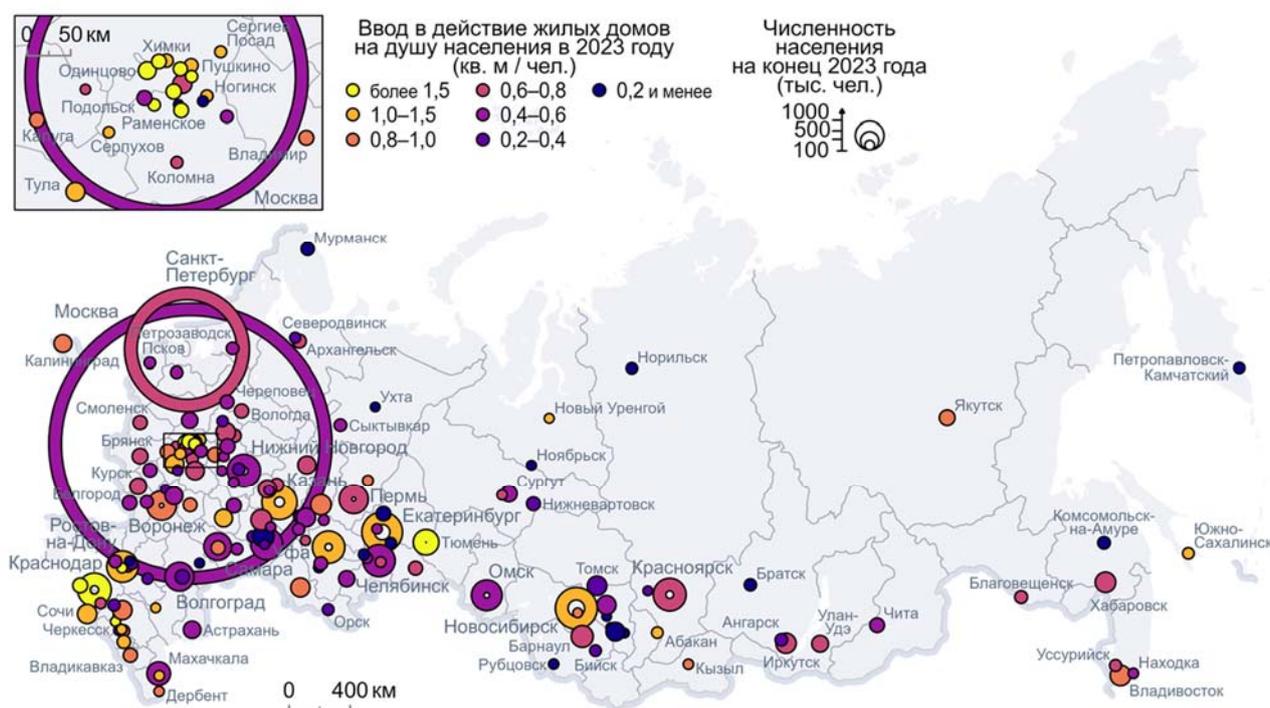

Рисунок 8 – Ввод жилья на душу населения в крупных городах России в 2023 г.

Источник: составлено по данным Росстата.

Велико неравенство городов и по показателю **отгруженных товаров и услуг** на одного работника, отражающему уровень производительности труда: 0,226 и 0,183 ед. по невзвешенному и взвешенному индексу Тейла соответственно, размах максимального и минимального значений городов выборки в 2023 г. составил 49 раз.

По-прежнему лидерство по объему отгруженных товаров и услуг на душу населения удерживают крупные промышленные нестоличные центры со специализацией на добыче и переработке нефти и газа (Альметьевск, Нижнекамск, Сургут, Ухта) и других ресурсов (Березники), металлургии (Норильск, Череповец, Магнитогорск) и федеральные города (Рисунок 9). Наиболее низкие значения производительности труда в промышленности, измеренной через душевой объем отгрузки товаров и услуг, наблюдаются в крупных городах слаборазвитых республик Северного Кавказа и Сибири. Крайне низкие значения душевой отгрузки в городах этих регионов (в 3,5 и более раз ниже среднего значения по выборке городов) отчасти связаны с высокой долей теневой экономики и малого бизнеса в них, не попадающих в статистику объемов произведённой и отгруженной продукции Росстата, т.е. в реальности отставание этих городов от других по производительности может быть менее существенным.

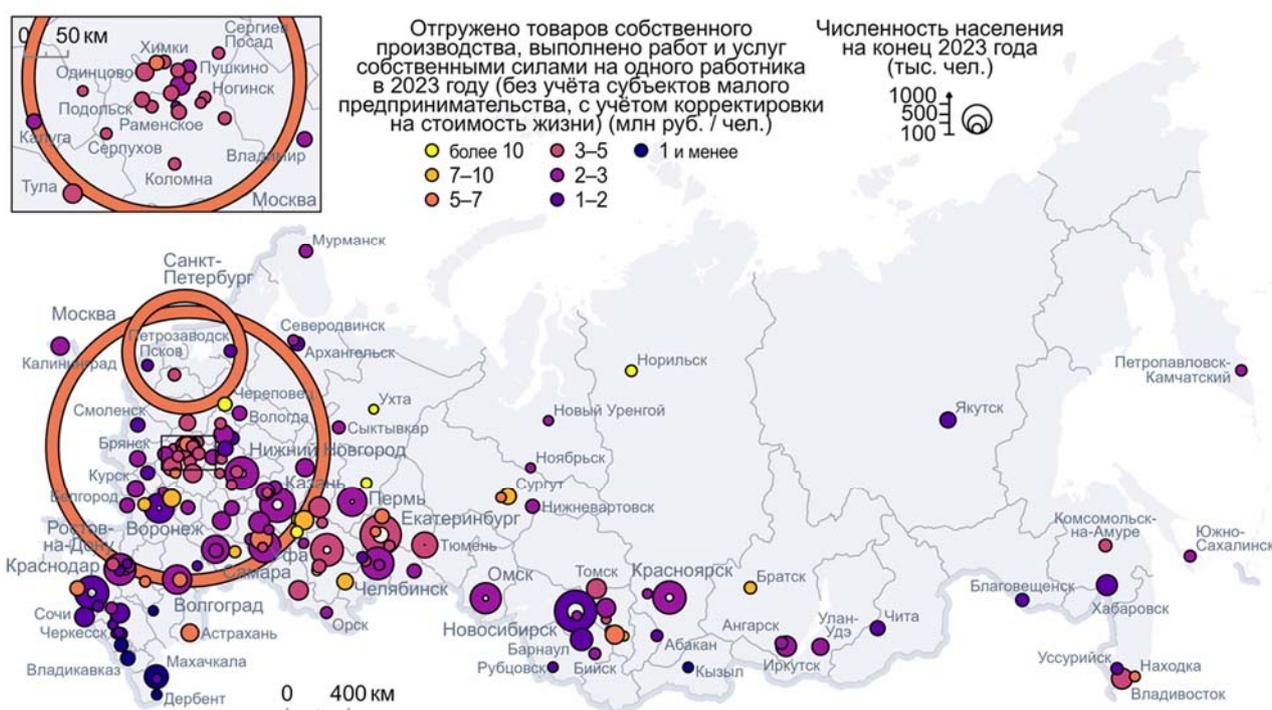

Рисунок 9 – Отгружено товаров и услуг собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами на одного работника в крупных городах России в 2023 г. (без учёта данных по субъектам малого предпринимательства, с учётом корректировки на стоимость жизни), тыс. руб. / чел.

Источник: составлено по данным Росстата.

Примечательно, что значительные различия крупных центров по производительности не приводят к их большой дифференциации по уровню заработных плат и доходов жителей, как это наблюдается в зарубежных странах

[Moretti, 2010]: по состоянию на 2023 г. различия крупных городов России по доходам жителей и заработной плате самые низкие среди исследуемых показателей (взвешенные и невзвешенные индексы Тейла ниже 0,05 ед.).

Значения **заработных плат** по крупным центрам в среднем вдвое выше уровня **среднедушевых налогооблагаемых доходов**, так как расчёт первых ведётся только по крупным и средним организациям без учёта прочих доходов, а налогооблагаемые доходы считаются для всех групп населения (не только работающего). Однако и масштаб, и географическое распределение городов по этим показателям схожи (Рисунок 10, Рисунок 11) (коэффициент корреляции распределений – 0,76 ед.). Размах между максимальным и минимальным уровнем зарплаты и доходов жителей в крупных городах составляет около 3 раз (3,4 раза по показателю зарплаты в 2023 г. и 2,8 раза – по налогооблагаемым доходам и соцвыплатам в 2022 г.).

Максимальные зарплаты и доходы жителей отмечаются в Москве, а также в ресурсодобывающих центрах и других городах Крайнего Севера даже при поправке значений на стоимость жизни. Доходы жителей северных городов выгодно отличаются от других центров даже на фоне дороговизны жизни за счёт применения северных коэффициентов к заработным платам [Закон Российской..., 1993], социальных надбавок и премиальных доплат со стороны работодателей горожанам, которые осуществляют трудовую деятельность на удалённых от основной полосы расселения территориях.

Состав городов с наиболее низкими зарплатами и доходами совпадает с тем, который наблюдается по экономическим индикаторам душевых инвестиций и отгрузки товаров и услуг – это города со слаборазвитой экономикой и центры, в том числе столичные, республик Северного Кавказа, где вследствие высокой роли неформальной экономики велика доля не фиксируемых статистически «теневых» доходов. Например, в Дербенте и Каспийске уровень зарплат и доходов населения вдвое ниже среднего по крупным городам, а среднемесячные налогооблагаемые доходы вместе с социальными выплатами в 2022 г. составили рекордно низкие 17,1 и 19,5 тыс. руб. на одного жителя.

Отличие распределения городов по показателю заработных плат и налогооблагаемых денежных доходов формируется за счёт пригородных центров: например, если города Подмосковья по уровню зарплат показывают одни из лучших

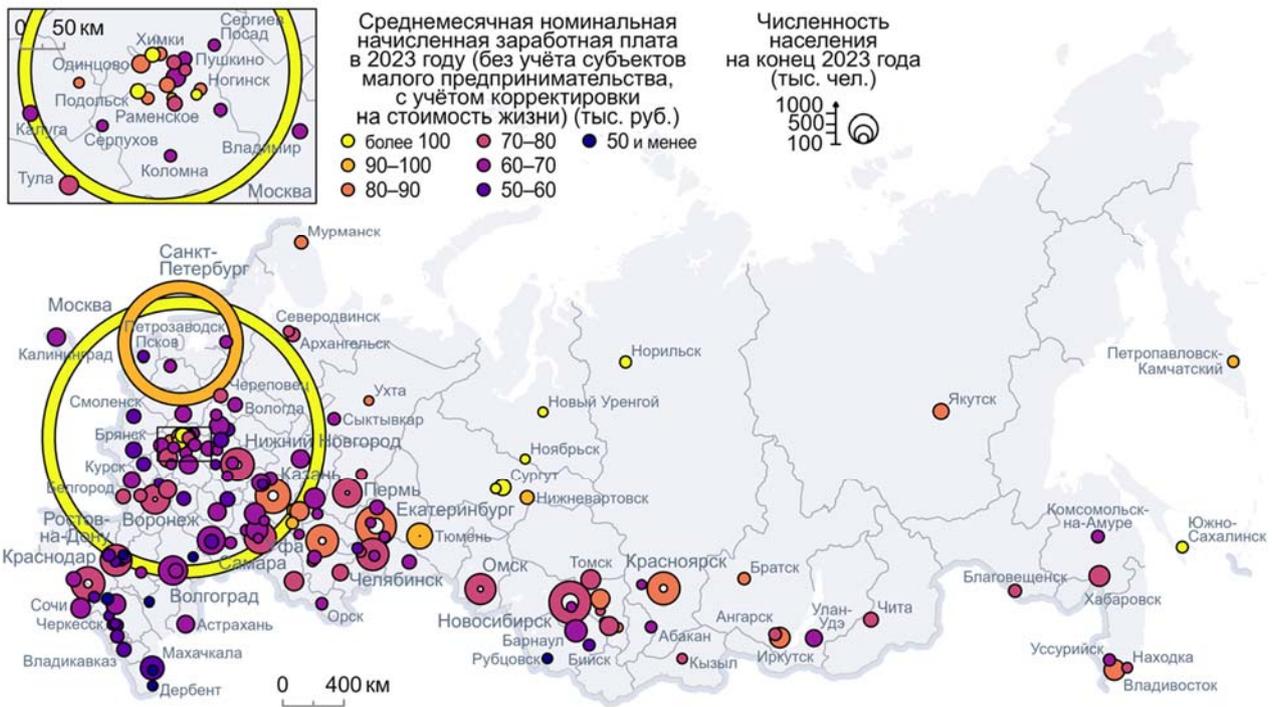

Рисунок 10 – Среднемесячная номинальная заработная плата одного работника в крупных городах России в 2023 г. (без учёта данных по субъектам малого предпринимательства, с учётом корректировки на стоимость жизни), тыс. руб.

Источник: составлено по данным Росстата.

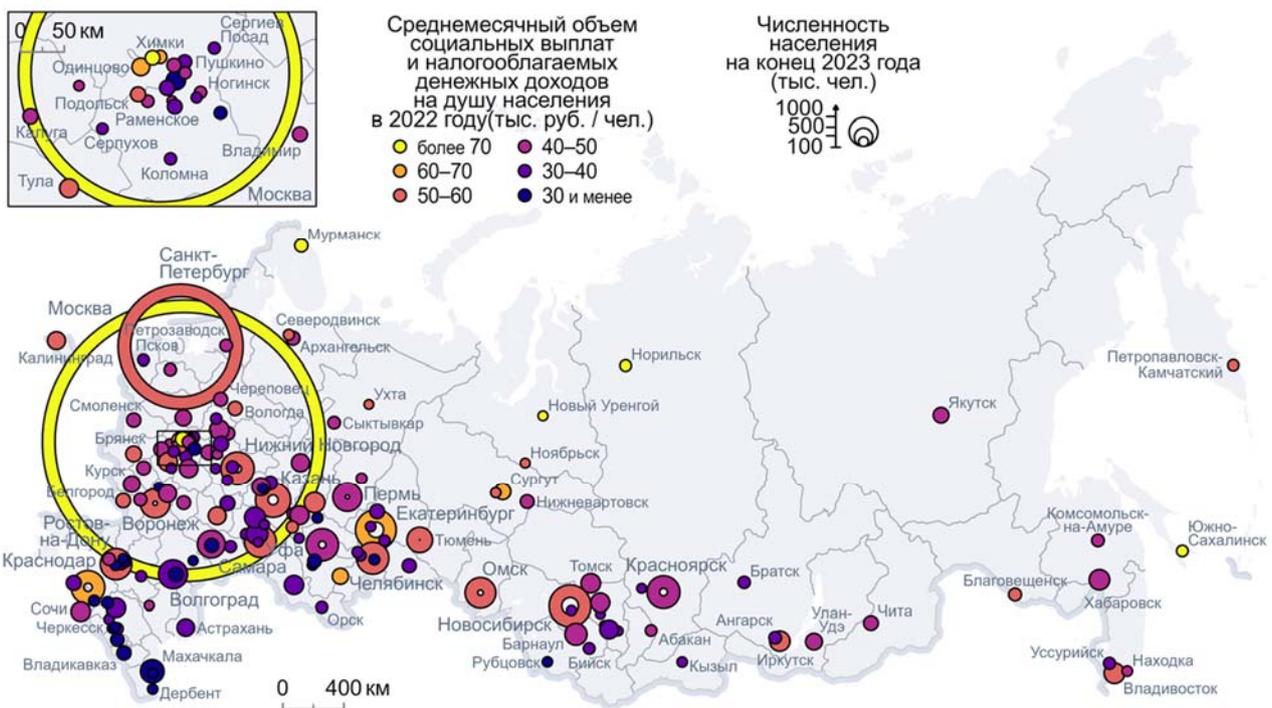

Рисунок 11 – Среднемесячный объём налогооблагаемых денежных доходов и социальных выплат на душу населения в крупных городах России в 2022 г. (с учётом корректировки на стоимость жизни), тыс. руб. / чел.

Источник: составлено по данным Росстата.

результатов, то по налогооблагаемым доходам половина из них находится в нижней части рейтинга со значениями от -3,3% (г. Щёлково) до -36,7% (г. Балашиха) ниже средних по городам выборки. Такое отставание пригородных городов по уровню налогооблагаемых доходов обуславливается тем, что многие их жители работают в городах-ядрах агломераций и их доходы формируются там по месту работы. Оно может отражать как статистические особенности фиксации доходов работников, так и реальные закономерности распределения экономической активности в пределах агломераций, и констатировать отставание городов-пригородов по уровню развития экономики и рынка труда от центральных городов агломераций.

В значительной степени коррелирует с распределением городов по заработным платам и доходам жителей их распределение по душевым **налоговым и неналоговым доходам местных бюджетов**, хотя масштаб неравенства крупных городов по последнему показателю более существенный как по значениям индекса Тейла (0,112 ед. невзвешенный и 0,072 ед. – взвешенный), так и по отношению максимального значения к минимальному (14,9 раза) и коэффициенту вариации (0,54 ед.). Схожесть распределений, которую можно отчётливо заметить при сравнении картографических отображений показателей по городам (Рисунок 12), закономерна ввиду того, что основная часть налоговых и неналоговых доходов местных бюджетов формируется за счёт поступлений от налога на доходы физических лиц (НДФЛ): согласно мониторингу исполнения местных бюджетов Минфина России за 2023 г., доля НДФЛ в налоговых и неналоговых доходах местных бюджетов составила 57,2% [Результаты..., 2025].

Более значительный масштаб неравенства городов по этому показателю в сравнении с индикаторами доходов населения при схожем их распределении может быть обусловлен институциональными особенностями формирования доходной базы местных бюджетов в регионах, которое в каждом субъекте для каждого муниципалитета может выстраиваться фактически по уникальной схеме из-за перераспределения полномочий между уровнями власти, назначения нормативов отчислений от налогов в местные бюджеты и других причин. Заметную роль может играть и дифференциация городов по уровню развития малого бизнеса, налоги от доходов которого тоже частично поступают в местные бюджеты, а также качество управления муниципальным имуществом со стороны местной администрации, от которого зависит объём неналоговых доходов городских бюджетов.

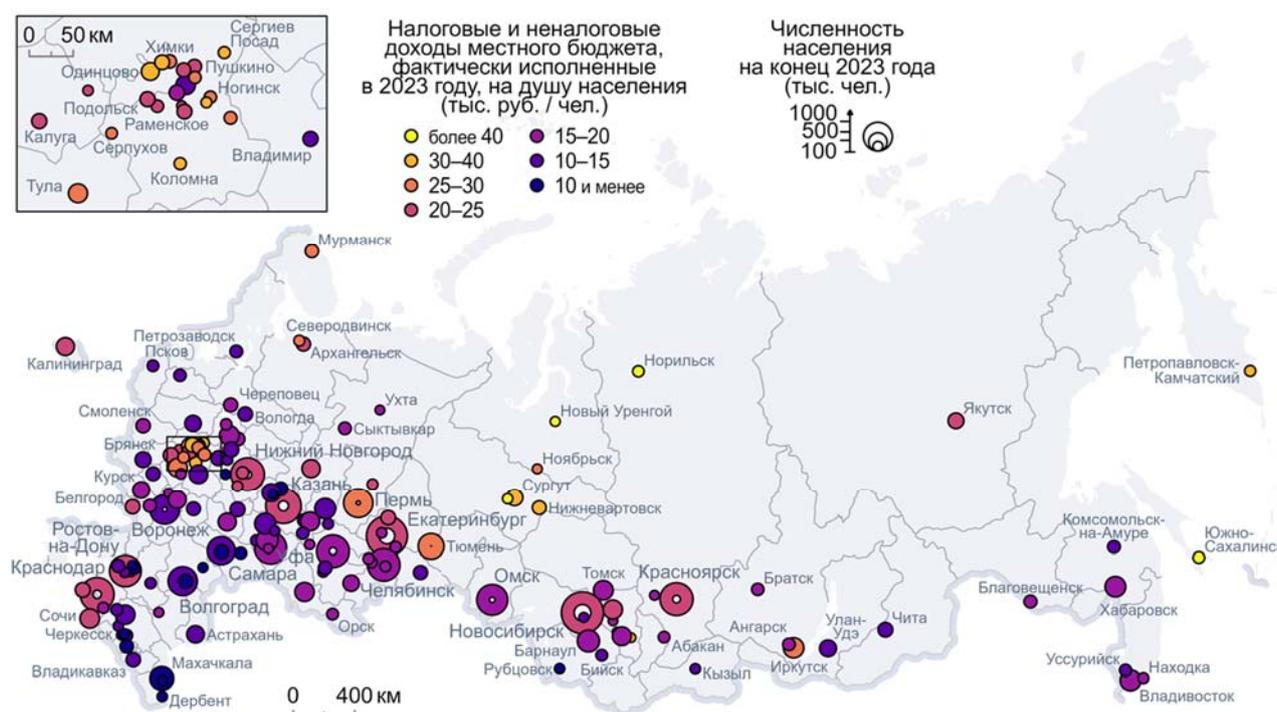

Рисунок 12 – Налоговые и неналоговые доходы местных бюджетов на душу населения в крупных городах России в 2023 г. (с учётом корректировки на стоимость жизни), тыс. руб. / чел.

Источник: составлено по данным Росстата и ГИИС «Электронный бюджет».

В то же время различия крупных городов по душевым показателям **розничной торговли** и **платных услуг**, которые в значительной степени зависят от платёжеспособности горожан, существенно выше неравенства по доходам и зарплатам. Невзвешенный индекс Тейла для неравенства крупных городов по душевому обороту розницы в 2,1 раза больше значения индекса по налогооблагаемым доходам жителей и в 3,7 раза больше его значения по заработной плате; для неравенства городов по объёму платных услуг – в 2,5 и 4,3 раза больше соответственно. При этом размах между максимальным и минимальным значениями этих двух индикаторов по крупным городам (49,0 и 48,8 раза) сопоставим с размахом, который наблюдается по душевому объёму отгрузки товаров и услуг (49,3 раза), однако значения индекса Тейла по душевой отгрузке существенно выше из-за большей внутренней неоднородности распределения показателя по городам выборки. Распределение же городов по обороту розничной торговли и платных услуг существенно более однородно. Это свидетельствует, что масштабы торговли и уровень развития платных сервисов в крупных городах различаются не так сильно.

Относительно невысокое неравенство крупных городов России по душевому обороту розничной торговли в 2023 г. обусловлено проникновением на их рынки крупных торговых сетей и маркетплейсов. При сохранении явного лидерства по душевым значениям оборота розничной торговли крупных центров Подмосковья (Химки, Мытищи, Ногинск, Подольск со значениями в два и более раз выше среднего по выборке) и отставания городов слаборазвитых республик (Дербент, Махачкала, Кызыл) (Рисунок 13), где значительная часть торгового оборота не фиксируется статистикой из-за доминирования малого бизнеса в этом секторе, особенно ИП, или «ухода в тень», для большинства городов (142 из 164) характерны значения показателя, укладывающиеся в диапазон $\pm 50\%$ от среднего значения.

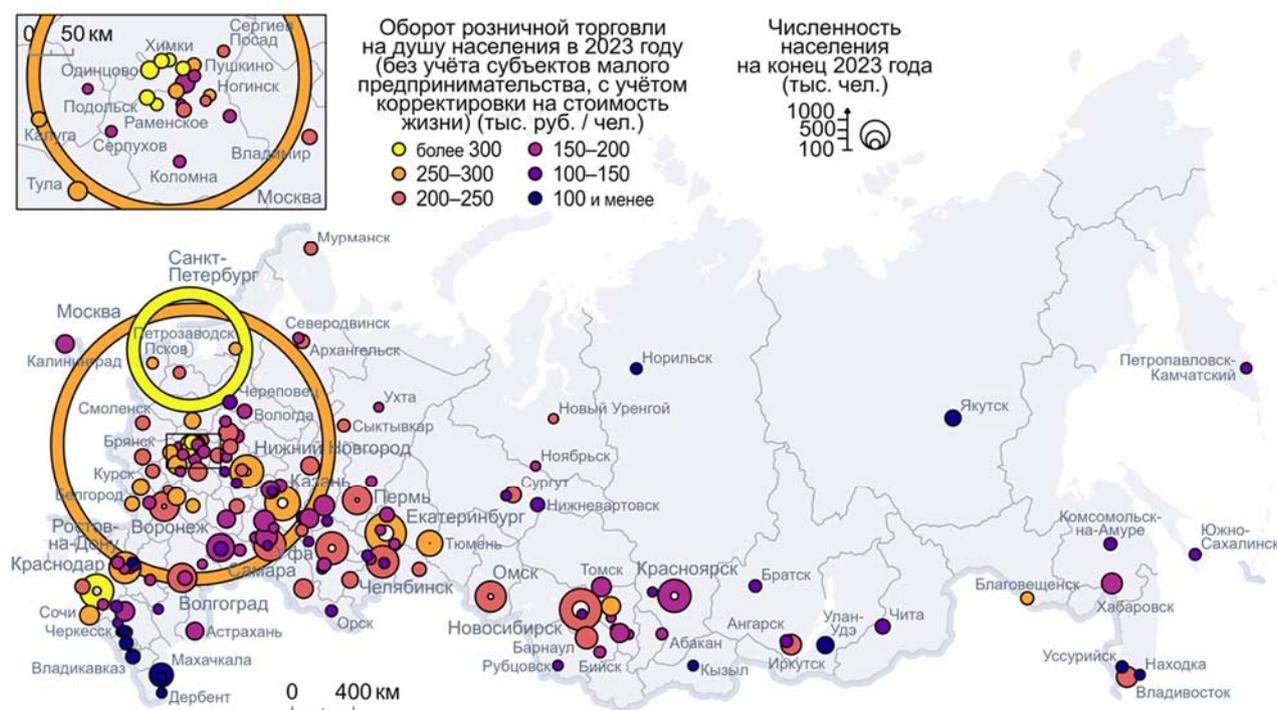

Рисунок 13 – Оборот розничной торговли на душу населения в крупных городах России в 2023 г. (без учёта данных по субъектам малого предпринимательства, с учётом корректировки на стоимость жизни), тыс. руб. / чел.

Источник: составлено по данным Росстата.

Несколько больше неравномерность распределения крупных городов по душевому объёму платных услуг в сравнении с их распределением по душевому обороту розничной торговли: в диапазон отклонения $\pm 50\%$ от среднего по выборке укладываются уже только 111 городов из 164. Она формируется за счёт более

значительного отрыва лидеров – Москвы¹¹ (со значением показателя в 3,9 раза выше среднего по городам выборки) и Петербурга (в 2,7 раза), других городов-миллионников и крупных городов-курортов (Кисловодск, Сочи, Ессентуки), а также более заметного отставания не столько слаборазвитых городов, сколько тех, которые расположены в зоне тяготения других более крупных городов: Жуковский, Щёлково, Шахты, Копейск, Киселёвск и др. (Рисунок 14). Близость этих городов к более крупным и экономически развитым ядрам агломераций негативно влияет на уровень развития платных сервисов в первых, поскольку их жители предпочитают выезжать в целях получения платного обслуживания в соседние более крупные города с развитым спектром услуг.

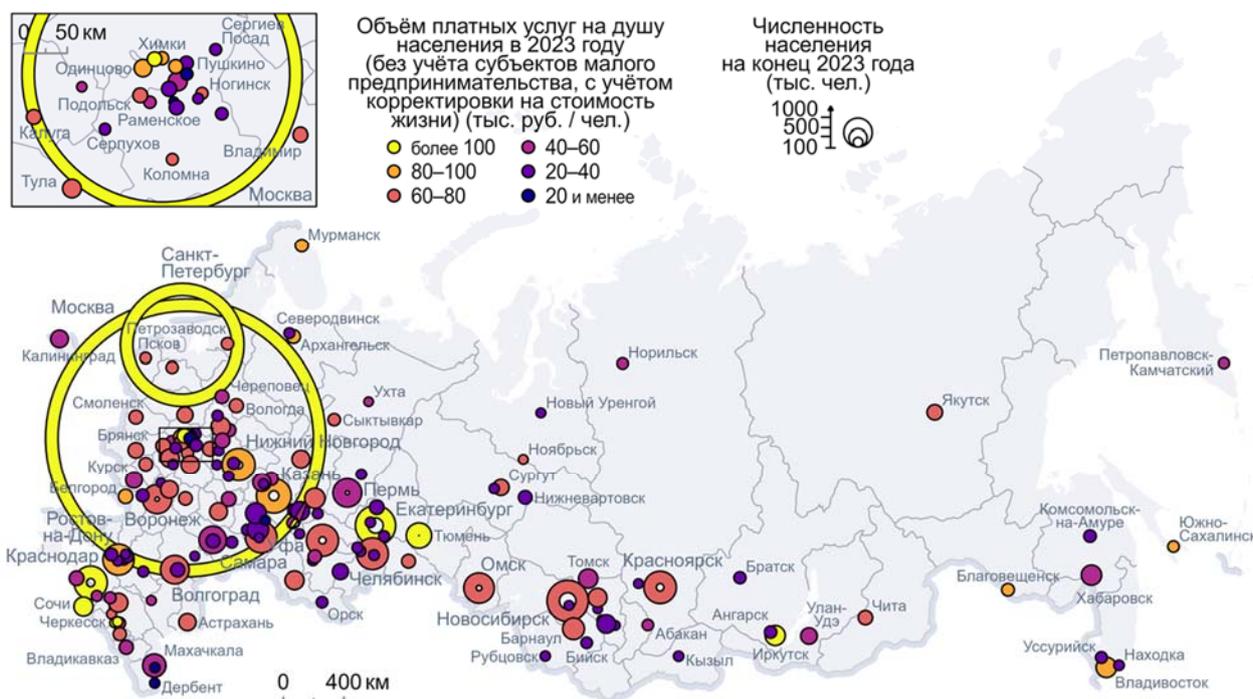

Рисунок 14 – Объём платных услуг на душу населения в крупных городах России в 2023 г. (без учёта данных по субъектам малого предпринимательства, с учётом корректировки на стоимость жизни), тыс. руб. / чел.

Источник: составлено по данным Росстата.

В целом можно отметить, что при разных масштабах неравенства и разной его географической конфигурации по всем душевым показателям социально-экономического развития распределение городов смещено в сторону нескольких «сверхлидеров», значения которых на более чем два стандартных отклонения выше

¹¹ Показатель объёма платных услуг для Москвы и Санкт-Петербурга без учёта субъектов малого предпринимательства не рассчитывается, и по открытым данным рассчитать его не представляется возможным. Однако по статистическому сборнику Мосстата [Платные..., 2017] удалось установить, что в 2017 г. доля крупных и средних предприятий в общем объёме платных услуг в городе составляла 84,9%. К 2023 г. эта доля, скорее всего, выросла. Даже если допустить, что в 2023 г. эта доля осталась неизменной, душевой объём платных услуг для Москвы без учёта малых предприятий составит 177,4 тыс. руб. / чел. вместо 208,9 тыс. руб. / чел., и Москва всё равно останется лидером по этому параметру среди рассматриваемых крупных городов.

среднего по выборке. Состав таких лидеров различается по каждому показателю и, несмотря на большую концентрацию ресурсов, по душевым параметрам развития Москва и Санкт-Петербург не всегда входят в их число. По экономическим параметрам и, в особенности, доходам населения лидируют крупные сырьевые центры, по душевым обороту торговли, платным услугам и вводу жилья – более развитые города-миллионники, города ближнего Подмосковья и миграционно-привлекательного Юга России.

Ситуация, когда крупнейшие городские агломерации не являются лидерами по душевым показателям развития, характерна и для других стран, в особенности с сырьевой экономикой, например, для Канады [Average..., 2025]. При корректировке на стоимость жизни Москва с отрывом опережает все остальные крупные города страны только по показателю объёма платных услуг на душу населения, а также наравне с сырьевыми центрами входит в топ-5 по уровню зарплат и налогооблагаемых доходов населения, в топ-15 – по душевым обороту розничной торговли, инвестициям и отгрузке. Санкт-Петербург можно отнести к «сверхлидерам» только по показателю развитости платных услуг, по остальным параметрам он занимает позицию в первой 20-ке, кроме душевых инвестиций и ввода жилья, по которым существенно отстаёт от лидеров.

«Сверхлидерство» двух крупнейших агломераций по душевому объёму платных услуг и показателям доходов населения выражается в превышении *взвешенных* значений индекса Тейла над *невзвешенными* по этим параметрам. В результате того, что в двух крупнейших городах среднедушевой уровень жизни по этим показателям выше, общая доля населения крупных городов России, живущего лучше, оказывается значительной, в результате чего и достигаются более высокие значения *взвешенного* неравенства. Так, взвешенное неравенство по индексу Тейла для душевого объёма платных услуг в 1,4 раза больше невзвешенного, по заработным платам работников – на 65% выше, по доходам населения – на 11% выше.

Состав городов-«аутсайдеров» более однороден: по большинству показателей в их числе города Северного Кавказа и других слаборазвитых республик, а также депрессивные промышленные центры. Попадание в число антилидеров по душевому объёму платных услуг некоторых крупных городов, расположенных в пригородной зоне агломераций, возникает из-за более активного потребления услуг жителями этих

центров в главных ядрах агломераций, характеризующихся бóльшим разнообразием сервисов.

Несмотря на то, что обобщённо группы городов-лидеров и городов-аутсайдеров можно выделить, важнее констатировать, что распределение крупных городов страны и состав лидеров, «средняков» и «аутсайдеров» (т.е. географическая конфигурация межгородского неравенства) по ключевым показателям развития всё же существенно различается. Об этом свидетельствуют и низкие значения парных корреляций распределений крупных городов по рассматриваемым параметрам (Таблица 11).

Таблица 11 – Парные коэффициенты корреляции распределений крупных городов России по ключевым показателям социально-экономического развития в 2023 г.

N	Показатель	1	2	3	4	5	6	7	8
1	Заработная плата	1,00	0,76	0,39	0,28	0,37	0,55	0,04	0,72
2	Налогооблагаемые доходы населения и соцвыплаты (2022 г.)		1,00	0,50	0,50	0,18	0,60	0,17	0,71
3	Оборот розничной торговли на душу населения			1,00	0,47	0,09	0,09	0,40	0,22
4	Объём платных услуг на душу населения				1,00	-0,06	0,22	0,27	0,12
5	Отгружено товаров и услуг на одного работника					1,00	0,43	-0,14	0,14
6	Инвестиции в основной капитал на душу населения						1,00	0,01	0,59
7	Ввод жилья на душу населения							1,00	0,12
8	Налоговые и неналоговые доходы местного бюджета на душу населения								1,00

Примечание – Светло-серой заливкой отмечены значения коэффициента корреляции более 0,5 ед.

Источник: рассчитано по данным Росстата и ГИИС «Электронный бюджет».

Значительное совпадение распределений городов (корреляция распределений выше 0,7 ед.) наблюдается, как было показано выше, только по показателям, которые прямо (зарплаты, налогооблагаемые доходы и соцвыплаты) и косвенно (налоговые и неналоговые доходы местных бюджетов) отражают уровень богатства населения.

Менее существенные, но заметные пересечения распределений наблюдаются также между налогооблагаемыми доходами жителей и показателями развития платных

услуг (корреляция 0,5 ед.), розничной торговли (0,5 ед.), а также между распределением городов по душевым инвестициям с их распределением по вышеупомянутым трём показателям доходов жителей (корреляции от 0,5 до 0,6 ед.).

Несовпадение масштабов неравенства крупных городов и их географического распределения по ключевым показателям указывают на то, что дифференциация по каждому из них формируется под действием разного сочетания факторов. Это опровергает факт, что факторы – ключевые и дополнительные, которые выделены учёными в рамках разработанных теорий городского развития (см. параграф 1.1) и в том числе предложены российскими авторами (см. параграф 1.2) – одинаково и одновременно влияют на дифференциацию городов и их социально-экономическое развитие. Данный результат подтверждает актуальность попытки измерения меры влияния разных факторов на дифференциацию городов по каждому из аспектов развития, которое будет изложено в главе 4.

3.2 Динамика социально-экономического неравенства крупных городов России в 2000–2023 гг.¹²

В данном параграфе рассмотрим, как изменялись масштабы невзвешенных и взвешенных различий между крупными городами за период с 2000 г. В нём представлены результаты оценки сначала σ -конвергенции городов, затем – β -конвергенции, и в завершение – оценка изменения географической конфигурации межгородского неравенства.

3.2.1 σ -конвергенция крупных городов России

σ -конвергенция крупных городов России по ключевым параметрам развития оценивалась с использованием индекса Тейла и проводилась в рамках невзвешенного и взвешенного подходов. Как показано в разделе 2.1.2, тренды взвешенного и невзвешенного неравенства зачастую совпадают. Для неравенства крупных городов России уровень совпадения трендов взвешенного и невзвешенного неравенства

¹² При работе над данным разделом диссертации использованы материалы научных публикаций автора, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования:

1. Медведникова Д. М. Факторы неравномерности развития городов России с населением более 100 тыс. чел. в первых десятилетиях XXI века // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2025. – Т. 88. – № 5. – С. 738–756.

2. Medvednikova D. M. Factors of uneven development of Russian cities with a population of over 100 000 in the first decades of the 21st century // Regional Research of Russia. – 2024. – Vol. 14, Suppl. 1. – P. S86–S100.

значительно различается по показателям (Таблица 12), но по большинству из них динамика взвешенного и невзвешенного межгородского неравенств совпадают более чем на 50%. Наибольшее совпадение трендов характерно для налоговых и неналоговых доходов бюджетов городов, так как измерение неравенства по этому параметру не включает Москву и Санкт-Петербург (их бюджеты как субъектов РФ формируются по другому принципу), наименьшее – по налогооблагаемым доходам населения, по ним тренды расходятся кардинально.

Таблица 12 – Коэффициент корреляции (уровень совпадения) динамики невзвешенного и взвешенного индекса Тейла для неравенства крупных городов России по ключевым показателям

Показатель	$K_{коррел}$ динамики невзвешенного и взвешенного индексов Тейла по показателю за доступный период, ед.
Заработная плата	0,56
Налогооблагаемые доходы населения и соцвыплаты	0,16
Оборот розничной торговли на душу населения	0,79
Объём платных услуг на душу населения	0,54
Отгружено товаров и услуг на одного работника	0,49
Инвестиции в основной капитал на душу населения	0,86
Ввод жилья на душу населения	0,87
Налоговые и неналоговые доходы местного бюджета на душу населения	0,97

Источник: рассчитано с применением авторской методики на основе данных Росстата и ГИИС «Электронный бюджет».

Ввиду значительной синхронности трендов взвешенного и невзвешенного неравенства крупных городов России, а также того, что дифференциацию городов непосредственно *по уровню развития* отражает *невзвешенное* неравенство, в анализе сделан акцент на рассмотрение динамики межгородского неравенства, измеренного в рамках невзвешенного подхода. Тренды взвешенного неравенства рассмотрены тогда, когда они значимо отличаются от динамики невзвешенного варианта.

Неравенство крупных городов по **заработным платам** стремительно снижалось с начала 2000-х до кризиса 2009–2010 гг. (значения невзвешенного индекса Тейла снизились в 3,6 раза) – в период устойчивого общестранового экономического роста, когда в большинстве городов, а особенно в крупных центрах, активно

восстанавливалось промышленное производство (прежде всего, отрасли для обеспечения городских нужд – пищевая промышленность, промышленность строительных материалов, но также и отрасли общестранового и экспортного значения – добыча и переработка природных ресурсов, металлургия, частично – машиностроение и др.) (Рисунок 15). Интенсивно в крупных городах в этот период развивался сектор торговли и прочих рыночных услуг, который также обеспечивал устойчивый рост заработных плат в большинстве центров.

В 2009–2010 гг. тренд неравенства городов по зарплатам сменился со снижения на стагнацию по невзвешенному подходу и на небольшой рост (+0,002 ед. индекса Тейла) по взвешенному, который был обусловлен разной реакцией экономик крупных городов на кризис в зависимости от их специализации: зарплаты сильно снизились в центрах, специализирующихся на металлургии и машиностроении (например, в Орске, Электростали, Арзамасе, Новочеркасске и др.), наиболее затронутых кризисом, но продолжили расти в городах с преобладанием секторов услуг (прежде всего, в городах ближнего пояса Московской агломерации – Химки, Одинцово, а также туристских центрах – Сочи).

После кризиса 2009–2010 гг. отмечается устойчивый и сильный рост взвешенного межгородского неравенства по зарплатам за счёт ускоренного увеличения зарплат в Москве и Санкт-Петербурге и фактическая стабилизация невзвешенных различий между крупными центрами на уровне около 0,027 ед. Такая тенденция – следствие общестранового замедления темпов экономического роста и почти повсеместной стагнации заработных плат в реальном выражении.

Только в 2023 г. в результате отложенного на один год воздействия санкционного кризиса и усиления кадрового дефицита неравенство крупных городов по зарплатам впервые за долгое время снова снизилось как по невзвешенной (-0,002 ед. или -6,7%), так и по взвешенной (-0,01 ед. или -10,9%) оценкам. Снижение взвешенного неравенства при этом было более существенным за счёт того, что опережающий рост зарплат был обеспечен впервые с 2010-х гг. не в федеральных городах, а в других промышленных центрах, прежде всего, с оборонно-промышленной специализацией, в результате чего доли населения крупных городов, имеющих более схожие зарплаты, выросли.

Рисунок 15 – Динамика невзвешенного и взвешенного индексов Тейла по ключевым социально-экономическим показателям крупных городов России в 2000–2023 гг. (с учётом корректировки на стоимость жизни по денежным показателям)

Источник: рассчитано по данным Росстата и ГИИС «Электронный бюджет».

Годы	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	
Невзвешенный индекс Тейла																								
ЗП	-1,8	-19,3	-8,6	-10,1	-11,1	-5,0	-4,5	-12,9	-0,7	-2,4	-2,1	-7,3	-3,3	-1,3	2,5	2,4	0,7	-3,5	-0,1	-1,7	-2,7	-0,4	-6,7	
Доходы													-7,6	-17,9	2,5	-0,8	-1,1	0,9	4,4	-0,6	6,7	-3,7		
Торг	5,4	4,6	1,8	-9,4	6,1	-3,5	-1,7					-35,5	-13,6	16,1	7,8	-26,8	-1,8	6,3	-3,4	-3,4	-13,6	12,3	-33,5	-2,0
Услуги	7,3	-3,2	-5,8	-6,8	-2,7	1,3	3,2														-9,1	9,5	-8,5	4,9
Отгрузка															4,3	-6,5	2,1	13,8	-0,02	-8,3	23,2	-3,0	-16,8	
Инвест	-7,7	9,4	-11,2	-5,8	-4,9	-8,1	-13,3	-17,6	58,3	-14,1	-4,5	-7,8	3,7	0,4	24,4	-5,8	-15,4	-4,8	-6,2	1,3	10,2	5,8	-9,6	
Жильё	14,8	-3,0	-0,7	29,6	-18,4	47,0	-37,9	14,1	16,4	8,7	-10,3	-17,0	-4,7	24,4	-27,0	12,2	20,0	-3,0	-10,9	2,0	-0,9	14,8	-13,9	
НиНД												-12,4	0,1	19,3	12,2	-0,4	-2,5	1,4	7,7	6,1	12,7	-13,7	2,4	
Взвешенный индекс Тейла																								
ЗП	3,8	-20,7	-10,1	-7,7	1,8	-3,0	3,4	-4,3	3,6	2,9	4,9	-6,0	35,2	4,2	0,8	8,5	3,5	1,0	2,5	3,6	3,5	-2,8	-10,9	
Доходы													3,1	-6,5	7,7	-4,5	2,9	0,4	-1,3	-14,2	-3,2	2,5		
Торг	24,3	-7,0	3,1	-7,1	3,6	-11,5	-2,7					-22,3	-26,9	0,2	11,1	-12,3	0,1	3,1	-5,8	-0,2	-9,5	12,4	-28,1	0,4
Услуги	-16,3	-10,5	-3,8	-14,5	-15,3	-8,8	-4,4														-20,3	27,0	1,8	16,2
Отгрузка															11,1	-1,7	-1,4	3,9	16,5	-19,3	5,4	-1,4	-5,6	
Инвест	-9,9	-10,2	-16,1	0,5	-0,6	-9,5	-19,1	-5,6	72,4	0,9	-11,1	-7,8	11,0	-6,4	4,2	-7,1	-9,0	-1,7	3,0	8,7	17,3	5,1	-12,8	
Жильё	11,2	-1,7	-6,5	11,1	-16,6	26,4	-21,9	23,4	18,0	28,6	-6,2	-19,8	-9,8	30,9	-20,0	11,8	17,8	-11,7	-16,4	2,8	-11,0	25,5	-12,6	
НиНД												-12,8	1,7	19,8	7,4	1,1	-2,6	4,0	9,4	8,0	7,9	-14,5	2,1	

Рисунок 16 – Темпы прироста / убыли взвешенного и невзвешенного индекса Тейла для неравенства крупных городов России по ключевым социально-экономическим показателям в 2001–2023 гг., % к предыдущему году

Примечания:

1 Сокращения: ЗП – Заработная плата, Доходы – Налогооблагаемые доходы населения и соцвыплаты, Торг – Оборот розничной торговли на душу населения, Услуги – Объём платных услуг на душу населения, Отгрузка – Отгружено товаров и услуг на одного работника, Инвест – Инвестиции в основной капитал на душу населения, Жильё – Ввод жилья на душу населения, НиНД – Налоговые и неналоговые доходы местного бюджета на душу населения.

2 Светло-голубой заливкой отмечены отрицательные значения прироста неравенства, розовой заливкой – положительные значения прироста.

Источник: рассчитано по авторской методике на основе данных Росстата и ГИИС «Электронный бюджет».

Однако динамика неравенства крупных городов по **налогооблагаемым доходам и социальным выплатам** за период с 2012 г. характеризуется иными тенденциями. Отчетливо наблюдается снижение невзвешенного неравенства крупных городов по налогооблагаемым доходам в период валютного кризиса 2014–2015 гг., когда в результате общестранового падения платежеспособного спроса населения и сопутствующего спада в секторах рыночных услуг существенно снизились доходы жителей, прежде всего, в городах-миллионниках (Уфа, Самара, Казань, Краснодар, Нижний Новгород), а также – в результате сильного снижения цен на нефть – в сырьевых центрах (Сургут, Нефтекамск, Октябрьский).

В восстановительный период после кризиса наблюдается возобновление роста неравенства крупных центров по доходам населения и выплатам, которое не отмечается в динамике неравенства по заработной плате. Снижение взвешенного индекса на фоне роста невзвешенного по налогооблагаемым доходам населения и социальным выплатам в середине 2010-х гг. означает, что при росте межгородских различий по среднему уровню доходов жителей различия в распределении доходов между населением городов снижались.

Заметно снижение неравенства крупных городов по налогооблагаемым доходам населения в период кризиса пандемии 2020–2021 гг. (особенно взвешенного, за счёт существенного снижения доходов в Москве и Петербурге). Оно произошло в результате краткосрочного снижения заработков занятых в сервисных отраслях крупнейших городов, приостанавливавших свою деятельность в период карантина.

При этом невзвешенное неравенство крупных городов по налогооблагаемым доходам населения уже в 2022 г. отреагировало на начавшийся санкционный кризис и снизилось на 0,002 ед. или 3,7%. На взвешенном неравенстве по доходам кризис не отразился из-за продолжения роста доходов и в крупнейших городах.

Динамика неравенства крупных городов по **налоговым и неналоговым доходам местных бюджетов** на душу населения, которые, как показано в параграфе 3.1, существенно коррелируют с показателями доходов населения, в целом совпадала с динамикой невзвешенного неравенства городов по налогооблагаемым доходам горожан. Однако по этому бюджетному параметру тренды взвешенного и невзвешенного неравенства не расходились, а были одинаковыми – из-за того, что расчёт по местным бюджетам не включает Москву и Санкт-Петербург. Важно

отметить, что тренд неравенства крупных городов по обеспеченности налоговыми и неналоговыми доходами бюджетов сменился со снижения на рост после того, как в 2012–2014 гг. доля поступлений от НДСФЛ, зачисляемая в местные бюджеты, была снижена с 30% до 15%, и регионам были предоставлены возможности устанавливать нормативы отчислений от разных видов налогов, в том числе НДСФЛ, в местные бюджеты. Хотя существенное совпадение трендов неравенства по доходам населения и по налоговым и неналоговым доходам местных бюджетов скорее свидетельствует о том, что несмотря на разные условия формирования бюджетов крупных городов, их дифференциация по показателю в большей степени всё же определяется исходными различиями в уровне доходов населения и отчислениях по НДСФЛ от них.

Как и по показателю заработной платы, неравенство крупных городов по **инвестициям** не имело линейного тренда. В период экономического роста до кризиса 2009–2010 гг. оно в целом снижалось – инвестиции направлялись в развитие большинства крупных центров страны. В 2009 г. отмечается перелом тенденции неравенства со снижения на резкий рост. Он был отчасти обусловлен кризисными явлениями 2009–2010 гг. – в эти годы в стране наблюдался резкий спад инвестиций, вследствие кризиса они сконцентрировались в меньшем количестве крупных центров. Однако важную роль в росте неравенства в период 2009–2011 гг. сыграло начало инвестиционной стадии реализации «мегапроектов» федерального значения – на этот период пришелся активный рост инвестиций в Сочи и Краснодар по подготовке инфраструктуры к Олимпиаде-2014, во Владивосток в рамках подготовки к проведению Саммита АТЭС-2012, а также на реализацию крупных промышленных проектов, таких как модернизация комплекса нефтеперерабатывающих и нефтехимических заводов в Нижнекамске, масштабная модернизация АО «Невинномысский Азот» в Невинномысске и др.

«Взрывной» рост невзвешенного неравенства городов по душевым инвестициям повторился в 2015–2016 гг. в связи с общим замедлением инвестиционной активности в стране и «схлопывания» инвестиционных проектов в большом числе крупных городов, прежде всего – промышленных, из-за роста ключевой ставки. При этом по взвешенному неравенству всплеска межгородского неравенства по инвестициям не наблюдалось, оно планомерно снижалось: вероятно, в результате того, что в развитие крупнейших по численности населения городов страны, имеющих больший вес в

определении неравенства, продолжали осуществляться большие инвестиционные вложения, в том числе в рамках подготовки к проведению в России Чемпионата мира по футболу в 2018 г.

Затем до начала пандемии COVID-19 инвестиционное неравенство снижалось: кроме восстановления инвестиционных вложений в крупнейшие промышленные центры (Норильск, Альметьевск, Салават, Новокуйбышевск, Волгодонск и пр.), генерируемых крупнейшими бизнес-структурами, инвестиционная активность, хотя и в меньших масштабах, стала развиваться и в остальных центрах. В период коронавируса оно снова выросло – синхронно по взвешенному и по невзвешенному измерению – так как в этот период масштабы неравенства очень сильно зависели от колоссальных вложений в развитие Москвы. В 2023 г. в условиях экономической неопределённости и высокой ключевой ставки инвестиционная активность в стране в целом и в крупных городах замедлилась, вследствие чего, как и по заработным платам, неравенство городов сократилось на 9,6% по невзвешенному и 12,8% по взвешенному индексу Тейла.

Дифференциация крупных центров по **отгрузке товаров и услуг** в 2014–2021 гг. в целом росла (в 2022 г. к 2014 г. прирост индекса Тейла составил +24,0% по невзвешенному неравенству). Увеличение различий происходило за счет ускоренного роста объема отгруженных товаров в промышленных центрах экспортно ориентированных отраслей, а также у наукоградов (Обнинск, Королев, Жуковский) – за счёт развития в последних индустриальных и технопарков, при отставании депрессивных городов. Состав городов-лидеров и «аутсайдеров» по показателю за этот период оставался практически неизменным.

Однако на динамике неравенства городов по душевой отгрузке существенно сказались последние кризисы. Пандемия краткосрочно повлияла на неравенство городов: за счет снижения объемов отгруженных товаров и услуг, прежде всего, в миллионных городах (Уфа, Самара, Нижний Новгород, Омск) из-за экономического спада и снижения спроса на продукцию в ковидный период. Индекс Тейла снизился в 2020 г. на 8,3%, однако уже в 2021 г. масштаб различий между городами вернулся на прежний уровень.

Санкционный кризис в 2023 г. резко снизил масштабы неравенства городов по душевой отгрузке фактически до уровня 2014 г. – на 16,8% с 0,263 ед. до 0,219 ед.

невзвешенного индекса Тейла. Несмотря на то, что в ряде крупных городов объём отгруженных товаров на душу сильно снизился – главным образом, городах Кузбасса (в Прокопьевске, Киселёвске, Междуреченске из-за усиления проблем в угольной отрасли и усложнения логистики на Дальнем Востоке падение душевой отгрузки составило в 2023 г. к предыдущему году более 20%), в большинстве центров за счёт активизации производственной активности на оборонных предприятиях значения показателя выросли (в Северодвинске, Арзамасе, Коломне – более чем в 1,5 раза). Это позволило снизить различия между крупными центрами по промышленной производительности.

Динамика неравенства крупных городов по **обороту розничной торговли** отражает планомерное распространение крупных розничных сетей по иерархии городов России от Москвы в крупные вторые и третьи центры регионов на протяжении 2000–2010-х гг.

В первой половине 2000-х гг. концентрация розничной торговли (измеряемой Росстатом) была существенно выше в Москве и Санкт-Петербурге, однако затем началось активное распространение розничных торговых сетей в московские пригороды, в другие города-миллионники и после – в региональные столицы. Этот процесс привел к снижению уровня взвешенного неравенства крупных городов по душевому обороту розницы до 2007 г. и одновременной стагнации невзвешенного неравенства между городами, так как общий размах различий оставался практически на прежнем уровне: только ряд крупнейших центров планомерно подтягивались по уровню развития торговли к федеральным городам, образуя с ними ячейку лидеров с примерно схожими к середине 2000-х гг. значениями.

После смены методики учета оборота розничной торговли с полного круга организаций на крупные и средние организации в 2008–2011 гг. (в связи с чем оценка неравенства городов в этот период нерелевантна) снижение неравенства продолжилось уже как по взвешенному, так и по невзвешенному неравенству – за счет распространения торговых сетей уже и во вторые и третьи по значимости центры субъектов РФ, а также смещения торговой активности в ближайшие пригороды Москвы, где крупнейшие сети размещали торговые комплексы.

Неравенство городов по розничной торговле отреагировало на кризис пандемии коронавируса, показав сначала небольшой спад в 2020 г., а в 2021 г. резкий «всплеск»

различий в результате восстановления потребительской активности, туристских поездок по России, развития онлайн-торговли. Опережающими темпами в последние годы показатель растёт в туристских центрах страны (Сочи, Кисловодск, Краснодар, Ставрополь) и городах, туристская привлекательность которых выросла в последние несколько лет за счет активизации внутреннего туризма (Тула, Кострома, Дербент).

По **объему платных услуг** в начале – середине 2000-х гг. тенденции неравенства крупных городов были близки к динамике различий по обороту розничной торговли: происходила диффузия рыночных услуг по иерархии городов от федеральных столиц в крупнейшие города-миллионники и столицы регионов, а от них – к менее крупным центрам.

Масштабы различий городов по платным услугам в 2020-х гг. выше уровня 2000-х гг., однако это также связано с изменением расчёта показателя с полного круга организаций на крупные и средние. Тем не менее, различия городов по показателю действительно высоки и в последние годы по невзвешенному измерению фактически не изменяются: объем платных услуг на душу населения в крупнейших по численности населения городах-миллионниках и богатых сырьевых центрах (Тюмень, Южно-Сахалинск) с высоким платежеспособным спросом населения в десятки раз выше, чем в промышленных городах. Значимо опережают остальные города и туристские центры, привлекательность которых в последние несколько лет только усиливается. На фоне стагнации невзвешенного неравенства по душевым платным услугам в последние годы сильно растёт взвешенное неравенство: его рост достигается за счёт колоссального отрыва Москвы по развитости платных услуг, который с каждым годом усиливается (если в 2019 г. душевой объём платных услуг в Москве в 3,2 раза превышал средний по крупным городам, то в 2023 г. – уже в 3,9 раза).

Тренды неравенства крупных городов по **объему вводимого жилья** очень изменчивы из-за волатильности этого показателя. Однако если нивелировать влияние частых его всплесков, можно наблюдать, что в первой половине 2000-х гг. оно оставалось практически неизменным, а по взвешенному измерению полого снижалось – прежде всего, вследствие перехода к модели точечного жилищного строительства в федеральных городах и снижения в них показателей душевого ввода жилых домов.

С 2007 г. отмечается стремительный рост неравенства крупных центров по вводу жилья – он был обусловлен замедлением темпов ввода жилья в Москве при

одновременном крайне быстром росте строительства в ее ближайших пригородах (Химки, Одинцово, Люберцы, Мытищи, Подольск). Свой вклад в рост неравенства внесло и начало интенсивного строительства жилья в Тюмени, а также в миграционно привлекательных городах Юга России (Краснодар и Сочи) и Калининграде, вышедших в число лидеров по душевым объемам строительства жилья в 2010-х.

После 2010 г. уровень неравенства стал несколько снижаться в связи с активизацией жилищного строительства в городах в пределах других агломераций (например, в Батайске и Обнинске), а также увеличением ввода в городах-миллионниках и других крупнейших по численности населения региональных столицах. Однако в середине 2010-х различия снова стали усиливаться вследствие увеличения жилищного строительства внутри Москвы за счет присоединения территорий Новой Москвы и в Московской области. Замедление темпов строительства произошло и в границах других крупнейших центров при его смещении в зоны за городской чертой. В последние несколько лет тренд неравенства городов по вводу жилья был неустойчив.

Обобщая результаты анализа, можно утверждать, что динамика неравенства крупных городов России по ключевым параметрам развития в 2000–2023 гг. была крайне разнонаправленной, единый тренд изменения социально-экономического неравенства городов выделить невозможно. Тем не менее, можно констатировать, что в целом за рассматриваемые 24 года σ -конвергенция (т.е. общее сокращение масштабов различий) крупных городов имела место только по зарплате работников, душевым обороту розничной торговли и инвестициям в основной капитал. При этом основное сокращение различий крупных городов по зарплате было достигнуто в период экономического роста 2000–2008, по розничной торговле – в 2010-х – 2020-х гг., а по инвестициям происходило на протяжении всего периода, за исключением всплесков неравенства в начале и середине 2010-х гг. По остальным параметрам неравенство крупных центров либо нарастало (по отгрузке товаров и услуг, налогооблагаемым доходам граждан, налоговым и неналоговым доходам местных бюджетов), либо с 2000 г. существенно не изменилось (по вводу жилья, душевым платным услугам).

3.2.2 β -конвергенция крупных городов России

Посредством оценки β -конвергенции можно верифицировать, достигалось ли сокращение межгородских различий (σ -конвергенция крупных городов) в вышеуказанные периоды по показателям заработной платы, душевому обороту розничной торговли и инвестиций в основной капитал за счёт ускоренного догоняющего увеличения значений этих параметров у отстающих городов или за счёт иных причин (например, спада значений показателя у городов-лидеров или за счёт «подтягивания» городов со средними значениями к лидерам). Также на основе оценки β -сходимости городов по другим показателям возможно определить, происходило ли приближение «аутсайдеров» к лидерам по ним, несмотря на то что различия между городами нарастали или стагнировали.

Результаты расчётов β -конвергенции доказывают, что сокращение различий между крупными городами страны по заработной плате в период экономического роста 2000-х гг., в 2010-х – начале 2020-х гг. по душевому обороту розничной торговли и в течение почти всего рассматриваемого периода по душевым инвестициям действительно происходило прежде всего за счёт более быстрого увеличения соответствующих показателей у городов с более низкими исходными значениями параметров (Таблица 13).

Наиболее активный процесс β -сходимости, т.е. наиболее быстрое догоняющее развитие отстающих городов, наблюдался по заработной плате и душевым инвестициям в 2000-х гг. – по ним в тот период наблюдаются самые большие по модулю коэффициенты β (более 0,05), а также наиболее высокие значения объясняющей способности моделей регрессии Барро (R^2 более 50% для регрессии по заработной плате и более 40% – по душевым инвестициям).

В период 2010-х – начала 2020-х гг. процесс догоняющего развития более слабых крупных городов по **заработной плате** практически полностью прекратился (коэффициент β по модулю сократился в пять раз, а объясняющая способность регрессии снизилась до 11,9%), как прекратился и процесс сокращения масштабов различий городов по этому параметру: зарплатные различия городов после кризиса 2009–2010-х гг. стали стагнировать.

Догоняющее развитие отстающих крупных центров по **душевым инвестициям** после 2010 г. продолжилось, но с меньшей силой (коэффициент β по модулю

сократился в 1,8 раз, а объясняющая способность регрессии R^2 – до 25%) на фоне того, что в этот промежуток времени наблюдалось несколько «всплесков» межгородского инвестиционного неравенства, обусловленных большими финансовыми вливаниями в реализацию крупных мегапроектов в узкой группе городов, которые резко выбивались в лидеры, однако после инвестиционной волны снова откатывались в группу «средняков» или даже отстающих.

Таблица 13 – Результаты оценки β -конвергенции крупных городов России по ключевым социально-экономическим показателям за отдельные периоды и в целом за 2000–2023 гг.

Показатель	2000–2008 гг.		2009–2023 гг.		2000–2023 гг.	
	β	R^2 , %	β	R^2 , %	β	R^2 , %
Заработная плата	-0,053	54,0	-0,011	11,9	-0,023	61,3
Налогооблагаемые доходы населения и соцвыплаты	–	–	-0,021	16,0	–	–
Оборот розничной торговли на душу населения	-0,032	19,2	-0,039	52,6	–	–
Объём платных услуг на душу населения	-0,028	10,6	-0,028	15,9	–	–
Отгружено товаров и услуг на одного работника	–	–	-0,016	8,8	–	–
Инвестиции в основной капитал на душу населения	-0,057	40,6	-0,032	25,0	-0,026	43,1
Ввод жилья на душу населения	-0,025	5,0	-0,021	12,3	-0,012	8,4
Налоговые и неналоговые доходы местного бюджета на душу населения	–	–	-0,023	13,9	–	–

Примечания:

1 Все полученные коэффициенты β значимы при 1%-ом уровне значимости.

2 Светло-серой заливкой выделены значения коэффициентов β для регрессий с R^2 выше 25%.

3 Оценки β -конвергенции по каждому показателю проводились по имеющемуся ряду данных в рамках рассматриваемых периодов.

Источник: рассчитано по данным Росстата и ГИИС «Электронный бюджет».

β -сходимость крупных центров по душевому обороту розничной торговли вследствие диффузии торговых сетей, а в начале 2020-х гг. – онлайн-торговли во всё

менее крупные и нестоличные города с меньшим уровнем розничного товарооборота резко усилилась только после окончания периода экономического роста 2000-х гг. По этому параметру прежде всего выросло число отстающих городов, развитие торговли в которых ускорилось: коэффициент β для регрессии крупных городов за период 2011–2023 гг. практически не изменился в сравнении с регрессией за период 2000–2007 гг. (-0,039 и -0,032 соответственно), однако существенно увеличилась объясняющая способность модели (с 19,2% до 52,6%).

Отметим, что по остальным параметрам развития коэффициенты β для регрессии Барро крупных городов также были отрицательными, хотя заметно меньшими по модулю, чем по душевым показателям розничной торговли, инвестиций и заработной платы в течение указанных периодов. Однако объясняющая этих регрессий оказалась очень низкой (не выше 16% ни по одному из прочих параметров). Это означает, что хотя по этим показателям и имелись отдельные отстающие крупные города, которые быстро догоняли лидеров, число таких городов в общей выборке было невелико, а динамика темпов прироста показателя была очень разнородной как у городов-лидеров, так и у «средняков» и «аутсайдеров». Это отчётливо можно увидеть на диаграммах рассеяния, построенных для регрессий Барро крупных городов по каждому из показателей развития, представленных в Приложении В.

В целом за весь рассматриваемый период самые слабые темпы прироста у отстающих городов и фактическое отсутствие процессов их догоняющего развития наблюдались по душевому вводу жилья (коэффициент β для регрессии Барро за 2000–2023 гг. только -0,012 при R^2 всего 8,4%) за счёт низкого ввода домов в городах Севера, а также по отгруженным товарам и услугам на одного работника (для регрессии за доступный период 2014–2023 гг. коэффициент β – -0,016 при R^2 всего 8,8%) в результате отсутствия реализации больших проектов, обеспечивающих значимый прирост промышленного производства в городах с депрессивной экономикой и большой теневой её частью. Закономерно по этим параметрам общие масштабы неравенства крупных городов не сокращались, а их изменение происходило за счёт разных темпов прироста значений показателей у городов в верхней части рейтинга, в том время как отставание наиболее слабых городов сохранялось.

3.2.3 Изменения географической конфигурации неравенства крупных городов России

На фоне изменения масштабов межгородского неравенства претерпевает трансформации и внутренняя – географическая – структура распределения крупных городов России по значениям показателей социально-экономического развития. Иначе говоря, с течением времени сменяется состав городов-лидеров, «средняков» и «аутсайдеров» в рейтинге по каждому из рассматриваемых параметров. В данном разделе на основе оценок коэффициентов корреляции распределений крупных городов по показателям развития за каждый год измерений с их распределением по состоянию на последний год измерений (2023 г. или, по налогооблагаемым доходам и социальным выплатам населению – с 2022 г.) оценено, насколько географическая конфигурация межгородского неравенства за прошедшие периоды совпадала с современной, охарактеризованной в параграфе 3.1.

Расчёты годовых коэффициентов корреляции показывают, что по большинству показателей социально-экономического развития существенных трансформаций географического распределения крупных городов не происходило (Рисунок 17). В частности, по показателям заработной платы, налогооблагаемых доходов населения и социальных выплат и душевых налоговых и неналоговых доходов местных бюджетов, а также по душевому объёму отгруженных товаров и услуг корреляции распределений за предыдущие годы в сравнении с последним не принимали значений ниже 0,7 ед. Это означает, что на протяжении рассматриваемого периода состав лидеров, «средняков» и отстающих крупных городов по этим показателям практически не менялся. По заработной плате с 2006 г. и по душевой отгрузке товаров и услуг с момента начала сбора показателя (с 2014 г.) распределение городов фактически полностью совпадало с наблюдаемым в последние годы: начиная с указанных лет коэффициенты корреляции предыдущих распределений с наблюдаемым в 2023 г. по ним составляли более 0,85 ед., что свидетельствует о почти полном соответствии распределений друг другу.

Отсутствие заметных сдвигов в географической конфигурации лидеров и отстающих по этим параметрам можно отчётливо увидеть на точечных диаграммах (см. верхние диаграммы, Рисунок 18).

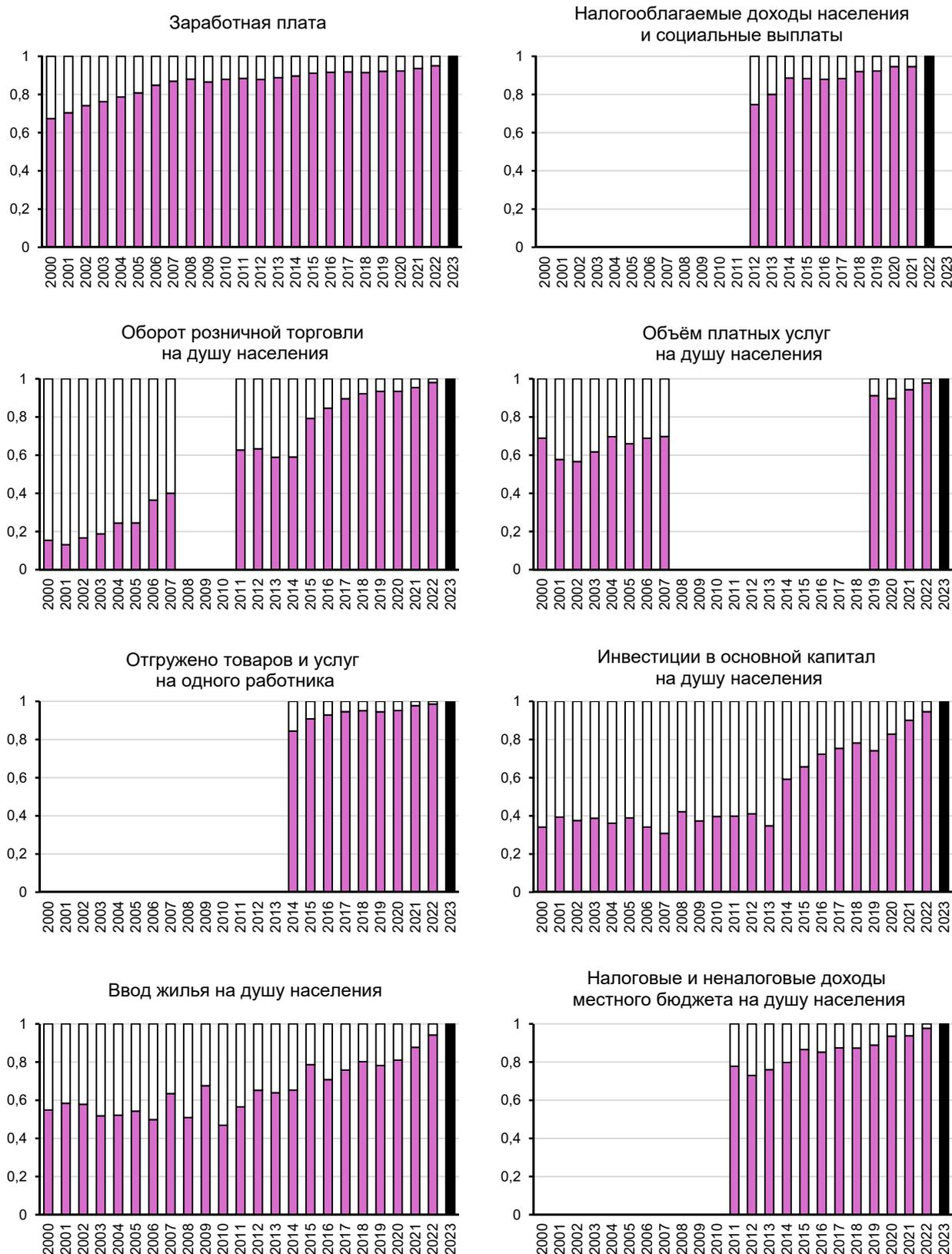

Рисунок 17 – Коэффициенты корреляции распределений крупных городов России по ключевым показателям развития с их распределением в 2023 г. (для денежных доходов населения – с распределением в 2022 г.), ед.

Источник: рассчитано по данным Росстата и ГИИС «Электронный бюджет».

зарплаты росли опережающими темпами, а также у большинства крупных городов Подмосковья, которые из «средняков» в 2000 г. вышли в лидеры к 2023 г.

Аналогично практически в единую линию выстраиваются точки на диаграмме соотношения распределений крупных городов страны по душевой отгрузке в 2014 и 2023 гг. В большинстве своём крупные центры с 2014 г. сохранили свои позиции в распределении, за исключением отдельных промышленных городов, в которых к 2023 г. производственные показатели снизились под влиянием санкционного давления (Братск, Калининград, Кемерово) или иных причин.

Наибольшие расхождения между распределениями крупных городов за ранние годы и последний доступный год измерений наблюдаются по душевому вводу жилья и душевым инвестициям в основной капитал. По душевому вводу жилья распределение крупных городов в 2000-х гг. только наполовину совпадало с тем, которое сложилось в 2020-х (коэффициенты корреляции между распределениями городов по душевому вводу жилья в 2000-х гг. и их распределением в 2023 г. составляли от 0,5 до 0,6 ед.); по душевым инвестициям наблюдалось ещё меньшее совпадение распределений (коэффициенты корреляции распределений в 2000-х с распределением в 2023 г. не превышают 0,4 ед.). Причём по обоим этим показателям распределение крупных городов оставалось относительно стабильным и отличным от современного включительно до 2014 г., после этого года конфигурация лидеров и отстающих по этим параметрам стала постепенно приближаться к состоянию 2023 г. Существенные различия географической конфигурации неравенства крупных городов по этим параметрам в 2000 и 2023 гг. также можно заметить по точечным диаграммам (см. нижние диаграммы, Рисунок 18): точки (города) на них сильно рассеяны.

Среди ключевых изменений географической конфигурации неравенства крупных городов России по **душевым инвестициям** в основной капитал в 2020-х гг. по сравнению с 2000-ми гг. – выход в число лидеров многих крупных городов азиатской России, прежде всего Дальнего Востока (Чита, Петропавловск-Камчатский, Благовещенск и др.) за счёт реализации во многих из них крупных инфраструктурных проектов (например, строительства нового пассажирского терминала аэропорта в Петропавловске-Камчатском), активного привлечения инвесторов в преференциальные режимы, действующие на Дальнем Востоке и, вероятно, – приписки инвестиций, направляемых на освоение и развитие новых месторождений

полезных ископаемых, к крупным городам. Одновременно из лидеров в «средняки» и «аутсайдеры» по инвестиционной активности с 2000 г. опустились многие крупные центры со специализацией на добыче угля (Киселёвск, Новокузнецк, Кемерово), добыче и переработке нефти и газа (Астрахань, Томск, Сургут, Октябрьский).

Из наиболее заметных географических трансформаций неравенства крупных городов по **душевому вводу жилья** за весь рассматриваемый период можно отметить уход из числа лидеров ряда региональных центров в связи как с возможным смещением жилищного строительства в пригородные районы (например, Белгород, Астрахань), так и с миграционным оттоком (Сыктывкар) в последние два десятилетия. Одновременно среди тех городов, которые к 2023 г. по сравнению с 2000-ми гг. вышли в число первых по душевому вводу жилья, – миграционно и туристски привлекательные города Юга России (Новороссийск, Сочи).

Важным географическим изменением структуры неравенства крупных городов как по душевому вводу жилья, так и по душевым инвестициям, который в значимой степени привёл к заметной трансформации географической конфигурации межгородского неравенства по обоим показателям в середине 2010-х гг., стал выход в число лидеров крупных городов ближайшего Подмосковья – на первые места вышли Одинцово, Красногорск, Щёлково, Серпухов, Раменское и др. Хотя отдельные города Московской агломерации, наоборот, снизили позиции в рейтинге активности ввода жилых домов, вероятно, из-за значительно исчерпания территорий для нового строительства (Жуковский, Королёв).

По душевым обороту розничной торговли и объёму платных услуг распределения городов в 2000-х гг. также отличаются от наблюдаемых в 2020-х гг., однако в случае этих показателей это связано не с естественными причинами, а с изменением методики расчёта этих параметров с полного круга предприятий на крупные и средние. По новой методике распределение крупных городов также изменялось слабо. По душевым платным услугам с 2019 г. оно фактически одинаково (коэффициенты корреляции распределений выше 0,9 ед.), по обороту розничной торговли приблизилось к современному и стабилизировалось во второй половине 2010-х гг. При этом резкое изменение географической конфигурации неравенства крупных городов России по душевому объёму розницы в 2015 г. (корреляция распределения городов по показателю в 2014 г. с распределением 2023 г. составила

0,59 ед., а в 2015 г. – уже 0,79 ед.) было также обусловлено прежде всего резким ростом показателя в городах Подмосковья: Красногорске, Пушкино, Подольске, Одинцово и др., хотя за счёт диффузии торговых сетей и онлайн-торговли значительно улучшились показатели развития торговли и в ряде региональных столиц, например, во Владивостоке, Саранске, Архангельске.

Наличие заметных изменений масштабов неравенства крупных городов при фактическом отсутствии изменений его географической конфигурации по одним показателям (зарплате, налогооблагаемым доходам населения, душевой отгрузке товаров и услуг) и одновременно заметные колебания как масштабов неравенства, так и его пространственной структуры – по другим (душевые инвестиции и ввод жилья) свидетельствуют, что межгородская дифференциация по каждому из параметров развития формируется под действием разного сочетания факторов, которое изменяется во времени.

На разнородность влияния факторов на формирование межгородских различий указывает и то, что пространственные трансформации неравенства городов по разным параметрам в последние десятилетия различались. При этом значимое улучшение позиций крупных городов, расположенных вблизи Москвы, по показателям, которые за последние два десятка лет имели заметные трансформации внутренней структуры межгородского неравенства, может указывать на возрастающую в последние годы роль фактора агломерационного положения для развития городов (позитивное влияние близости Москвы на развитие населённых пунктов в её пригородах отмечалось во многих предыдущих исследованиях, в том числе в [Бабкин, Медведникова, 2023]). Количественно эти гипотезы будут проверены в параграфе 4.1.

3.2.4 Обобщение тенденций социально-экономического неравенства крупных городов

Обобщить тренды социально-экономического неравенства крупных городов России и выделить этапы со схожей его динамикой по всем показателям затруднительно: для периода 2000–2023 гг. характерно отсутствие однозначной и единообразной линейной динамики неравенства крупных городов по ключевым параметрам развития.

В период экономического роста 2000–2008 гг. наблюдалось снижение неравенства по заработной плате и душевым инвестициям, в то время как по душевым

обороту розничной торговли и объёмам платных услуг масштаб межгородских различий практически не изменился. В период турбулентности 2010-х – начала 2020-х гг. на фоне общего усиления волатильности межгородского неравенства продолжилось снижение различий по душевым инвестициям и началось – по розничной торговле. Одновременно выросла дифференциация по отгрузке товаров и услуг, налогооблагаемым доходам населения и, как следствие, налоговым и неналоговым доходам местных бюджетов, а по заработной плате, платным услугам и вводу жилья она стабилизировалась.

В целом за период 2000–2023 гг. различия крупных городов России снизились только по трём показателям социально-экономического развития: по заработной плате (конвергенция в период экономического роста 2000–2008 гг.), розничной торговле (в 2010-х – 2020-х гг.) и инвестициям (на протяжении всего периода, за исключением всплеска неравенства в начале и середине 2010-х гг.). Снижение неравенства крупных центров по этим параметрам было обусловлено догоняющим ростом душевых показателей в отстающих городах, т.е. σ -конвергенция сопровождалась β -конвергенцией

Межгородские различия по душевому объёму платных услуг были относительно стабильными на всём протяжении рассматриваемого периода (увеличение неравенства 2020-х гг. в сравнении с 2000-ми гг. обусловлено изменениями методики расчёта показателя), как и различия по душевому вводу жилья, при значительных их колебаниях год от года.

По остальным параметрам, в числе которых душевой объём отгруженных товаров и услуг, налогооблагаемые доходы населения и налоговые и неналоговые доходы местных бюджетов, в 2010-х гг. наблюдалась дивергенция крупных городов, обусловленная во многом не только увеличением отрыва лидеров, но и отставанием городов с высокой долей теневой экономики.

Динамика неравномерности распределения социально-экономических ресурсов относительно населения городов, измеренная с использованием взвешенного индекса Тейла, по большинству показателей на большей части рассматриваемого периода совпадает с динамикой различий по невзвешенному индексу. Значимые расхождения наблюдались в 2010-х – начале 2020-х гг. по показателям, характеризующим доходы населения, и в 2000–2007 гг. – по показателям розничной торговли и платных услуг.

Кризисы краткосрочно влияли на динамику неравенства крупных городов страны по отдельным параметрам развития. Промышленный кризис 2009–2010 гг. проявился в росте дифференциации городов по инвестициям (хотя рост различий был связан не только с кризисом, но и с их концентрацией в узком числе крупных центров в рамках реализации мегапроектов к Олимпиаде-2014 в Сочи, Саммиту АТЭС-2012 во Владивостоке и пр.). Валютный кризис 2014–2015 гг. снизил дифференциацию городов по налогооблагаемым доходам населения за счёт более заметного их сокращения в городах с наиболее высокими заработками. Пандемия COVID-19 вызвала краткосрочное снижение неравенства по показателям рыночных услуг и отгрузке товаров в 2020–2021 гг., не оказав существенного влияния на различия по зарплатам, но значимо снизив отрыв Москвы и Санкт-Петербурга от остальных центров по налогооблагаемым доходам и социальным выплатам. Только санкционный кризис обусловил снижение неравенства крупных городов по всем параметрам в 2022–2023 гг. за счёт значимого ускорения развития промышленных центров с оборонными производствами.

На фоне разнонаправленности динамики неравенства крупных городов по ключевым социально-экономическим параметрам развития его географическая конфигурация (состав лидеров, «средняков» и отстающих) по всем показателям, за исключением волатильных инвестиций и ввода жилья, на протяжении рассматриваемого периода оставалась практически неизменной. Среди ключевых изменений, которые можно проследить по показателям зарплаты, душевого ввода жилья и инвестиций с 2000 г., стали выход в число лидеров городов Подмосковья и ухудшение ситуации в ряде промышленных центров (угольных, автостроения и пр.), а также в столицах депрессивных регионов.

3.3 Сравнение масштабов и динамики межгородского и межрегионального неравенства в России по сопоставимым показателям

Особый интерес представляет то, насколько сомасштабными и синхронными были тренды изменения социально-экономического неравенства регионов и крупных городов России за исследуемый период. В данном параграфе представлено сравнение масштабов и динамики межрегионального неравенства с полученными и изложенными в параграфах 3.1 и 3.2 оценками межгородского неравенства.

Сравнение масштабов и динамики дифференциации регионов и городов России затруднено существенными различиями методик расчёта социально-экономических статистических показателей для регионов и для муниципалитетов. Для последних большинство статистических данных рассчитывается Росстатом только по крупным и средним предприятиям, а для регионов – по полному кругу организаций, что делает результаты мало сопоставимыми. Тем не менее, за отдельные периоды для регионов по показателям инвестиций в основной капитал и отгрузки товаров и услуг у Росстата имеются сведения только по крупным и средним организациям, а для оборота розничной торговли их можно рассчитать на основе публикуемых данных. В диссертации расчёт межрегиональных различий по перечисленным показателям проводился по крупным и средним организациям для большей сопоставимости расчётов.

Ввиду неполного ряда данных при вычислении индекса Тейла для неравенства регионов из выборки были исключены Чеченская Республика, Республика Крым и г. Севастополь, а также не учитывались ввиду отсутствия статистические сведения по воссоединённым субъектам Российской Федерации. Сравнение динамики неравенства регионов и крупных городов проводилось в рамках как невзвешенного, так и взвешенного подходов. Однако важно отметить, что, как показано в параграфе 3.1 (Таблица 9), города федерального значения Москва и Санкт-Петербург занимают значительную долю в численности населения и работников как крупных городов, так и всей страны. В результате из-за большого веса этих городов в выборке как регионов, так и крупных городов, взвешенные оценки межрегионального и межгородского неравенства могут в значительной степени совпадать по большинству параметров развития.

При сопоставлении масштабов и динамики неравенства крупных городов России и её регионов также важно учитывать, что в большинстве субъектов страны крупные города вносят большой вклад в формирование региональных объёмов социально-экономических показателей и их душевых значений. Всего в России насчитывается шесть регионов, в составе которых крупных городов нет – это Ленинградская и Магаданская области¹³, Республика Алтай, Еврейская автономная область, Чукотский

¹³ Магадан в диссертационном исследовании к числу крупных не относился, так как на большем протяжении рассматриваемого периода 2000–2023 гг. его численность населения составляла менее 100 тыс. чел. (по данным на 1 января 2024 г. – 89,2 тыс. чел.).

и Ненецкий автономные округа. При этом в большинстве остальных регионов, по которым в диссертации были рассмотрены данные, более половины объёма региональных показателей формируется за счёт крупных центров (Таблица 14).

Таблица 14 – Распределение регионов России по вкладу крупных городов в их показатели социально-экономического развития в 2023 г.

Показатель	Кол-во регионов России с долей крупных городов в объёме показателя, равной:				Средняя по регионам России доля крупных городов в объёме регионального показателя, %
	Более 75%	От 50 до 75%	От 25 до 50%	Менее 25%	
Численность населения	–	23	49	1	46,2
Фонд заработной платы	3	53	16	1	56,9
Налогооблагаемые доходы населения и социальные выплаты (2022 г.)	2	41	28	2	51,9
Оборот розничной торговли	2	56	14	1	58,4
Объём платных услуг	–	4	66	3	36,5
Инвестиции в основной капитал	11	40	16	6	56,1
Отгружено товаров и услуг	18	33	17	5	62,8
Ввод жилья	2	30	37	4	48,0

Примечание – В таблице учитываются 73 субъекта Российской Федерации, кроме: 1) шести регионов, в которых крупные города отсутствуют, 2) четырёх регионов, данные по крупным городам которых в исследовании не рассматривались ввиду короткого ряда данных (Чеченская Республика, Республика Ингушетия, Республика Крым и г. Севастополь) или их отсутствия (воссоединённые регионы), 3) Москвы и Санкт-Петербурга.

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Так, более 50% регионального объёма оборота розничной торговли обеспечивается крупными городами в 58 регионах, фонда заработной платы – в 56, инвестиций и объёма отгруженных товаров и услуг – в 51, налогооблагаемых доходов населения – в 43 регионах. Детальные сведения о вкладе крупных городов в социально-

экономические показатели регионов России представлены в Приложении Г. В случае, если неравенство регионов России по показателю в большей степени формируются теми регионами, в которых вклад крупных городов в объём этого показателя велик (а это преобладающее число регионов), с большой вероятностью как масштабы, так и тренды неравенства регионов и крупных городов могут совпадать даже при невзвешенном измерении.

Масштабы неравенства, измеренные с использованием индекса Тейла по двум разным по объёму выборкам, не вполне релевантно сравнивать, так как значения метрик пространственного неравенства тем выше, чем больше выборка территорий и дробность территориальных ячеек / объектов, выбранных для анализа (см. раздел 2.1.3). Однако при сопоставлении масштабов неравенства регионов и крупных городов России в 2023 г. можно отметить, что по душевым инвестициям как невзвешенные, так и взвешенные значения индекса Тейла для крупных городов ниже, чем для регионов (Рисунок 19), несмотря на то, что выборка исследуемых городов вдвое больше (измерения проводились по 164 крупным городам и по 82 регионам России).

Наблюдаемое выраженное превышение масштабов межрегионального неравенства по душевым инвестициям над межгородским, вероятно, является отражением больших центр-периферийных контрастов в уровне инвестиционной активности в границах страны. Более высокие различия между регионами по перечисленным показателям формируются за счёт существенного отставания сельских периферийных территорий, которые учитываются при расчёте среднерегionalных значений, а также низких показателей инвестиций в тех регионах, в которых нет крупных городов (Республика Алтай) или велика численность населения в периферийных районах, а крупный центр всего один (Республики Калмыкия, Ингушетия, Дагестан и др.), при сильном отрыве регионов с ресурсодобывающими проектами, в составе которых крупных городов также нет (Ненецкий и Чукотский автономные округа). В то же время инвестиционные различия между крупными центрами значительно меньше межрегиональных, так как на фоне сельских территорий все они являются более привлекательными для осуществления инвестиционных вложений (или к ним приписываются инвестиции окрестных территорий).

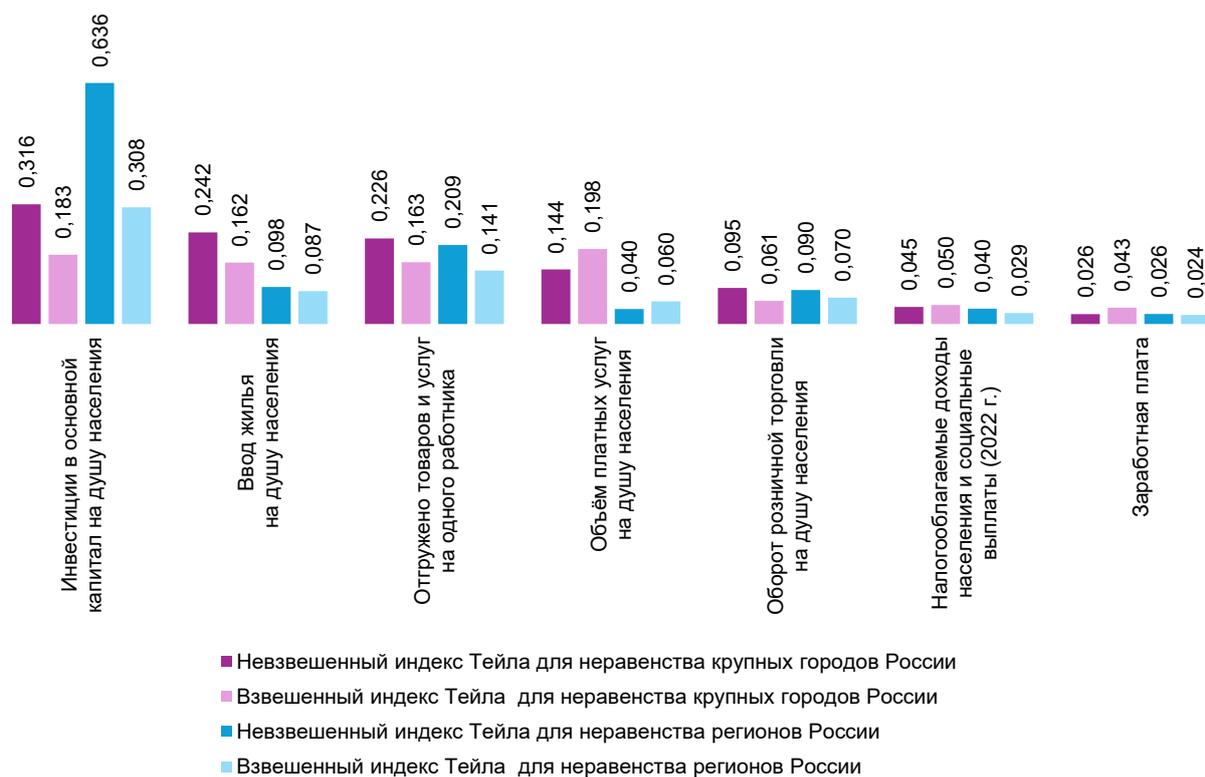

Рисунок 19 – Значения индекса Тейла для неравенства регионов и крупных городов России по ключевым социально-экономическим показателям в 2023 г. (с учётом корректировки денежных показателей на стоимость жизни)

Источник: рассчитано по данным Росстата.

При этом невзвешенное неравенство крупных центров и регионов по заработным платам и налогооблагаемым доходам населения, душевым обороту розничной торговли и отгрузке товаров и услуг в последний год измерений оказывается почти одинаковым (хотя взвешенное по всем перечисленным параметрам, кроме душевого объёма розницы, больше межрегионального). Близость значений масштабов межрегионального неравенства к масштабам неравенства крупных городов по этим показателям обусловлена тем, что в значительной степени душевые значения регионов, которые вносят основной вклад в масштаб межрегиональных различий, формируются за счёт входящих в них крупных городов, о чём сказано выше. При этом наиболее вероятно по этим параметрам межгородские различия в значительной степени определяются региональным контекстом, условиями и особенностями, иначе говоря – велико значение фактора регионального и макрорегионального положения городов при определении масштабов межгородского неравенства.

Только по душевым объёму платных услуг и вводу жилья наблюдается значимое превышение масштабов неравенства крупных городов над масштабами неравенства

регионов, которое закономерно ожидать в связи с вдвое большим объёмом выборки городов в сравнении с субъектами. Вдобавок, как было показано в предыдущей главе, развитость секторов услуг в крупных городах всё ещё значительно зависит от людности, т.е. сервисные сектора более развиты в городах-центрах крупнейших агломераций в сравнении с большими городами. Структура услуг по видам, предоставляемых в крупных центрах, значительно отличается от структуры их предоставления в сельской местности. В сёлах и малых городах основной объём платных услуг формируется ЖКУ, услугами транспорта и бытовыми услугами, стоимостные различия по которым в основной зоне сельского расселения не так велики – это обуславливает меньшие различия между регионами, значения показателей по которым учитывают сельские территории. Аналогично в границах сельских районов существенно более слабо развиты возможности для розничной торговли, что также занижает индексы Тейла при измерении по регионам.

В случае крупных городов чем крупнее город, тем более разнообразен в нём набор предоставляемых услуг и розничных товаров. Более высокие различия между центрами с более чем 100-тысячным населением в сравнении с регионами формируются из-за значительных различий в наборе товаров и услуг, в том числе распространённости продажи товаров и услуг высокого ценового сегмента в наиболее крупных по численности жителей центрах, концентрирующих богатое население.

Более низкие значения неравенства по вводу жилья между регионами в сравнении с неравенством крупных центров формируются по иным причинам: они связаны с активным распространением строительства жилья в последнее десятилетие в сельские пригороды крупных городов. Учёт в значениях по регионам больших объёмов ввода жилья пригородных районов сглаживает различия в сравнении с рассмотрением только крупных центров в границах городских округов. В последние годы за счёт активного перетока строительства новых домов в пригородные территории неравенство регионов по показателю сглаживалось, а по крупным городам, наоборот, росло – тренды межрегионального и межгородского неравенств всё больше расходились (Рисунок 20, Рисунок 21).

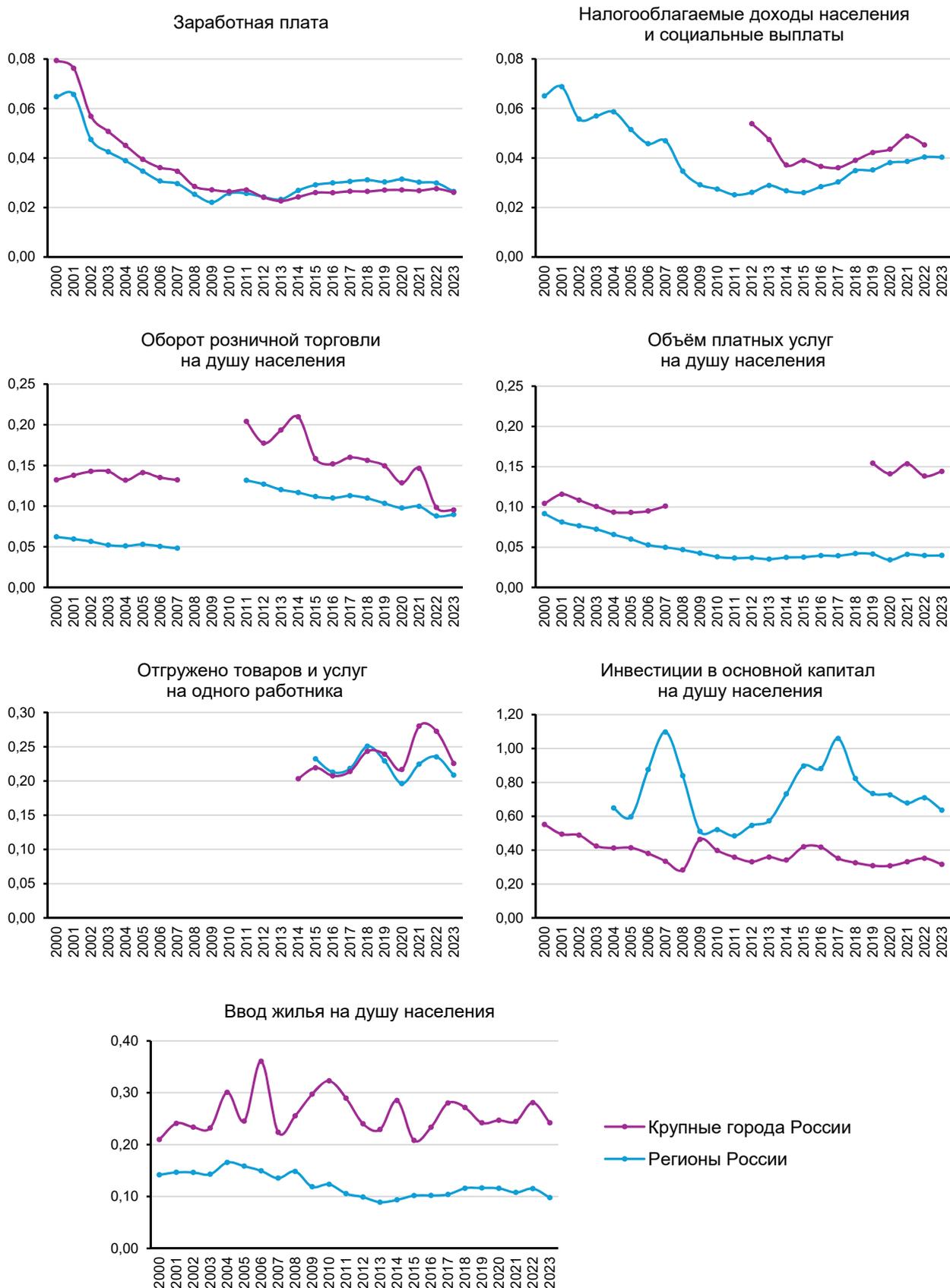

Рисунок 20 – Сравнение динамики невзвешенного индекса Тейла по ключевым социально-экономическим показателям регионов и крупных городов России в 2000–2023 гг. (с учётом корректировки денежных показателей на стоимость жизни)

Источник: рассчитано по данным Росстата.

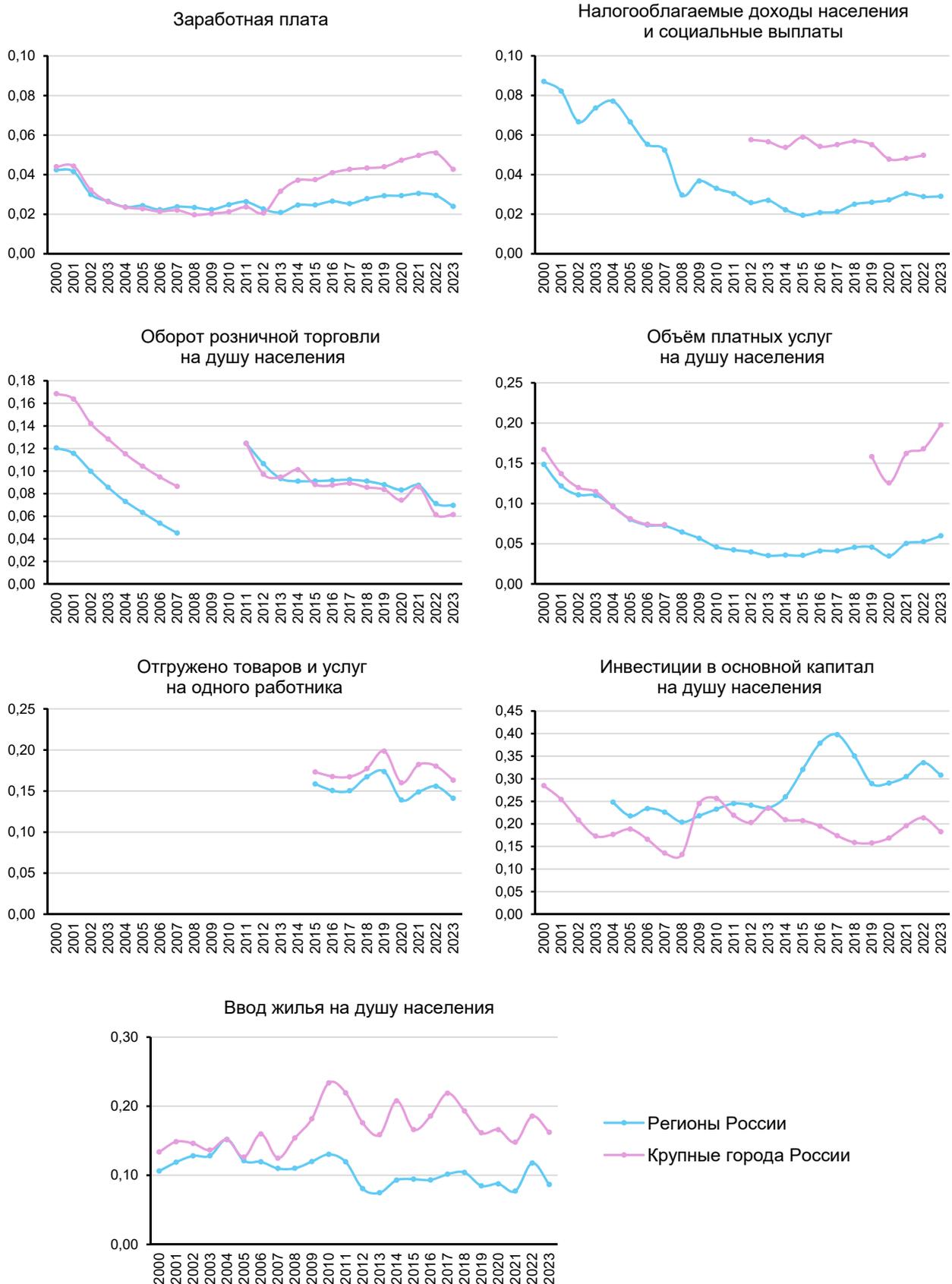

Рисунок 21 – Сравнение динамики взвешенного индекса Тейла по ключевым социально-экономическим показателям регионов и крупных городов России в 2000–2023 гг. (с учётом корректировки денежных показателей на стоимость жизни)

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Если сопоставлять динамику индекса Тейла по крупным городам и регионам за период 2000–2023 гг. по остальным показателям, то можно отметить, что тренды изменения неравенства крупных городов по большинству социально-экономических характеристик, кроме ввода жилья и инвестиций, согласуются с трендами межрегионального неравенства, наблюдаемыми в этот период, и синхронно реагируют на изменения макроэкономической ситуации в стране и кризисные явления, однако волатильность изменений неравенства по городам была более существенной. Учёт средних, малых городов и сельских населённых пунктов, различия в уровне развития которых по всей стране менее велики, обуславливают более сглаженную динамику различий по регионам в сравнении с крупными центрами. Как предполагалось выше, тренды взвешенного неравенства регионов России синхронизированы с динамикой неравенства крупных городов сильнее из-за высокой определяющей роли Москвы и Петербурга как в межрегиональном, так и в межгородском неравенстве.

Небольшие расхождения трендов неравенства регионов и крупных городов России отмечаются по душевым показателям платных услуг и розничной торговли в 2000-х гг. На фоне относительной стабильности невзвешенных межгородских различий по душевому обороту розничной торговли межрегиональные снижались, что было, вероятно, обусловлено быстрым развитием торговли в тот период за пределами крупных городов.

Неравенство регионов по объёму платных услуг снижалось до 2010 г., после чего стабилизировалось: различия в стоимости и объёмах предоставления основных видов услуг – жилищно-коммунальных, бытовых и транспортных – установились на невысоком уровне. В то же время контрасты крупных городов с середины 2000-х гг. возрастали за счёт ускоренного развития прочих видов платных услуг в центрах крупнейших агломераций и городах-миллионниках, концентрирующих наиболее богатые слои населения, в отличие от торговли, которая стала распространяться в более малочисленные населённые пункты.

Однако в 2010-х – 2020-х гг. тренды неравенства регионов и городов по показателям торговли и услуг тоже синхронизировались.

Показатель, по которому тренды неравенства регионов и городов практически не совпадают – инвестиции в основной капитал. Реализация мегапроектов в 2010-х гг. нашла отражение во «всплеске» как взвешенного, так и невзвешенного неравенства

крупных центров, однако вовсе не отразилась на динамике межрегионального неравенства – вероятно, за счёт начала реализации в этот период крупных проектов и за пределами крупных городов. В то же время резкое усиление невзвешенного неравенства регионов произошло в середине 2000-х гг., а затем – взвешенного и невзвешенного – во второй половине 2010-х гг., тогда как различия между крупными центрами в этот период плавно снижались. Рост неравенства регионов в эти годы был вызван большими инвестиционными вложениями в реализацию ресурсных проектов и строительство инфраструктуры в Сахалинской области, Ямало-Ненецком и Ненецком автономных округах, которые были приурочены к слабо освоенным районам. Таким образом, существенные отличия динамики неравенства регионов России по душевым инвестициям в основной капитал от неравенства городов обусловлены тем, что пространственное распределение инвестиций в стране главным образом определяется географией реализации сырьевых и инфраструктурных проектов, часто за пределами крупных центров, прежде всего, в регионах нового освоения.

В остальном синхронность динамики межрегионального и межгородского неравенств в их невзвешенной и взвешенной формах по большинству социально-экономических показателей означает, что территориальное неравенство в России в рассматриваемый период в значительной степени определялось разрывом между крупными городами.

С учётом того, что совокупный вклад крупных городов в социально-экономические показатели регионов и страны составляет по большинству из них около 2/3 или более, синхронность трендов неравенства городов и регионов по большинству параметров даёт основание полагать, что сегодня в России крупные центры и городские агломерации играют определяющую роль в процессах формирования внутристранового пространственного неравенства, т.е. на изменение территориального неравенства в стране можно повлиять в рамках реализации государственной политики в отношении крупных городов.

Глава 4. Факторы социально-экономического неравенства крупных городов России

4.1 Влияние ключевых факторов на формирование неравенства крупных городов России по показателям развития в 2020–2023 гг.¹⁴

Анализ масштабов и пространственной конфигурации социально-экономического неравенства крупных городов России, проведённый в главе 3, показал значительную разнородность трендов и статистических характеристик межгородского неравенства по показателям развития. Большие различия в параметрах неравенства по разным социально-экономическим аспектам развития городов свидетельствуют о том, что межгородские различия по ним могут формироваться под влиянием существенно различающихся факторов, а отсутствие единых и долгосрочных линейных трендов – о динамичности влияния факторных сил и их сменяемости.

В данном параграфе представлены результаты количественной оценки влияния четырёх ключевых факторов на неравенство крупных городов с использованием свойства декомпозиции индекса Тейла (детально методика оценки изложена в параграфе 2.4).

Оценка показала, что из 23 аспектов влияния ключевых факторов 7 в последние годы не показывают существенной значимости в определении дифференциации крупных городов ни по одному показателю или оказывают крайне малое влияние в очень краткосрочный период (с годовыми значениями влияния каждого из 23 оценённых аспектов ключевых факторов на неравенство крупных городов России по каждому показателю развития можно ознакомиться в Приложении Д). К числу таких факторов и их аспектов относятся:

- Численность населения более 1 млн чел.;
- Положение в СЗФО, ЮФО, ПФО, СФО и ДФО;
- Приморское положение с наличием морского порта.

¹⁴ При работе над данным разделом диссертации использованы материалы научных публикаций автора, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования:

1. Медведникова Д. М. Факторы неравномерности развития городов России с населением более 100 тыс. чел. в первых десятилетиях XXI века // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2025. – Т. 88. – № 5. – С. 738–756.

2. Medvednikova D. M. Factors of uneven development of Russian cities with a population of over 100 000 in the first decades of the 21st century // Regional Research of Russia. – 2024. – Vol. 14, Suppl. 1. – P. S86–S100.

Отсутствие значимого влияния численности населения крупных городов более чем 1 млн жителей сперва удивляет, однако при детальном рассмотрении географической конфигурации неравенства крупных городов по ключевым параметрам развития оказывается, что на фоне других крупных центров высокими результатами выделяются только несколько миллионников: Екатеринбург, Краснодар, Казань, Нижний Новгород (Таблица 15).

Таблица 15 – Место городов-миллионников России в рейтинге крупных городов по ключевым показателям социально-экономического развития в 2023 г.

Город-миллионник	Зарботная плата	Налогооблагаемые доходы населения и социальные выплаты (2022 г.)	Оборот розничной торговли на душу населения	Объём платных услуг на душу населения	Отгружено товаров и услуг на одного работника	Инвестиции в основной капитал на душу населения	Ввод жилья на душу населения	Налоговые и неналоговые доходы местного бюджета на душу населения
Волгоград	83	105	30	56	82	49	97	146
Воронеж	68	35	42	60	124	52	41	113
Екатеринбург	27	9	12	5	49	43	18	42
Казань	24	23	15	19	55	14	32	44
Краснодар	43	10	5	9	121	39	2	29
Красноярск	32	48	69	35	88	76	56	30
Нижний Новгород	39	21	10	12	53	24	87	47
Новосибирск	41	28	44	52	119	92	19	40
Омск	57	31	52	58	66	50	121	84
Пермь	67	45	65	68	78	26	62	24
Ростов-на-Дону	55	24	28	17	92	17	23	49
Самара	59	38	38	24	103	79	86	57
Уфа	34	59	47	26	24	28	31	77
Челябинск	61	34	31	49	57	72	108	64

Источник: рассчитано на основе данных Росстата и ГИИС «Электронный бюджет».

Другие миллионники чаще занимают «серединное» положение по параметрам развития, а по отдельным показателям и вовсе занимают последние места: например, Волгоград по обеспеченности налоговыми и неналоговыми доходами местных бюджетов; Воронеж, Новосибирск и Краснодар – по отгрузке товаров и услуг на одного работника; Челябинск – по вводу жилья на душу населения и т.д. Тот факт, что

миллионники очень разнородны по уровню и динамике развития, подтверждает, что наличие миллионной численности не выводит города в число лидеров – лидерство городов в России формируется под воздействием иного сочетания факторов.

Отметим, что в 2023 г. наметился рост значимости влияния фактора положения в Дальневосточном федеральном округе на дифференциацию крупных центров по душевым инвестициям в основной капитал – доля невзвешенного индекса Тейла по показателю, объясняемая влиянием фактора, достигла в 2023 г. 7,5%, однако из-за краткосрочности данной тенденции говорить о существенном влиянии этого фактора на инвестиционное развитие городов пока преждевременно.

Ключевые факторы развития, которые при оценке декомпозиции невзвешенного индекса Тейла для неравенства крупных городов страны показали значимость на уровне более 5% в среднем за последние 5 лет, отражены на схеме (Рисунок 22). Рассмотрим, какие факторы в наибольшей степени влияют на неравенство городов по каждой группе показателей.

Результаты декомпозиции индекса Тейла по факторам для показателей доходов населения показали противоречивые результаты. В дифференциации крупных городов по **заработной плате** работников крупных и средних предприятий наибольшую роль играет фактор географического положения. При этом около 30% зарплатных различий крупных городов определяются расположением города в зоне Крайнего Севера. Этот результат подтверждает, что основное дифференцирующее влияние на уровень зарплат между городами оказывает действие с советского периода северных надбавок к заработным платам на удаленных территориях страны, масштаб которых больше удорожания стоимости фиксированного набора товаров и услуг на этих территориях.

Вторым по значимости влияния на зарплатные различия фактором является специализация на отраслях топливно-энергетического комплекса (7,2% дифференциации). Действие этого фактора пересекается с фактором географического положения, так как добывающие отрасли ТЭК, обеспечивающие работникам более высокие зарплаты, развиваются преимущественно в северных городах Уральского федерального округа, положение в котором также обеспечивало в 2019–2023 гг. 7,6% межгородских различий по зарплате.

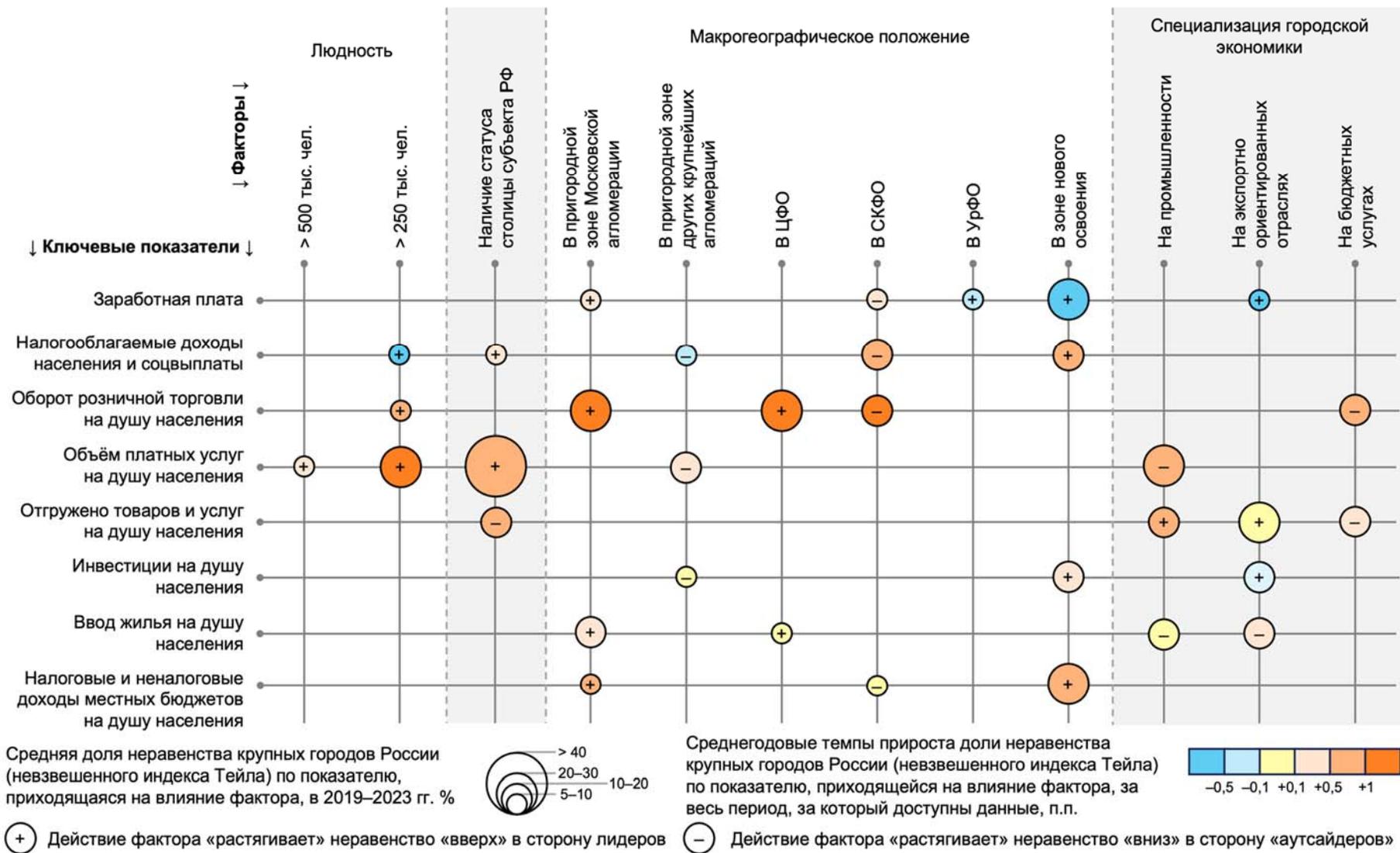

Рисунок 22 – Влияние ключевых факторов на неравенство крупных городов России по показателям уровня развития (оценка с использованием свойства декомпозиции невзвешенного индекса Тейла, без учёта Москвы и Санкт-Петербурга)

Источник: рассчитано по данным Росстата и ГИИС «Электронный бюджет».

Статус региональной столицы, как и специализация на других высокодоходных отраслях экономики, в последние годы несущественно влияют на различия городов по средней зарплате, хотя в начале и середине 2000-х гг. их влияние было чуть более значимым, но доля дифференциации, которую они объясняли, и тогда была менее 5%.

Географическое положение определяет существенную долю различий городов и по **налогооблагаемым доходам горожан и социальным выплатам**, однако влияние положения крупных городов в зоне Крайнего Севера по этому параметру уже проявляется в меньшей степени (13,4% в 2019–2023 гг.) и оказывается сопоставимым по роли с положением городов в СКФО (11,1%), а также их положением в пригородной зоне агломераций без учёта Московской (9,8%).

Сочетание факторов и мера их влияния, наблюдаемые для неравенства крупных городов по заработной плате, оказываются фактически такими же для дифференциации городов по **налоговым и неналоговым доходам бюджета**, что обусловлено значительной зависимостью второго показателя от первого (см. параграф 3.1). Отличие лишь в том, что при рассмотрении различий городов по налоговым и неналоговым доходам бюджетов не проявляется значимость фактора специализации – его влияние, вероятно, нивелируется из-за институциональных особенностей формирования бюджетных доходов муниципальных образований в разных регионах России. Вдобавок влияние факторов географического положения, в особенности положения в зоне действия северных надбавок, на дифференциацию крупных городов по душевым налоговым и неналоговым доходам бюджетов усиливалась, тогда как по зарплате – снижалась в последние годы.

Одновременно для дифференциации крупных городов по **налогооблагаемым доходам жителей** наблюдается несколько иная конфигурация влияющих факторов. Отмечается видимая значимость факторов людности более 250 тыс. чел. (7,0%) при значимой роли наличия статуса региональной столицы (8,1%) и специализации на бюджетных услугах (7,1%). Заметное влияние людности и столичного статуса вкупе с геоположением отчасти может свидетельствовать о проявлении позитивных агломерационных эффектов на доходы населения, однако наиболее вероятно дифференциация городов определяется территориальными особенностями регистрации и учета налогов и выплаты пособий. НДФЛ, по которому рассчитывается объем налогооблагаемых доходов граждан, фиксируется по месту работы, а не

жительства, что может обуславливать завышенные показатели налогооблагаемых доходов в крупнейших центрах и региональных столицах. Аналогично фиксация пособий, ответственность за выплату которых лежит на органах исполнительной власти субъектов РФ, также может фиксироваться Росстатом не по месту выплаты, а в региональном центре. Вдобавок ввиду большой доли теневых доходов в городах Юга, Северного Кавказа и столицах ряда слаборазвитых республик, размер доходов в них оказывается сильно занижен. Дифференцирующая роль северных надбавок на фоне институциональных особенностей сбора и регистрации налогооблагаемых доходов оказывается существенно менее значимой.

Наблюдается слабое влияние всех рассматриваемых факторов на различия крупных городов по душевым **инвестициям**. Наибольшую долю индекса Тейла по этому показателю объясняют фактор положения городов в зоне Крайнего Севера (15,8%) и в пригородной зоне агломераций менее крупных, чем Московская (6,2%). Причём последний фактор растягивает неравенство городов по инвестициям «вниз» в сторону «аутсайдеров», что означает, что близость городов к другим более крупным и центральным ядрам агломераций негативно сказывается на инвестировании в них, т.е. более крупные ядра агломераций «перетягивают» инвестиции на себя.

Одновременно с относительно значительным влиянием фактора положения в зоне Крайнего Севера России высокую значимость показывает и фактор специализации на экспортно ориентированных отраслях (10,0%), прежде всего, на ТЭК, который тесно пересекается с первым, так как многие города, специализирующиеся на добыче топливных ресурсов, сконцентрированы в северных районах. В 2000-х гг. важную роль в дифференциации городов по инвестиционной активности играл фактор их положения в УрФО (12,1% в 2003 г.). Вкупе это отражает существенную роль в распределении инвестиционных потоков по городам присутствия крупнейших промышленных компаний, особенно нефтегазовых, и отчасти удорожания вложений на удаленных территориях.

Однако ввиду волатильности и цикличного характера инвестиций, институциональных особенностей их территориальной фиксации роль и приоритетность факторов, определяющих различия городов по ним, тоже заметно меняется год от года. Например, в середине 2000-х гг. заметная доля дифференциации крупных городов по инвестициям определялась наличием специализации на химии и

нефтехимии (9,9% невзвешенного индекса Тейла в 2006 г.), поскольку в этот период одновременно проводились мероприятия по модернизации крупных нефтехимических заводов в Казани («Казаньоргсинтез»), Уфе («Уфанефтехим», «Уфимский НПЗ», «Ново-Уфимский НПЗ»), Ярославле («Славнефть-ЯНОС»).

На неравенство крупных городов по душевому **объему отгруженных товаров и услуг** в последние годы влияние оказывают только два фактора: специализация и статус региональной столицы. При этом специализация экономики городов на отраслях промышленности (объясняет 15,7% дифференциации), в частности, на экспортно ориентированных отраслях (25,7%) приводит к усилению неравенства за счёт отрыва вперёд городов-лидеров, в то время как специализация на бюджетных услугах, которая де-факто означает отсутствие выраженной специализации хозяйства города и депрессивное состояние городской экономики, вытягивает неравенство по параметру вниз, определяя 11,8% межгородских различий в последние годы. В слаборазвитых городах, в экономике которых сектор бюджетных услуг играет наибольшую роль, закономерно очень низки масштабы отгрузки – их отставание и усиливает разрыв.

Удельный объем отгруженных товаров в региональных столицах в среднем ниже, чем в нестоличных промышленных центрах, и разрыв по показателю между столицами и нестоличными городами в последние годы возрастал (вклад фактора вырос с 10,1% в 2015 г. до 15,0% в 2023 г.). Это было обусловлено в первую очередь высокими темпами роста отгрузки в нестоличных центрах добычи и переработки нефти и газа вследствие роста цен на нефтегазовые ресурсы, но, возможно, отчасти связано с начавшимся в ряде столичных городов процессом выноса вредных производств за пределы городской черты.

В 2000-х гг. дифференциация крупных городов по **обороту розничной торговли** определялась людностью – объемом платежеспособного спроса населения (вклад факторов людности городов более 250 и 500 тыс. чел. держался в 2000-х гг. на уровне около 15%), и в значительной степени статусом региональной столицы (среднее значение влияния фактора – 11,9% в 2000–2007 гг.), туда в середине 2000-х гг. в первую очередь стали распространяться крупные торговые сети. К 2023 г. роль столичности нивелировалась в результате завершения процесса диффузии сетей по иерархии городов, и фактор столичности перестал быть значимым. При этом в последние годы кратно выросло влияние фактора географического положения на дифференциацию

городов по развитости розничной торговли. Ускоренный рост душевого оборота розницы в 2010-х гг. наблюдался в городах Центрального федерального округа – причем в последние годы не только в городах ближайшего Подмосковья, но и в региональных столицах соседних регионов, а также в городах ЮФО. Масштабный рост розницы в городах этих округов был обусловлен как ростом численности населения вследствие активного миграционного притока, так и роста туристкой привлекательности этих городов, особенно в последние годы в результате развития внутреннего туризма. В результате сегодня четверть неравенства крупных городов по розничной торговле объясняется фактором близости к Москве (24,9% в среднем в 2019–2023 гг.), 22% неравенства – положением городов в ЦФО. Отмечается и негативное влияние фактора положения крупных городов в СКФО на уровне 13,0% за счёт значительного отставания статистически фиксируемого оборота розницы в городах Северного Кавказа и ухода значительной части товарооборота в тень.

Если роль столичного статуса в формировании различий крупных городов по обороту розничной торговли к сегодняшнему дню нивелировалась, в контрастах по душевому **объёму платных услуг** населению с 2000 г. этому фактору отводится самая большая роль (40,9% дифференциации в среднем в 2019–2023 гг.). Меньшую, но сопоставимо важную дифференцирующую роль играет людность (по критерию наличия населения более 250 тыс. чел. – 24,3%), а вот факторы географического положения оказываются практически не значимы в формировании различий городов по развитости платных сервисов, за исключением положения вблизи крупных агломераций кроме Московской. При этом последний фактор, как и по инвестициям, оказывает негативное влияние на развитие платных сервисов в крупных центрах и способствует растягиванию неравенства городов «вниз»: из-за близости к более крупным городам-ядрам в пригородных центрах услуги развиваются существенно медленнее, так как рынок их платных сервисов проигрывает по разнообразию и охвату тому, который сложился в ключевом агломерационном ядре.

Таким образом, объем спроса и «центральность» места все еще продолжают значимо влиять на развитие платных услуг в крупных городах: крупнейшие и столичные города предлагают больший набор услуг, а виды услуг, занимающие в структуре платных наибольшие доли (ЖКУ и городской транспорт) в них в среднем дороже, чем во вторых и третьих городах, в том числе пригородных.

В дифференциации крупных городов по **вводу жилья** закономерно наибольшую роль играет географическое положение, прежде всего, близость к Московской агломерации (14,5% дифференциации городов по индексу Тейла в 2019–2023 гг.). Примечательно, что ни в последние годы, ни в более ранние не показал своей значимости фактор людности городов. Это означает, что фокусами строительства нового жилья сегодня является узкая и разнородная группа миграционно привлекательных центров, таких как Калининград, Краснодар, Тюмень и пр., расположенных в разных макрорегионах. Стоит также отметить ослабевание вклада в дифференциацию городов по душевому вводу жилья фактора статуса региональной столицы (с 8,4% в 2000 г. до 2,8% в 2023 г.), что синхронизируется с трансформацией миграционных приоритетов россиян с внутрирегиональной миграции с периферии в региональный центр в пользу межрегиональной миграции в ограниченное число крупнейших центров, отмеченной в [Карачурина, 2020].

Таким образом, результаты проведенной оценки влияния факторов доказывают, что четыре ключевых фактора по-разному влияют на неравенство крупных городов России по каждому показателю социально-экономического развития.

Сильные различия городов России по экономическим показателям душевых инвестиций и объёма отгруженных товаров и услуг на одного работника не приводят к большим контрастам по доходам населения, поскольку они формируются под действием разных факторов: если дифференциация по инвестициям и отгрузке зависит от специализации экономики городов, то по зарплате, налогооблагаемым доходам населения и, как следствие, налоговым и неналоговым доходам местных бюджетов она в первую очередь зависит от географического положения в районах действия северных надбавок, в пригородах агломераций или на Северном Кавказе, где высока доля теневой экономики и статистически фиксируемые доходы оказываются занижены.

Статус региональной столицы и людность, отражающие «центральность» места города в системе расселения, играют определяющую роль в неравенстве городов только по платным услугам и, отчасти, по душевому обороту розничной торговли и налогооблагаемым доходам населения. При этом людность более 1 млн жителей значимо не влияет на дифференциацию крупных городов ни по одному показателю: города-миллионники оказываются очень неоднородны по уровню развития, в лучшую

сторону и только по отдельным показателям выделяются Екатеринбург, Краснодар, Казань, Нижний Новгород.

Ключевым географическим фактором неравенства крупных городов становится фактор пригородного положения в агломерациях: он значимо влияет на дифференциацию городов почти по всем параметрам развития, при этом его влияние в последние годы усиливается и проявляется разнопланово.

Близость к Москве позитивно влияла на развитие крупных городов, прежде всего, на уровень зарплаты, душевого ввода жилья и оборота розничной торговли в них. Вследствие активизации экономического освоения пригородной зоны Московской агломерации во второй половине 2000-х гг. к началу 2010-х гг. агломерационное положение вблизи столицы вывело крупные центры Подмосковья в число городов-лидеров по этим показателям. При этом положение городов в пригороде других крупных центров России пока скорее негативно влияет на уровень доходов, развитие платных сервисов и инвестиции в них (Батайск, Копейск, Новочебоксарск, Артём, Прокопьевск и др.), поскольку города-главные ядра агломераций перетягивают эти ресурсы на себя. Иначе говоря, позитивных агломерационных эффектов в агломерациях России, за исключением Московской, пока не наблюдается.

Однако проведённая с использованием свойства декомпозиции индекса Тейла оценка показывает, что дифференциация крупных городов зависит не только от четырёх факторов, которые считаются ключевыми: за исключением платных услуг по всем показателям эти факторы суммарно объясняют не более половины различий, измеренных индексом Тейла. Это указывает, что действительно в ходе постсоветской трансформации имеет место сдвиг от четырёх «объективных» к «субъективным» факторам развития городов согласно схеме О.Ю. Голубчикова и А.Г. Махровой (см. параграф 1.2, Рисунок 2).

4.2 Финансово-долговая устойчивость крупных городов России как фактор их социально-экономического неравенства в 2015–2023 гг.¹⁵

Как показано в предыдущем разделе, различия в уровне социально-экономического развития городов России определяются не только четырьмя ключевыми объективными факторами людности, статуса, географического положения и специализации. В предыдущих исследованиях указывается, что в процессе постиндустриальной трансформации всё большую роль приобретают институциональные факторы развития (см. Рисунок 2 в параграфе 1.2), количественно оценить влияние которых затруднительно. В то же время качество местного самоуправления, развитость инфраструктуры и городской среды в первую очередь зависят от наличия у городов бюджетных ресурсов, которые можно измерить. В данном параграфе представлены результаты оценки финансовых возможностей крупных городов как фактора, дифференцирующего их развитие и альтернативного четырём объективным, рассмотренным ранее.

Фискальные возможности крупных центров было решено измерить посредством оценки уровня их долговой нагрузки (см. методику оценки в параграфе 2.5). Масштаб муниципального долга и уровень закредитованности муниципалитета является отражением того, хватает ли ему средств на развитие или наоборот. В случае, если муниципального долга нет, фискальную ситуацию в муниципалитете можно оценивать как устойчивую – у таких муниципалитетов хватает средств на развитие в рамках своих полномочий, что может служить для них фактором, способствующим опережающему развитию в сравнении с другими городами. Высокий уровень долга, наоборот, может расцениваться как негативный фактор, который сдерживает развитие городов.

Как показывают исследования последних лет (см. параграф 1.3), у муниципалитетов в России полномочия по управлению собственным развитием

¹⁵ При работе над данным разделом диссертации использованы материалы научных публикаций автора, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования:

1. Медведникова Д. М. Факторы дифференциации долговой ситуации в городских округах России с населением более 100 тыс. чел. в 2015–2020 гг. // Региональные исследования. – 2021. – № 4 (74). – С. 29–45.

2. Medvednikova D. M. Differentiation factors of the debt situation in Russian urban okrugs with over 100 000 residents in 2015–2020 // Regional Research of Russia. – 2022. – Vol. 12, No. 4. – P. 531–543.

3. Землянский Д. Ю., Медведникова Д. М. Долги крупнейших городов России // Бюджет. – 2021. – № 10. – С. 66–73.

4. Землянский Д. Ю., Медведникова Д. М. Муниципальный долг крупных городских округов России в 2015–2020 годах // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика 2021: сборник научных статей / Под ред. А.П. Катровского и др. – Смоленск: Изд-во Смол. гос. ун-та, 2021. – С. 284–295.

довольно ограничены. Более динамичное развитие экономики зачастую не находит отражения в росте доходов бюджетов городов из-за особенностей распределения налоговых поступлений по уровням бюджетной системы. В результате неравенство крупных городов по обеспеченности налоговыми и неналоговыми доходами оказывается низким в сравнении с такими показателями развития экономики городов, как отгрузка товаров и услуг на одного работника и инвестиции на душу населения (см. Рисунок 6 в параграфе 3.1), и зависит фактически от уровня доходов горожан.

После того, как за период 2012–2014 гг. доля поступлений от НДФЛ, зачисляемая в местные бюджеты, была снижена с 30% сначала до 20%, а затем до 15% [Федеральный..., 2011; Федеральный..., 2013], тренд неравенства крупных городов по обеспеченности налоговыми и неналоговыми доходами сменился со снижения на рост (Рисунок 23), но масштабы межгородского неравенства по показателю на фоне других параметров всё равно остались невысоки (индекс Тейла для невзвешенного неравенства крупных городов по показателю вырос с 0,079 до 0,112 ед. или на 41,6%).

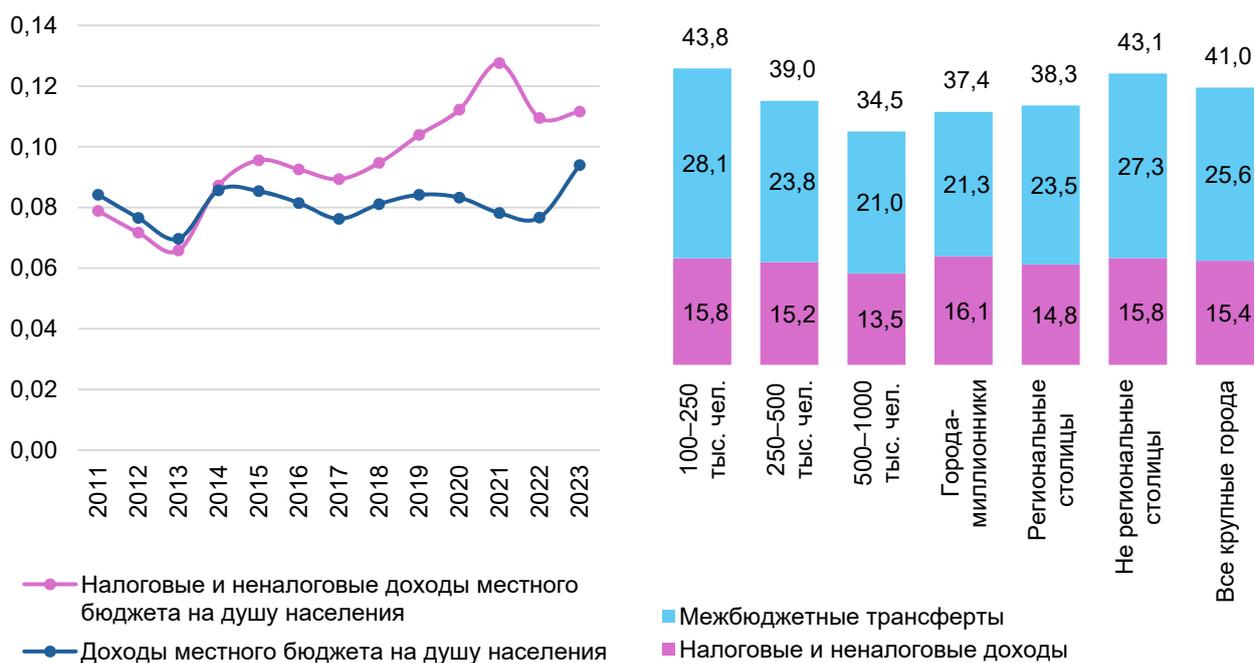

Рисунок 23 – Невзвешенный индекс Тейла для неравенства крупных городов России по обеспеченности населения доходами местного бюджета в 2011–2023 гг., ед. (левый график) и обеспеченность доходами местного бюджета на одного жителя с учётом корректировки на стоимость жизни в среднем за 2019–2023 гг. в крупных городах разного статуса и людности, тыс. руб. / чел. (правый график)

Источник: рассчитано по данным Росстата и ГИИС «Электронный бюджет».

Одновременно трансферты крупным городам в этот период стали всё сильнее играть выравнивающую роль, хотя бюджетная политика регионов в отношении

муниципалитетов различается. Несмотря на рост межгородских различий по обеспеченности налоговыми и неналоговыми доходами местных бюджетов, неравенство крупных городов по совокупной бюджетной обеспеченности оставалось практически неизменным на всём протяжении 2010-х гг. на уровне около 0,008 ед. индекса Тейла.

В результате на фоне и так низких доходов местных бюджетов (суммарно в них поступает только 5–6% всех собранных налогов) сегодня бюджетные возможности всех крупных городов оказываются практически равными. Однако динамично развивающимся крупным городам требуется больше ресурсов, и поскольку они их недополучают, им приходится прибегать к заимствованиям: более 80% всего муниципального долга в России приходится на крупные города.

По данным на 1 января 2024 г. совокупный объём муниципального долга 165¹⁶ крупных городов России с населением более 100 тыс. чел. достиг 330,5 млрд руб., что составляет 83,1% от всего объёма долга муниципалитетов России. При этом объём долга крупных городов, для которых с 2015 г. имеется непрерывный ряд данных о долге, за этот период вырос на 25,7% в номинальном выражении: с 245,1 млрд руб. до 308,2 млрд (Рисунок 24).

Тренды динамики совокупного муниципального долга крупных городов России в 2015–2023 гг. были синхронны с трендами изменения совокупного муниципального долга всех муниципальных образований страны и во многом определяли их из-за большого вклада крупных центров в долг всех муниципалитетов. Долг городов непрерывно рос до 2020 г., после чего по итогам 2021 и 2022 гг. снизился в результате предоставления части регионов и их муниципалитетов федеральной помощи на погашение долгов и реструктуризацию задолженности, потребовавшейся после кризиса пандемии 2020 г. [Остатки..., 2022], а в 2023 г. снова вырос и достиг максимума за рассматриваемый период. При этом муниципальный долг городов рос заметно быстрее, чем суммарный долг муниципальных образований России, особенно до 2020 г. В результате вклад крупных городов России в общий объём муниципального долга значительно вырос за рассматриваемые девять лет: если в 2015 г. доля в долге

¹⁶ Учитываются 162 крупных города России без учёта Москвы и Санкт-Петербурга, для которых проводился анализ межгородского социально-экономического неравенства в главе 3, а также три крупных города Республики Крым, входящие в состав муниципальных образований: Евпатория, Керчь и Симферополь.

тех городов, по которым имеются непрерывные данные, составляла 71,7%, то в 2023 г. – уже 77,5%.

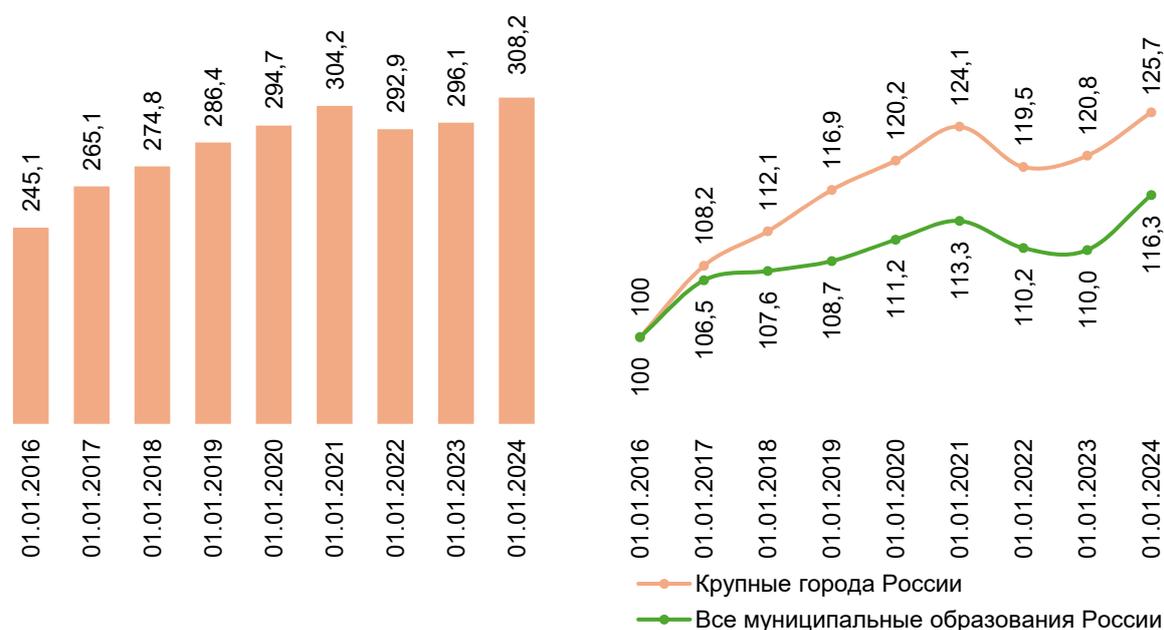

Рисунок 24 – Объём (в млрд руб.) муниципального долга крупных городов России по итогам 2015–2023 гг. (диаграмма слева) и его динамика в сравнении с динамикой совокупного объёма муниципального долга в России по всем муниципальным образованиям (в % к уровню 1 января 2016 г., диаграмма справа)

Примечание – Диаграммы составлены по 136 крупным городам России, по которым есть непрерывный ряд данных об объёме муниципального долга без пропусков за весь рассматриваемый период.

Источник: составлено по данным о муниципальном долге, собранным из ГИИС «Электронный бюджет», мониторингов местных бюджетов Минфина России и открытых источников.

В структуре совокупного объёма долга крупных городов в 2023 г. преобладают более «дешёвые» в обслуживании (с более низкими кредитными ставками) бюджетные кредиты из бюджетов вышестоящих уровней – их доля составляет 58,9% долга крупных центров или 194,6 млрд руб. (Рисунок 25, Таблица 16). Однако до 2021 г., когда регионам и муниципалитетам была предоставлена обильная федеральная поддержка на решение долговых проблем, ситуация была иной, и в структуре долга крупных городов преобладал самый «дорогостоящий» вид заимствований – кредиты коммерческих организаций. До 2021 г. их доля в структуре долга крупных центров составила более чем 2/3. Интенсивное наращивание коммерческих кредитов крупными городами происходило в 2015–2017 гг., при этом доля бюджетных кредитов в структуре долга крупных центров не превышала 1/4. У большинства крупных городов (94 из 164, по которым за этот год имеются данные о структуре долга) в 2020 г. в

структуре заимствований бюджетных кредитов не было и долг состоял преимущественно из дорогих коммерческих займов.

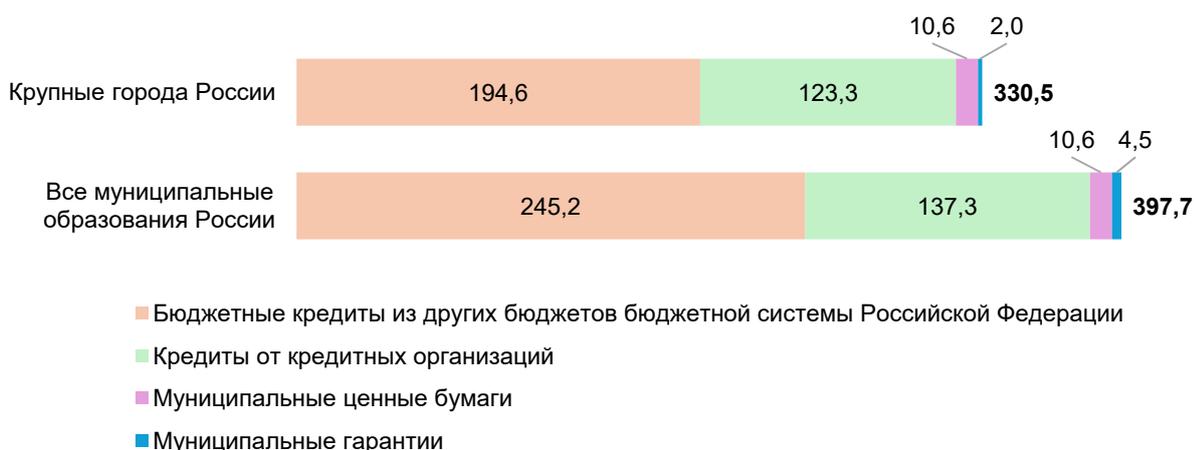

Рисунок 25 – Объем муниципального долга крупных городов России и всех муниципалитетов страны в 2023 г. в разрезе видов заимствований, млрд руб.

Источник: составлено по данным о муниципальном долге, собранным из ГИИС «Электронный бюджет», мониторингов местных бюджетов Минфина России и открытых источников.

Таблица 16 – Структура муниципального долга крупных городов в сравнении со всеми муниципалитетами России по видам заимствований в 2015, 2019 и 2023 гг., %

Вид муниципальных заимствований	Крупные города России			Все муниципальные образования России		
	01.01.2016	01.01.2020	01.01.2024	01.01.2016	01.01.2020	01.01.2024
Бюджетные кредиты	22,5	20,5	58,9	30,1	24,2	61,7
Кредиты от кредитных организаций	66,6	71,5	37,3	60,1	68,3	34,5
Муниципальные ценные бумаги	4,7	6,7	3,2	3,0	5,6	2,7
Муниципальные гарантии	6,3	1,2	0,6	6,9	1,9	1,1

Примечание – Структура муниципального долга по видам заимствований для крупных городов России за каждый из представленных периодов оценивалась по тем городам, по которым заполнены данные.

Источник: составлено по данным о муниципальном долге, собранным из ГИИС «Электронный бюджет», мониторингов местных бюджетов Минфина России и открытых источников.

Доля в структуре долга крупных городов муниципальных гарантий и ценных бумаг малозначительна, суммарно эти виды займов составляли за рассматриваемый

период немногим более 10% заимствований крупных центров, а последние годы их доля понизилась до 0,6% и 3,2% соответственно.

Сравнение структуры муниципального долга крупных городов со всеми муниципальными образованиями России показывает, что заимствования для городов сегодня всё ещё обходятся в значительной степени дороже, чем другим муниципальным образованиям: доля коммерческих кредитов в структуре долга крупных центров на 2,8 п.п. выше, чем в среднем по муниципалитетам страны, хотя в последние годы этот разрыв сокращался (с 6,5 п.п. по итогам 2015 г.). При этом только крупные города осуществляют заимствования в форме муниципальных облигационных займов – объём данных видов долговых обязательств городов покрывает весь объём муниципальных ценных бумаг муниципалитетов России (10,6 млрд руб. в 2023 г.).

Во второй половине 2010-х гг. в среднем для городов России с населением более 100 тыс. чел. был характерен относительно повышенный уровень долговой нагрузки: отношение муниципального долга к сумме налоговых и неналоговых доходов их местных бюджетов на конец 2020 г. превышало 40% (Рисунок 26), а в среднем по крупным городам доля долга в налоговых и неналоговых доходах бюджетов была близка к 40%. Средневзвешенная долговая нагрузка крупных городов была в 2015 г. в 1,5 раза, а в 2020 г. – уже в два раза выше средневзвешенной по всем муниципалитетам страны. В том числе к большой долговой нагрузке городов приводило преобладание в структуре их долга «дорогих» коммерческих кредитов, которые возможно выплатить только в течение долгосрочного периода.

Однако в результате снижения муниципального долга с федеральной помощью в 2021 и 2022 гг., а также ускорения темпов роста налоговых и неналоговых доходов бюджетов крупных городов в результате роста доходов горожан на фоне кадрового дефицита, после 2020 г. средний уровень долговой нагрузки крупных городов существенно снизился и в 2023 г. уже составил около 30%. Исходя из того, что эта величина значительно ниже 50%, можно констатировать, что в целом по крупным городам России ситуация с долговой нагрузкой относительно благоприятная и на современном этапе далека от критической.

Рисунок 26 – Средняя и средневзвешенная долговая нагрузка крупных городов России в сравнении со всеми муниципалитетами страны в 2015–2023 гг., %

Примечание – При расчёте средних и средневзвешенных значений долговой нагрузки за каждый год учитывались те крупные города, по которым доступны данные за этот год.

Источник: составлено по данным о муниципальном долге, собранным из ГИИС «Электронный бюджет», мониторингов местных бюджетов Минфина России и открытых источников.

Тем не менее, разрыв в уровне долговой нагрузки между городами-стотысячниками и другими муниципалитетами в 2020-х гг. не сократился и сохранился на уровне 1,7 раза. Таким образом, на фоне общего улучшения ситуации с муниципальным долгом в стране, в крупных городах долговая ситуация сохранилась более напряжённой. Вдобавок, несмотря на низкие средние значения долговой нагрузки по крупным городам, долговая ситуация между ними сильно различается.

Распределение крупных городов по уровню долговой нагрузки показывает, что для большинства из них (134 или 81,2% крупных городов) в 2023 г. характерен высокий уровень финансово-долговой устойчивости, при котором муниципальный долг ниже 50% налоговых и неналоговых доходов местного бюджета (Таблица 17). При этом только у 31 крупного города муниципальный долг отсутствовал. Преимущественно это города-центры добывающих регионов, а также геостратегически значимых регионов Дальнего Востока и Северного Кавказа, Крымского полуострова (Рисунок 27).

Таблица 17 – Распределение крупных городов России по уровню финансово-долговой устойчивости в 2015, 2019 и 2023 гг.

Уровень финансово-долговой устойчивости	Уровень долговой нагрузки	Кол-во крупных городов с соответствующим уровнем долговой нагрузки, ед.			Доля крупных городов с соответствующим уровнем долговой нагрузки от общего числа городов, по которым имеются данные, %		
		01.01. 2016	01.01. 2020	01.01. 2024	01.01. 2016	01.01. 2020	01.01. 2024
Высокий	Муниципальный долг отсутствовал	26	28	31	18,4	17,0	18,8
	Менее 50%	69	88	103	48,9	53,3	62,4
Средний	От 50 до 85%	33	36	27	23,4	21,8	16,4
Низкий	От 85 до 100%	11	8	2	7,8	4,8	1,2
Критично низкий	Более 100%	2	5	2	1,4	3,0	1,2
Итого крупных городов, по которым есть данные о муниципальном долге		141	165	165	100,0	100,0	100,0

Источник: рассчитано по данным Росстата и ГИИС «Электронный бюджет».

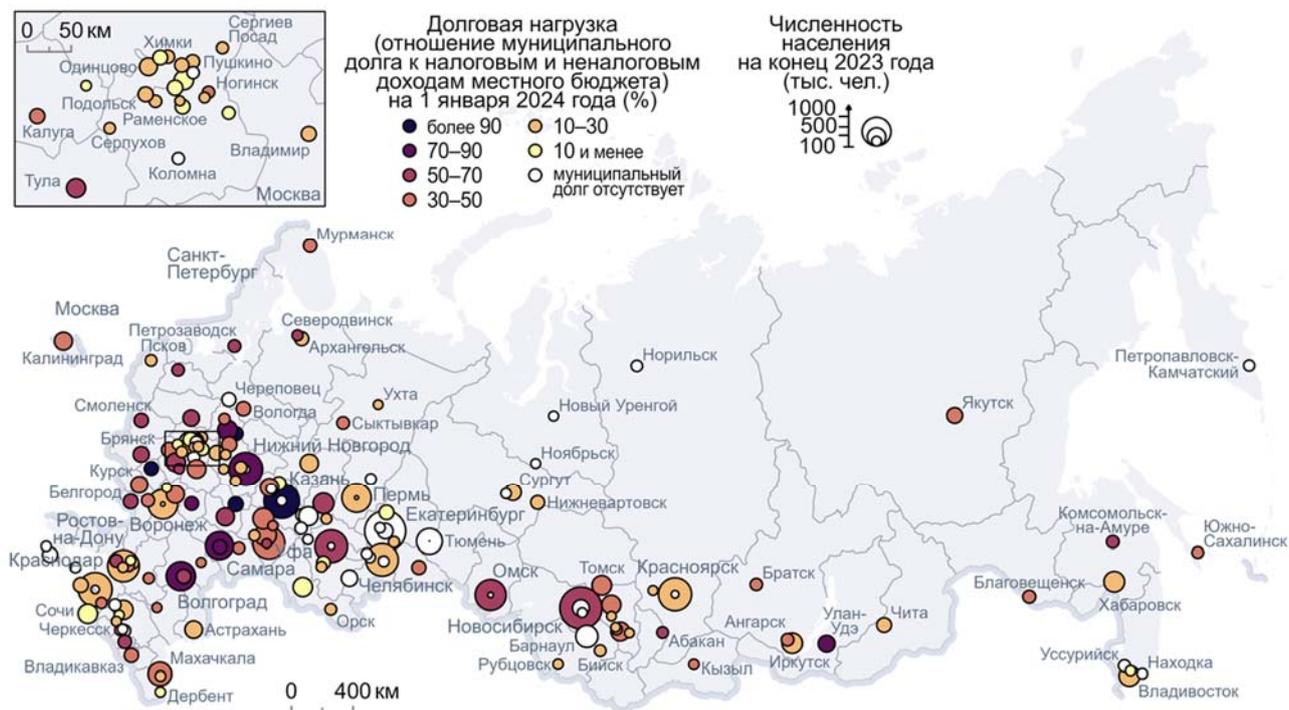

Рисунок 27 – Долговая нагрузка крупных городов России на 1 января 2024 г.

Источник: рассчитано по данным Росстата и ГИИС «Электронный бюджет».

Помимо перечисленных городов, наилучшее долговое положение – низкие показатели долговой нагрузки и высокий уровень финансово-долговой устойчивости – характерны и для других «богатых» городов с высокими налоговыми доходами

бюджета. Среди них города, находящиеся в зоне Московской агломерации, многие промышленные центры Урала.

Финансово-долговая устойчивость крупных городов страны в последние годы возрастала: доля центров с высокой устойчивостью выросла с 67,3% в 2015 г. до 81,2% в 2023 г., при этом значительно сократились доли городов со средней (с 23,4% до 16,4%) и низкой долговой устойчивостью (с 7,8% до 1,2%).

И хотя общее число крупных городов с низким и критично низким уровнями финансово-долговой устойчивости с 2015 г. сократилось с 13 до 4, в двух городах долговая нагрузка осталась на уровне выше объёма налоговых и неналоговых доходов, что де-факто запрещено Бюджетным кодексом РФ – это Саранск и Казань. Низкий уровень финансово-долговой устойчивости при долговой нагрузке около 90% также характерен для Костромы и Орла, в которых резкое повышение долга по разным причинам произошло в 2016–2017 гг.

Всего за период 2015–2023 гг. в 10 крупных городах хотя бы за один год был превышен порог требований Бюджетного кодекса по объёму долга, среди них: Орёл, Саранск, Белгород, Кострома, Саратов, Ижевск, Уфа, Энгельс, Смоленск, Казань, – все, кроме Энгельса, имеют статус столиц субъектов Российской Федерации.

В большинстве случаев превышение допустимых Бюджетным кодексом РФ порогов долговой нагрузки формируется за счёт накопления в городе в течение нескольких лет значительной нехватки бюджетных средств на реализацию полномочий. Однако нередко сверхбольшой долг формируется и в результате выдачи городу больших бюджетных кредитов на реализацию крупных проектов федерального масштаба или же дорогостоящих, но остро необходимых для города инфраструктурных проектов. Например, в Казани экстремальные значения долговой нагрузки (отношение долга к налоговым и неналоговым доходам в среднем за 2015–2023 гг. составляет 174,2%) обусловлены выдачей городу бюджетного кредита на проведение Универсиады-2013; в Саранске (130,6%) бюджетный кредит был получен на подготовку к проведению Чемпионата мира по футболу-2018.

В случае Казани и Саранска вынужденное для города использование бюджетных кредитов на реализацию общенациональных задач (на проведение международных мероприятий) в итоге ложится в виде долгового бремени на сам муниципалитет и существенно ограничивает возможности новых заимствований на реализацию

проектов развития. В значительном числе таких случаев бюджетные возможности городов не позволяют погасить долг, и задолженность «прощается» им региональными властями: долг списывается за счёт средств из регионального бюджета. Это отразилось в резком снижении долговой нагрузки в 2021 г. во многих из перечисленных городов с экстремальными размерами долга.

Интересна наблюдаемая дифференциация долговой нагрузки между городами разной людности (Рисунок 28).

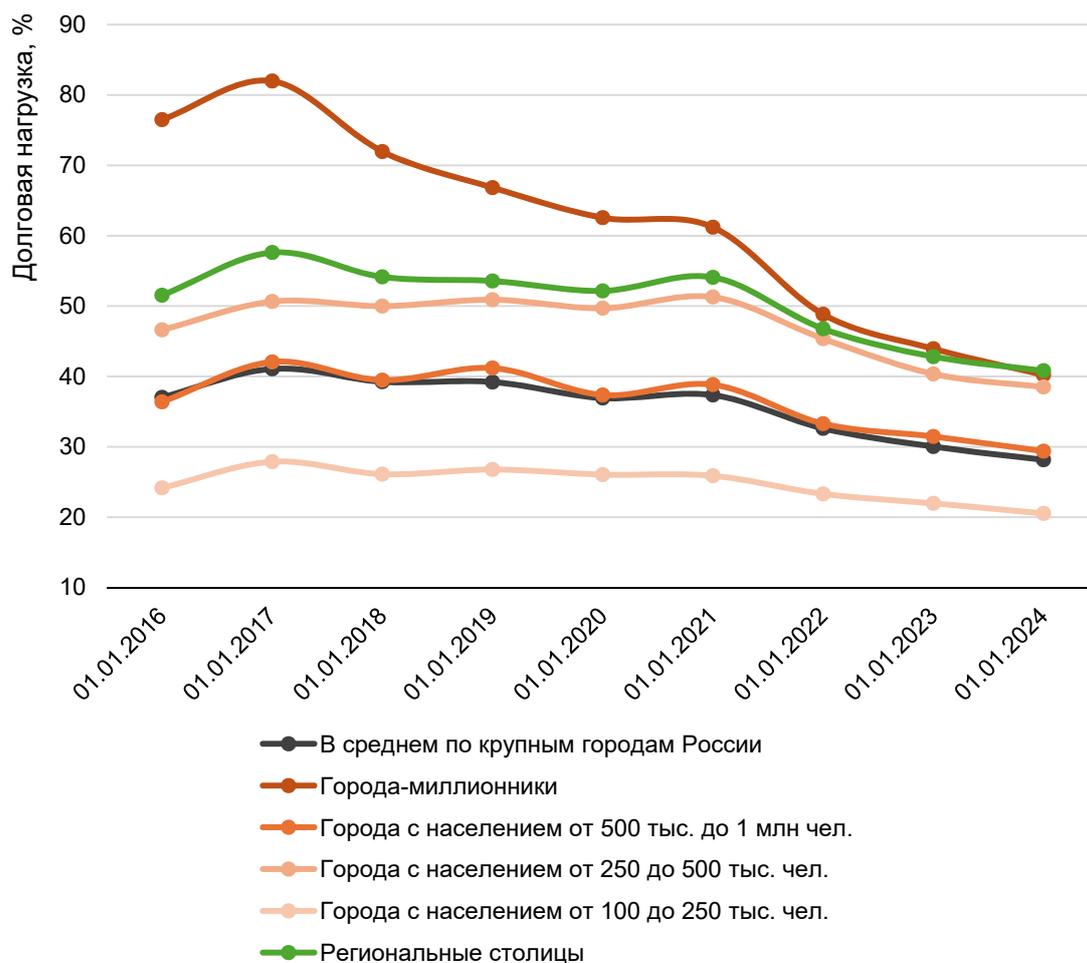

Рисунок 28 – Средний уровень долговой нагрузки крупных городов России в 2015–2023 гг. в разрезе их людности, %

Примечание – При расчёте средних значений долговой нагрузки за каждый год учитывались те крупные города, по которым доступны данные за этот год.

Источник: составлено по данным Росстата, ГИИС «Электронный бюджет» и открытых источников сведений о муниципальном долге.

Самыми закредитованными и характеризующимися самыми высокими показателями долговой нагрузки являются крупные города-миллионники и региональные столицы. В этих группах городов в 2023 г. в среднем отношение муниципального долга к налоговым и неналоговым доходам бюджета составляет

40,2% и 40,8% соответственно, что в 1,5 раза превышает среднее по крупным городам. Во второй половине 2010-х гг. долговая нагрузка у миллионных центров была вдвое выше, а в 2016 г. средний её уровень превышал 80% – финансово-долговое положение большинства крупнейших агломераций (Казань, Уфа, Красноярск, Волгоград, Нижний Новгород) было близко к критическому.

Долговые показатели региональных столиц в 2010-х гг. не были так велики, но превышали современные значения в 1,5 раза. В особенности высоким оказывается долг в столицах регионов Центральной России.

Повышен и средний уровень долговой нагрузки у городов с населением от 250 до 500 тыс. чел. (38,5% в 2023 г.), многие из них являются региональными центрами. При этом города с численностью населения от 500 до 1 млн чел. характеризуются средними показателями долговой нагрузки, соответствующими среднестатистическим по всем вместе взятым крупным городам. Города с численностью от 100 до 250 тыс. чел. характеризуются самыми благоприятными показателями долгового положения. Долговая нагрузка в них в среднем составляет лишь около 20% объёма налоговым и неналоговых доходов бюджета.

Динамика долговой нагрузки в крупных городах страны в последние годы была разнонаправлена (Рисунок 29). Среди 115 городов, у которых имеются данные за 2015 и 2023 гг. и за этот период имелся муниципальный долг, долговая нагрузка выросла в 2020 г. в сравнении с 2015 г. у 38 городов, тогда как у 77 городов она снизилась. Рост долговой нагрузки в большинстве крупных центров не был значительным, при этом в 20 городах она увеличилась на более чем 10 п.п. Половина из них – региональные центры, в основном субъектов Центральной России (Орёл – +47,1 п.п.; Тверь – +35,0 п.п.; Рязань – +31,5 п.п.; Тула – +17,3 п.п.), испытывающие существенные проблемы с налоговыми поступлениями в бюджет в связи с интенсивным старением населения и медленным относительно других территорий ростом доходов населения.

Заметное (более чем на 20 п.п.) снижение долговой нагрузки было характерно для 37 крупных городов, в том числе для многих промышленных центров (Невинномысск – -53,3 п.п., Рыбинск – -33,7 п.п., Тольятти – -38,9 п.п.). До 2021 г. в основном снижение долговой нагрузки происходило именно во вторых городах и в некоторых миллионниках (Воронеж, Уфа, Казань), а центры субъектов преимущественно наращивали долговую обременённость. Но с 2021 г. значительная

федеральная поддержка по улучшению долговой ситуации была направлена в региональные столицы, в результате чего многим из них в последние несколько лет также удалось значительно сократить долги (Воронеж – -67,5 п.п. в 2023 г. к 2015 г.; Калуга – -57,8 п.п.; Астрахань – -41,7 п.п.; Краснодар – -45,5 п.п.).

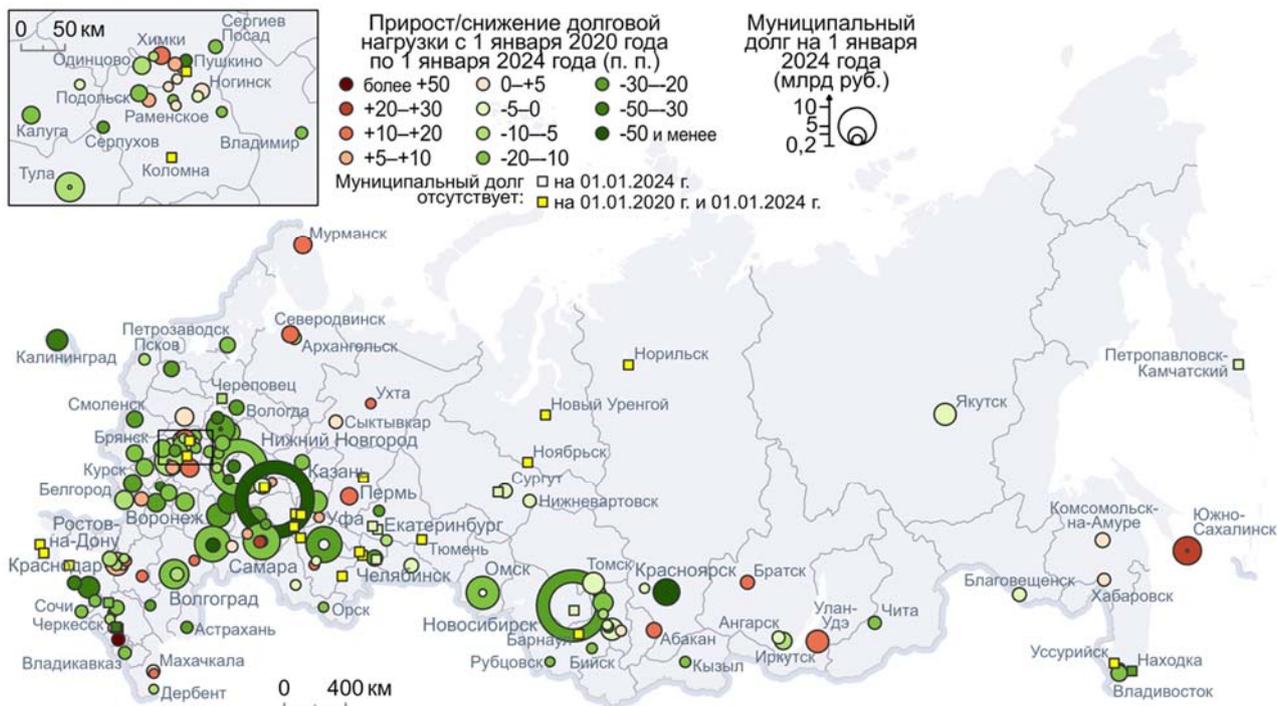

Рисунок 29 – Прирост / убыль долговой нагрузки в крупных городах России на 1 января 2024 г. в сравнении с 1 января 2020 г.

Источник: составлено по данным Росстата, ГИИС «Электронный бюджет».

Примерно у половины крупных городов, имевших в тот или иной год с 2015 по 2023 гг. муниципальный долг, он чаще всего состоял из двух видов заимствований. Ещё около трети городов имели в структуре долга только один вид займов. Сразу тремя видами долга за период 2015–2023 гг. ежегодно пользовались в среднем только 10 крупных городов (от 18 в 2015 г. до 5 в 2023 г.). Ни в одном городе за рассматриваемый период муниципальный долг не включал одновременно все четыре вида займов.

Преимущественно, долг городов формируется за счёт комбинации коммерческих и бюджетных кредитов (Рисунок 30). По состоянию на 1 января 2024 г. долг 43 и 134 крупных городов России, у которых в этот год имелись заимствования, состоял только из бюджетных кредитов, ещё в 41 городе они составляли более половины долга. Коммерческие кредиты полностью формировали муниципальный долг 12 городов, среди которых многие региональные столицы регионов Российского

Севера (Архангельск, Мурманск, Вологда) и ряда других (Хабаровск, Ставрополь), и составляли более половины долга ещё в 34 городах, из них 14 – региональные центры.

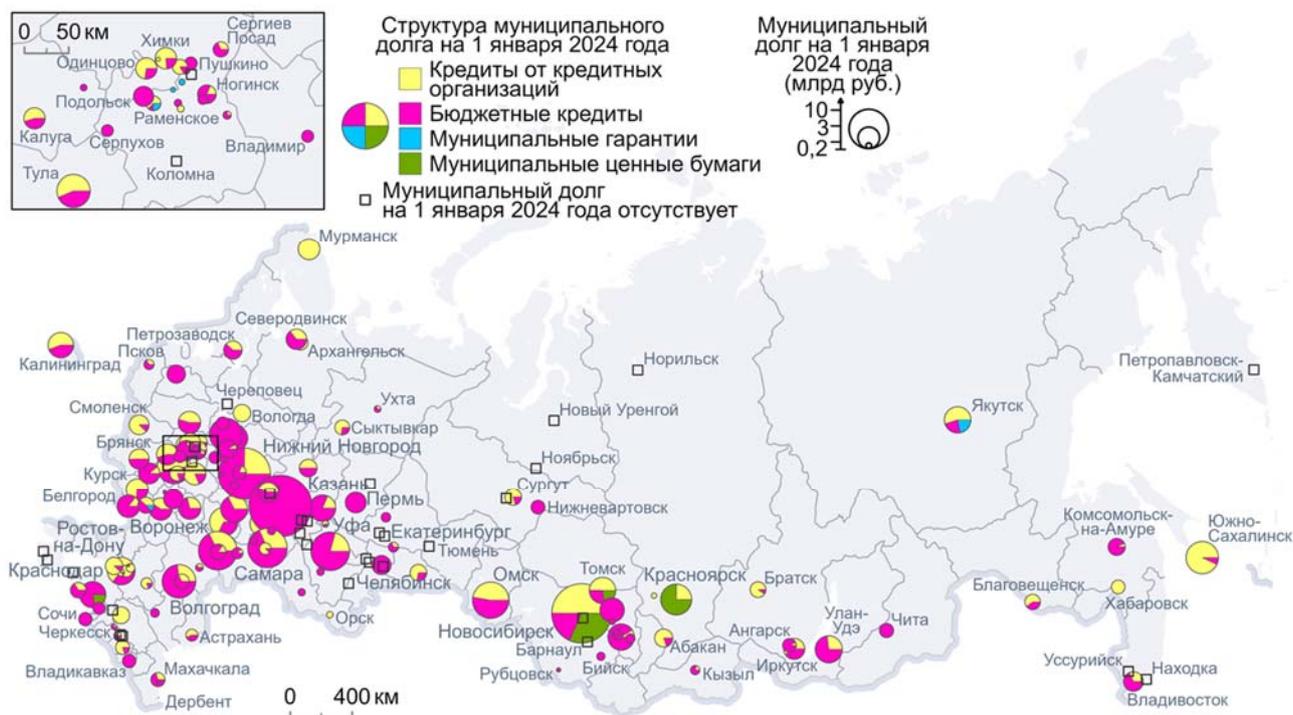

Рисунок 30 – Структура муниципального долга крупных городов России на 1 января 2024 г.

Источник: составлено по данным ГИИС «Электронный бюджет».

К таким инструментам управления муниципальным долгом, как муниципальные ценные бумаги и муниципальные гарантии, в крупных городах прибегают редко. Использование двух данных долговых инструментов в основном характерно для «богатых» центров – миллионников, сырьевых и подмосковных городов.

Так, муниципальными гарантиями за период 2015–2023 гг. воспользовались только 53 крупных города из 165, и только 8 из них имели муниципальные гарантии в структуре долга по состоянию на 1 января 2024 г. Муниципальные ценные бумаги в качестве долгового инструмента выпускали за исследуемый период только 8 городов, из которых только 4 имели их на начало 2024 г. (Таблица 18).

К сожалению, исходя из сведений и пояснительных записок, содержащихся на официальных порталах администраций, следует, что в большинстве случаев данные займы не направлены на реализацию проектов развития. Наличие муниципальных гарантий в структуре долга городов чаще всего является инструментом ответственности муниципалитета за долги местных жителей по платежам перед коммунальными службами, а выпуск муниципальных бумаг направлен на

реструктуризацию долга. Исключение составляют Томск и Новосибирск, выпускающие ценные бумаги в целях привлечения дополнительных средств на развитие инфраструктуры науки и технологий на территории современных Томского технопарка и Академгородка.

Таблица 18 – Объём и средняя доля в структуре муниципального долга муниципальных ценных бумаг в крупных городах России, использовавших данный вид заимствований в 2015–2023 гг.

Город	Муниципальные ценные бумаги на 1 января, млрд руб.									Средняя доля в структуре мун. долга, %
	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	
Волгоград	2,5	2,1	1,5	0,8	0,4	–	–	–	–	18,9
Волжский	0,3	0,3	0,2	0,1	–	–	–	–	–	17,1
Краснодар	–	–	–	–	–	1,6	1,6	1,6	1,0	26,2
Красноярск	–	–	–	–	–	3,0	3,0	2,3	1,5	37,8
Нижний Новгород	–	–	5,0	5,0	5,0	5,0	2,5	–	–	27,3
Новосибирск	6,2	9,0	11,4	10,1	14,0	12,4	10,9	8,6	7,2	47,9
Омск	0,7	2,9	1,8	1,0	–	–	–	–	–	29,1
Томск	0,6	1,6	1,5	1,2	1,7	1,6	1,9	1,5	1,0	36,1

Источник: составлено по данным ГИИС «Электронный бюджет» и открытых источников сведений о муниципальном долге.

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы.

В целом в последние годы финансово-долговое положение крупных городов России улучшалось на фоне общего смягчения ситуации с муниципальным долгом в целом в стране. Однако несмотря на позитивные тенденции последних лет, по-прежнему долговая нагрузка наиболее высока у крупнейших по численности населения городов. Худшее долговое положение характерно для городов с населением более 1 млн чел. и иных крупных региональных центров. Именно этим категориям городов, в условиях низкой обеспеченности трансфертами из вышестоящих бюджетов, в большей степени не хватает средств на обеспечение расходных полномочий, что вынуждает их прибегать к муниципальной задолженности.

Как и бюджетные финансы, муниципальный долг на сегодняшний момент не является ресурсом для городского развития. В единичных случаях муниципальные займы используются крупными городами в целях реализации проектов, направленных на улучшение качества жизни или ускорение экономического роста. Такие долговые инструменты, как бюджетные кредиты и муниципальные облигации практически во

всех рассмотренных городах страны направлены исключительно на получение дополнительных средств на покрытие дефицита бюджета.

Нынешняя долговая ситуация в городах России с более чем 100 тыс. жителей и наличие муниципального долга у преобладающего большинства из них свидетельствует о кризисе бюджетного положения муниципальных образований страны и проблемах их бюджетной самостоятельности. Это вновь доказывает острую необходимость пересмотра бюджетно-налоговой политики и системы распределения полномочий на местном уровне.

В совокупности полученные результаты формируют рисковый прогноз развития больших, крупных и крупнейших городов России на ближайшие годы. Рынок муниципальных облигаций, а также иные новые механизмы для снижения долговой нагрузки муниципалитетов в стране не развиваются. В условиях ужесточения требований бюджетного законодательства к использованию долговых инструментов, введённых с 2022 г., для значительного числа городов-стотысячников привлечение дополнительных бюджетных средств стало ещё более затруднительным. Возможностей для накопления финансов на формирование бюджетов развития у ключевых городских центров страны становится меньше.

Таким образом, финансовое положение городов становится одним из важных факторов, который влияет на неравенство крупных городов в последнее десятилетие и сдерживает рост крупнейших городов, прежде всего – миллионников. В условиях практически равных бюджетной обеспеченности и набора полномочий крупных городов, за исключением Москвы и Петербурга, фискальные возможности которых за счёт статуса субъектов Российской Федерации значительно шире, значимых различий между ними по качеству жизни не возникает. В этой ситуации значительную роль приобретает качество местного самоуправления, принятия решений на местах и то, как примерно равным в расчёте на одного жителя объёмом финансовых ресурсов распорядятся власти каждого отдельного города.

Заключение

Результаты диссертационного исследования позволили выявить следующее.

Общепринятых теоретических концепций, объясняющих факторы формирования и изменения различий городов по уровню социально-экономического развития, в мировых научных исследованиях не сложилось. Влияние факторов на развитие городов рассматривается в экономических теориях городского развития, в частности, теориях конкурентоспособности городов. Существующие теории характеризуются значительной разнородностью взглядов на факторы дифференциации развития городов, при этом нельзя говорить о доминировании какой-либо из них.

Если в 1970–1990-х гг. в теориях обосновывалось влияние преимущественно экономических факторов на развитие городов, то в 1990–2000-х гг. развитие подходов характеризовалось усложнением и ростом числа рассматриваемых факторов успешности развития одних городов и «неудач» других (например, рассматривался комплекс факторов привлечения человеческого капитала), а в новейших исследованиях 2010–2020-х гг. акцент делается на узкоотраслевых факторах – регулировании рынка жилья, внедрении элементов «умного города», субъективном восприятии города жителями и иными. При этом рост разнообразия теоретических наработок по оценке факторов межгородских различий в последнее десятилетие свидетельствует о том, что развитие теорий городского неравенства активно продолжается.

Выявлено, что в России исследовательский интерес к теме дифференциации развития городов начал расти только с конца 1990-х гг., однако число отечественных работ по данной тематике невелико. Препятствуют развитию городских исследований значительные ограничения статистических данных по муниципальным образованиям, связанные с небольшим числом публикуемых сведений и частыми изменениями системы муниципального деления в России.

Несмотря на разнородность теоретических взглядов на природу межгородского неравенства и подходов к их измерению в зарубежных и российских работах, в большинстве из них среди главных факторов, дифференцирующих города, выделяются три: людность, административный статус и специализация. В России из-за обширной территории страны к значимым факторам также относят экономико-географическое положение. Однако попыток количественного измерения влияния этих факторов на разные параметры развития городов в исследованиях практически не

предпринималось. При этом рядом отечественных авторов отмечалось, что в последние годы происходит постепенная трансформация факторов, определяющих межгородские различия, от объективных (людности, статуса, положения и специализации) к субъективным (социальным, институциональным, политическим).

Исследования пространственного неравенства с использованием специальных статистических метрик его оценки сегодня формируют отдельное исследовательское направление в рамках социально-экономической географии. При большой вариативности метрик измерения пространственного неравенства среди них есть лишь небольшое количество методов, позволяющих оценить внутреннюю структуру различий между территориями – из них наиболее используемым в отечественной и зарубежной практике является индекс Тейла. При этом выявлено, что имеют место значимые различия в измерении территориального неравенства в рамках взвешенного и невзвешенного подходов, которые зачастую недостаточно принимаются во внимание исследователями: если первый подход позволяет оценить несоответствие распределения ресурсов и благ между населением территорий, то второй подход позволяет оценить различия непосредственно в уровне развития территориальных единиц. Использование одновременно обоих подходов позволяет более комплексно и достоверно оценить масштабы и динамику межтерриториальных различий, вследствие чего их совмещение, наложенное на применение в качестве измерителя неравенства индекса Тейла, легло в основу формирования авторской методики оценки межгородского неравенства.

Количественные расчёты, проведённые по авторской методике, позволили выявить, что наиболее велики различия крупных городов России по экономическим показателям развития производственной сферы, в то время как различия по развитости секторов услуг менее значительны, а по зарплатам и доходам населения – наименьшие среди исследуемых показателей. При этом наблюдаемые различия городов по развитости тех или иных секторов реальной экономики не приводят к высокому уровню разрыва городов по доходам населения, измеренным с помощью зарплат и налогооблагаемых начислений и соцвыплат.

Показано, что при разных масштабах неравенства по всем душевым показателям социально-экономического развития распределение городов смещено в сторону нескольких «сверхлидеров» с наиболее высокими удельными значениями параметров.

Состав таких лидеров различается по каждому показателю и, несмотря на большую концентрацию ресурсов, в их число не всегда входят Москва и Санкт-Петербург. По экономическим параметрам и, в особенности, доходам населения ими являются крупные сырьевые центры, по душевым обороту торговли, платным услугам и вводу жилья – более развитые города-миллионники, города ближнего Подмосковья и миграционно-привлекательного Юга России. Состав отстающих городов с худшими условиями развития более однороден: по большинству показателей в их числе города Северного Кавказа и других слаборазвитых республик, депрессивные промышленные центры и города в пригородной зоне более развитых центральных ядер агломераций.

Выявлено, что такая географическая конфигурация неравенства крупных городов (т.е. состав лидеров, «средняков» и отстающих) по всем показателям развития, за исключением волатильных инвестиций и ввода жилья, на протяжении рассматриваемого периода оставалась практически неизменной. Среди наиболее заметных изменений: выход в число лидеров по большинству показателей развития городов Подмосковья и ухудшение ситуации в ряде промышленных центров (угольных, автостроения и пр.) и столицах депрессивных регионов.

На фоне стабильности пространственной структуры межгородского неравенства его масштабы динамично менялись как по взвешенному, так и по невзвешенному способам оценки. Изменения масштабов неравенства крупных городов по разным параметрам были разнонаправленны: единого тренда изменения социально-экономического неравенства городов не наблюдалось. Большинство кризисных периодов последних лет точно отражались на краткосрочном изменении неравенства крупных городов только по одному-двум выборочным параметрам развития, и только санкционный кризис, наступивший с 2022 г., обусловил снижение неравенства крупных городов по всем параметрам в 2022–2023 гг. за счёт значимого ускорения развития промышленных центров с оборонными производствами. В целом за период 2000–2023 гг. общее сокращение межгородских различий (и σ -конвергенция, и β -конвергенция) было достигнуто по зарплате, душевому обороту розничной торговли и инвестициям в основной капитал. По остальным параметрам неравенство крупных центров либо нарастало (по отгрузке товаров и услуг на одного работника, налогооблагаемым доходам граждан, налоговым и неналоговым доходам местных

бюджетов), либо с 2000 г. существенно не изменилось (по вводу жилья, душевым платным услугам).

На всём рассматриваемом периоде выявлена синхронность динамики межгородского и межрегионального неравенства по всем ключевым показателям развития, кроме инвестиций, пространственные различия по которым определяются реализацией сырьевых и инфраструктурных проектов за пределами крупных центров. С учётом значительного вклада крупных городов в экономику страны и регионов совпадение трендов межгородского и межрегионального неравенства указывает на определяющую роль крупных центров в процессах формирования внутристрановых пространственных контрастов в уровне развития. Это даёт основания полагать, что достичь значимого сокращения пространственного (де-факто – межрегионального) неравенства в России, цель по которому зафиксирована в Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2030 года, можно за счёт государственного регулирования развития крупных городов.

Оценка влияния ключевых факторов на межгородское неравенство с использованием свойства декомпозиции индекса Тейла показала, что ключевые факторные силы по-разному влияют на неравенство крупных городов по каждому из показателей социально-экономического развития. При этом на дифференциацию крупных городов по большинству параметров большое влияние оказывает фактор географического положения, который проявляется в разных аспектах. Положение в зоне действия северных надбавок в значительной степени предопределяет различия городов по заработным платам и, как следствие, по бюджетным возможностям, так как последние зависят от поступлений налога на доходы физических лиц. Расположение в Северо-Кавказском федеральном округе значимо влияет на неравенство городов, растягивая его «вниз», так как институциональные особенности и устои этого макрорегиона предполагают увод значительной части хозяйственной деятельности в статистически не фиксируемую «теневую» зону.

Ключевым географическим фактором неравенства крупных городов становится пригородное положение в агломерациях, при этом близость к Москве позитивно влияет на развитие городов и приводит к растягиванию неравенства городов «вверх» в сторону лидеров, а положение в пригородной зоне других крупнейших городов страны пока не создаёт позитивных агломерационных эффектов и, наоборот, способствует оттоку

социально-экономических ресурсов из пригородных центров в центральное ядро агломерации.

Также определено, что статус региональной столицы и людность, отражающие «центральность» места города в системе расселения, играют определяющую роль в неравенстве городов только по платным услугам и душевому обороту розничной торговли. При этом наличие в городе более чем миллиона жителей значимо не влияет на дифференциацию крупных городов ни по одному показателю: города-миллионники очень неоднородны по уровню развития, в лучшую сторону и только по отдельным показателям выделяются выборочные из них.

Фактор специализации вносит значимый вклад в обеспечение различий городов по экономическим показателям (душевым инвестициям, отгрузке), но его роль в формировании межгородских различий по инвестиционной активности волатильна и зависит от циклов модернизации крупных предприятий и конъюнктуры на отраслевых рынках. При этом специализация в малой степени влияет на различия городов по заработной плате, дифференциация по которой больше зависит от положения городов в северных районах. В результате в России не наблюдается прямой пространственной взаимосвязи между уровнем заработных плат и производительностью труда, которая имеет место в зарубежных странах.

Данное исследование также подтвердило, что влияние ключевых факторов на межгородскую дифференциацию пересекается. Ввиду различного их воздействия на отдельные социально-экономические показатели затруднительно выстроить иерархию влияния факторов на общую конфигурацию социально-экономического неравенства крупных городов России. При этом оценённое с использованием декомпозиции индекса Тейла влияние на различия городов по ряду показателей (инвестиции, отгрузка, ввод жилья) оказывается не таким значимым по всем четырем из ключевых факторов. Это означает, что имеют место и другие значимые силы, дифференцирующие развитие городов, а конкурентная борьба крупных центров, по крайней мере в России, устроена значительно сложнее, чем принято считать в научном сообществе. Полученные выводы также подтверждают, что действительно в ходе постсоветской трансформации имеет место сдвиг от четырёх «объективных» к «субъективным» факторам развития городов, упоминавшийся в предыдущих работах.

В результате оценки финансовой устойчивости крупных городов России с использованием данных о муниципальном долге и его структуре удалось выявить, что наиболее остро вопрос дефицита бюджетных ресурсов стоит для крупнейших и наиболее быстро развивающихся центров – городов-миллионников и многих региональных столиц, что подтверждается их высоким уровнем закредитованности. При этом муниципальный долг не является ресурсом для городского развития: в единичных случаях муниципальные займы используются крупными городами в целях реализации проектов, направленных на улучшение качества жизни или ускорение экономического роста, а не на покрытие дефицита местного бюджета для выполнения базовых полномочий.

Наличие долга у большинства городов, возобновление его роста в 2023 г., а также низкий масштаб дифференциации крупных городов после распределения поддержки из бюджетов вышестоящих уровней свидетельствует о кризисном финансово-долговом положении муниципальных образований страны и проблемах их бюджетной самостоятельности на современном этапе развития. В результате бюджетное положение крупных городов становится одним из важных факторов, который влияет на межгородское социально-экономическое неравенство в последнее десятилетие и сдерживает рост крупнейших центров, прежде всего – миллионников. Наиболее вероятно именно недостаток финансовых ресурсов у крупнейших городов препятствует проявлению значимых позитивных агломерационных эффектов концентрации, которые в России пока не наблюдаются нигде, за исключением агломерации Москвы.

Список литературы

1. Абдуллаев А. М., Землянский Д. Ю., Калиновский Л. В., Медведникова Д. М. Социально-экономическое положение городских агломераций России в 2015–2021 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. – 2023. – Т. 68. – № 3. – С. 443–470.
2. Алтунина В. В., Анучина Д. А. Оценка уровня пространственной поляризации российских регионов // Экономика, предпринимательство и право. – 2023. – Т. 13. – № 5. – С. 13–19.
3. Анимица Е. Г., Власова Н. Ю. Проблемы и перспективы развития городских агломераций // Регионалистика. – 2020. – Т. 7. – № 3. – С. 60–66.
4. Анимица Е. Г., Власова Н. Ю. Человеческий фактор в развитии крупнейших городов // Управленец. – 2010. – № 7–8 (11–12). – С.13–15.
5. Анимица Е. Г., Власова Н. Ю., Силин Я. П. Городская политика: теория, методология, практика / науч. ред. А.И. Татаркин. – Екатеринбург: ИЭ УРО РАН, 2004. – 306 с.
6. Анимица Е. Г., Дворяжкина Е. Б., Некрасов В. Г. Экономическое развитие горнозаводских городов региона. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2005. – 266 с.
7. Анимица Е. Г., Новикова Н. В. Проблемы и перспективы развития моногородов России // Управленец. – 2009. – № 1–2. – С. 46–54.
8. Антипин И. А., Шишкина Е. А. Стратегическое управление диспропорциями социально-экономического и пространственного развития регионов России // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2024. – Т. 247. – № 3. – С. 179–201.
9. Антонов Е. В. Развитие и современное состояние рынков труда городов в России // Население и экономика. – 2019. – Т. 3. – № 1. – С. 76–94.
10. Арсеньев К. И. Гидрографическо-статистическое описание городов Российской империи с показанием всех перемен, происшедших в составе и числе оных в течение двух веков от начала XVII столетия и донныне. – СПб.: Журнал Министерства внутренних дел, 1832–1834.

11. Бабкин Р. А., Медведникова Д. М. Пространственные особенности инвестиционной активности Московской метрополии // Географический вестник. – 2023. – Т. 3. – № 66. – С. 64–82.
12. Бабурин В. Л., Земцов С. П., Кидяева В. М. Методика оценки потенциала экономико-географического положения городов России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. – 2016. – № 1. – С. 39–45.
13. База данных показателей муниципальных образований / Росстат [Электронный ресурс]. – URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения 04.09.2025).
14. Баранский Н. Н. Об экономико-географическом изучении городов // Вопросы географии. Сб. 2. – 1946. – № 2. – С. 10–62.
15. Богатство и самостоятельность: что делает бюджет города устойчивым? [Электронный ресурс]. – М.: STRELKA КБ, 2017. – 89 с. – URL: <http://citybudget.strelka-kb.com> (дата обращения 06.08.2024).
16. Брик А. Д., Плохотникова Г. В. Управление долговой нагрузкой муниципалитетов Российской Федерации: экономико-правовой анализ // Вестн. ин-та дружбы народов Кавказа (Теория экономики и управления народным хозяйством). Экономические науки. – 2020. № 1 (53). – С. 63–68.
17. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. / Пер. с фр. Куббеля Л.Е.; вступ. ст. и ред. Афанасьева Ю.Н. – М.: Прогресс, 1992. – Т. 3: Время мира. – 679 с.
18. Буфетова А. Н. Поляризация пространственного развития России: камо грядеши? // Мир экономики и управления. – 2022. – Т. 22. – № 1. – С. 103–129.
19. Буфетова А. Н. Социально-экономическое развитие городов России: основные тенденции и факторы // Мир экономики и управления. – 2015. – Т. 15. – № 4. – С. 124–138.
20. Бюджет для граждан к федеральному закону о федеральном бюджете (Описание). Единый портал бюджетной системы Российской Федерации «Электронный бюджет» [Электронный ресурс]. – URL: http://budget.gov.ru/epbs/faces/p/Бюджет/Закон%20о%20бюджете/Бюджет%20для%20граждан?_adf.ctrl-state=8fq7m8hsd_61®ionId=45 (дата обращения 04.09.2025).

21. Бюджетное послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию от 13.06.2013 «О бюджетной политике в 2014–2016 годах» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/18332> (дата обращения 04.09.2025).
22. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102054721> (дата обращения 20.08.2025).
23. Вакуленко Е. С. Миграционные процессы в городах России: эконометрический анализ // Прикладная эконометрика. – 2012. – № 1 (25). – С. 25–50.
24. Векторы оптимизации кредитной нагрузки субъектов Российской Федерации и муниципальных образований / Саркисян А. Р., Янченко Д. В., Янченко Е. А., Абраменко И. П. // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2019. – № 11. – С. 1–9.
25. Власова Н. Ю. Позиции крупных и больших городов в пространственных трансформациях регионов России: кейс Урала // Регион: Экономика и Социология. – 2022. – Т. 1. – № 113. – С. 263–288.
26. Власова Н. Ю. Структурная модернизация экономики крупнейших городов России. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2000. – 255 с.
27. Власова Н. Ю. Факторы и тенденции развития социально-экономического пространства крупнейших российских городов // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2018. – Т. 209. – № 1. – С. 353–364.
28. Власова Н. Ю., Антипин И. А. Городские агломерации: история, современность, стратегические ориентиры // Journal of new economy. – 2010. – № 3 (29). – С. 106–112.
29. Ворошилов Н. В. Развитие городских агломераций на территории Европейского Севера России // Федерализм. – 2021. – Т. 26. – №4 (104). – С. 54–74.
30. Гагарина Г. Ю., Болотов Р. О. Оценка дифференциации доходов населения Российской Федерации с учетом межрегионального уровня цен // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. – 2022. – Т. 19. – № 3 (123). – С. 97–108.
31. Гагарина Г. Ю., Болотов Р. О. Оценка межрегионального неравенства в Российской Федерации и его декомпозиция с применением индекса Тейла // Федерализм. – 2021. – Т. 26. – №4 (104). – С. 20–34.

32. Гаджиев Ю. А. Зарубежные теории регионального экономического роста и развития // Экономика региона. – 2009. – № 2. – С. 45–62.
33. Гафурова Г. Т. Оценка муниципального долга города Казани // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2012. – № 27 (117). – С. 24–32.
34. Глазырина И. П., Забелина И. А., Клевакина Е. А. Межрегиональное неравенство в России и перспективы развития восточных регионов // Труды Института системного анализа Российской академии наук. – 2010. – Т. 54. – С. 73–90.
35. Глазырина И. П., Забелина И. А., Клевакина Е. А., Богомолова Т. Ю. Еще раз о «восточном векторе»: производительность труда в приграничных регионах Сибири и Дальнего Востока // Всероссийский экономический журнал ЭКО. – 2015. – № 12 (498). – С. 93–107.
36. Глущенко К. П. Методы анализа межрегионального неравенства по доходам // Регион: экономика и социология. – 2010. – № 1. – С. 54–87.
37. Глущенко К. П. Мифы о бета-конвергенции // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2012. – Т. 4. – № 16. – С. 26–44.
38. Глущенко К. П. Об оценке межрегионального неравенства // Пространственная экономика. – 2015. – № 4. – С. 39–58.
39. Голубчиков О. Ю., Махрова А. Г. Факторы неравномерного развития российских городов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. – 2013. – № 2. – С. 54–60.
40. Городские агломерации в современной России: проблемы и перспективы развития / Пузанов А. С., канд. геогр. наук (научная редакция), Попов Р. А., канд. геогр. наук, Полиди Т. Д., канд. экон. наук, Гершович А. Я. – М.: Фонд «Институт экономики города», 2023. – 192 с.
41. Григоров В. Э., Жигалов Д. В., Перцов Л. В. Анализ влияния реформы местного самоуправления и реформы межбюджетных отношений на финансовые основы местного самоуправления в Российской Федерации. – М.: Фонд «Институт экономики города», 2009. – 174 с.
42. Грицай О. В., Иоффе Г. В., Трейвиш А. И. Центр и периферия в региональном развитии. – М.: Издательство «Наука», 1991. – 168 с.
43. Громько Г. Л. Теория статистики. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 476 с.
44. Давидович В. Г. Расселение в промышленных узлах. – М.: Госстройиздат, 1960. – 324 с.

45. Денисов Е. А. Социально-экономическая трансформация городов российского Севера: дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. – М.: Моск. гос. ун-т., 2018. – 181 с.
46. Джампаоло Л. Наблюдается ли конвергенция рождаемости в странах-членах Европейского Союза? // Демографическое обозрение. – 2014. – Т. 1. – № 2 (2). – С. 110–139.
47. Доклад о мировом развитии 2009. Новый взгляд на экономическую географию. – М., Весь Мир, 2009. – 384 с.
48. Долг вдолгую: что делать с рекордным ростом долговой нагрузки регионов? Обзор динамики долговой нагрузки субъектов РФ / Официальный портал Аналитического рейтингового кредитного агентства АКРА [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.acra-ratings.ru/research/2331> (дата обращения 17.03.2025).
49. Долгих Е. И., Ерлич В. А., Кузнецова П. О. Факторы, определяющие потенциал устойчивого развития российских городов: инструменты внешней оценки и новые вызовы // Устойчивое развитие городов: колл. монография / под. ред. К. В. Папенова, С. М. Никонорова, К. С. Ситкиной. – М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. – 2019. – С. 37–62.
50. Дьякова Е. Б., Перекрестова Л. В. Направления развития финансово-бюджетного потенциала Волгограда // Вестн. Волгоград.о гос. ун-та. Сер. 3: Экономика. Экология. – 2008. – №2 (13). – С. 176–184.
51. Единый портал бюджетной системы Российской Федерации «Электронный бюджет» [Электронный ресурс]. – URL: <https://budget.gov.ru/Главная-страница> (дата обращения 04.09.2025).
52. ЕМИСС. Государственная статистика [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения 04.09.2025).
53. Ершов Ю. С. Межрегиональная дифференциация, регионы-доноры и регионы-реципиенты: многообразие оценок и выводов // Регион: экономика и социология. – 2019. – № 1. – С. 3–22.
54. Закон Московской области от 25.01.2019 № 2/2019-ОЗ «Об объединении территорий поселений Одинцовского муниципального района и территории городского округа Звенигород» [Электронный ресурс]. – URL:

<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/5000201901290001> (дата обращения 05.09.2025).

55. Закон Российской Федерации «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» от 19.02.1993 № 4520-1 [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102021716> (дата обращения 04.09.2025).

56. Закрытые атомные города России: особенности развития и управления / Е. Г. Анимича, Н. Ю. Власова, Е. Б. Дворядкина и др. – Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2002. – 186 с.

57. Захаров А. Н., Серединская К. С. Оценка эффективности региональной политики в Испании // Российский внешнеэкономический вестник. – 2016. – № 3. – С. 29–40.

58. Землянский Д. Ю., Калиновский Л. В., Махрова А. Г., Медведникова Д. М., Чуженькова В. А. Комплексный индекс социально-экономического развития городов России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2020. – Т. 84. – № 6. – С. 805–818.

59. Землянский Д. Ю., Махрова А. Г., Медведникова Д. М. Методические подходы к составлению комплексных индексов социально-экономического развития городов // Вестник Московского университета. Серия 5: География. – 2020. – № 4. – С. 21–31.

60. Землянский Д. Ю., Медведникова Д. М. Долги крупнейших городов России // Бюджет. – 2021. – № 10. – С. 66–73.

61. Землянский Д. Ю., Медведникова Д. М. Муниципальный долг крупных городских округов России в 2015–2020 годах // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика 2021: сборник научных статей / Под ред. А.П. Катровского и др. – Смоленск: Изд-во Смол. гос. ун-та, 2021. – С. 284–295.

62. Землянский Д. Ю., Чуженькова В. А. Территориальное распределение инвестиций по городам России в 2015–2018 гг. // Региональные исследования. – 2020. – № 3. – С. 68–78.

63. Зинчук Г. М., Спицына О. В. Экономическое развитие крупнейших городов России в условиях демографических вызовов // Федерализм. – 2024. – Т. 29. – № 3. – С. 168–199.

64. Зубаревич Н. В. Города как центры модернизации экономики и человеческого капитала // *Общественные науки и современность*. – 2010. – № 5. – С. 5–19.
65. Зубаревич Н. В. Неравенство регионов и крупных городов России: что изменилось в 2010-е годы? // *Общественные науки и современность*. – 2019. – № 4. – С. 57–70.
66. Зубаревич Н. В. Развитие и конкуренция крупнейших городов России в периоды экономического роста и кризиса // *Региональные исследования*. – 2010. – № 1. – С. 45–54.
67. Зубаревич Н. В. Развитие российских агломераций: тенденции, ресурсы и возможности управления // *Общественные науки и современность*. – 2017. – № 6. – С. 5–21.
68. Зубаревич Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – М.: Независимый институт социальной политики, 2010. – 160 с.
69. Зубаревич Н. В. Трансформация рынков труда российских моногородов // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География*. – 2017. – № 4. – С. 38–44.
70. Зубаревич Н. В., Сафронов С. Г. Межрегиональное неравенство в России и постсоветских странах в XXI веке // *Региональные исследования*. – 2024. – Т. 1. – № 83. – С. 4–18.
71. Зубаревич Н. В., Сафронов С. Г. Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х годов: рост или снижение? // *Общественные науки и современность*. – 2013. – № 6. – С. 15–26.
72. Зубаревич Н. В., Сафронов С. Г. Развитие больших городов России в 2010-х годах // *Региональные исследования*. – 2019. – № 1. – С. 39–51.
73. Зубаревич Н. В., Сафронов С. Г. Территориальное неравенство доходов населения России и других крупных постсоветских стран // *Региональные исследования*. – 2014. – № 4. – С. 100–110.
74. Иванова В. И. Региональная конвергенция доходов населения: пространственный анализ // *Пространственная экономика*. – 2014. – № 4. – С. 100–119.
75. Иванькова Е. Н., Ковалева Ю. Д., Павлова И. В. Оценка муниципального долга на примере города Смоленска // *Актуальные проблемы экономики, учета, аудита и анализа в современных условиях: Сб. научн. работ студентов, аспирантов и проф.-*

преп. состава по итогам Национальной научн.-практ. конф. (Москва, 22 января 2019 г.) / Под ред. М. В. Петровской, В. З. Чаплюка, Л. Н. Сорокиной. – М.: ООО «Научный консультант». – 2019. – С. 321–326.

76. Изард У. Методы регионального анализа. – М.: Прогресс, 1966. – 660 с.

77. Изотов Д. А. Оценка социально-экономического неравенства регионов Китайской Народной Республики в период реформ (1979–2004 гг.): дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14. – Хабаровск, 2008. – 138 с.

78. Индекс стоимости жизни / Росстат [Электронный ресурс]. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/isg_2012-2024.xlsx (дата обращения 04.09.2025).

79. Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации, федеральным округам и субъектам Российской Федерации (с 1992 г.) / Росстат [Электронный ресурс]. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ipc_s_1992-2024.xlsx (дата обращения 04.09.2025).

80. Кабашова Е. В. Оценка межрегионального неравенства качества жизни населения в Российской Федерации // Управленческий учет. – 2022. – № 11–3. – С. 748–758.

81. Карачурина Л. Б. Привлекательность центров и вторых городов регионов для внутренних мигрантов в России // Изв. РАН. Сер. геогр. – 2020. – № 84 (4). – С. 506–516.

82. Кислицына О. А. Неравенство доходов и здоровья в современной России: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. – Москва, 2006. – 460 с.

83. Клевакина Е. А. Методы оценки межрегионального неравенства по уровню экономического развития и экологической нагрузки: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. – Чита, 2010. – 153 с.

84. Коломак Е. А. Межрегиональное неравенство в России: экономический и социальный аспекты // Пространственная экономика. – 2010. – № 1. – С. 26–35.

85. Коломак Е. А. Неравномерное пространственное развитие в России: объяснения новой экономической географии // Вопросы экономики. – 2013. – № 2. – С. 132–150.

86. Коломак Е. А. О чем говорит отклонение от закона Ципфа? // Всероссийский экономический журнал ЭКО. – 2016. – № 11 (509). – С. 121–128.

87. Коломак Е. А. Развитие городской системы России: тенденции и факторы // Вопросы экономики. – 2014. – № 10. – С. 82–96.
88. Комаревцева О. О. Управление изменениями муниципального долга через механизм построения мультипликативной модели // Вестн. Моск. гор. пед. ун-та. Сер.: Экономика. – 2017. – № 2 (12). – С. 85–91.
89. Константинов О. А. Изменения в географии городов России в советский период // Вопросы географии. Сб. 7. – М.: Географгиз, 1947. – С. 11–46.
90. Крупные города и вызовы глобализации // Под ред. В. А. Колосова, Д. Эккерта. – Смоленск: Ойкумена, 2003. – 280 с.
91. Крюкова О. Г., Арсенова Е. В. Влияние мирового финансового кризиса на экономику моногородов // Стратегические решения и риск-менеджмент. – 2010. – № 1. – С. 80–89.
92. Кузнецова О. В. Бюджетные возможности городов-миллионников в России как фактор их социально-экономического развития // Вестник Московского университета. Серия 5. География. – 2018. – № 4. – С. 75–82.
93. Кузнецова О. В. Города как акторы глобализации: различия субъектов федерации и муниципальных образований в России и Германии // Региональные исследования. – 2020. – № 1. – С. 16–26.
94. Кузнецова О. В. Концентрация экономической активности в Москве и Санкт-Петербурге: масштабы, факторы, последствия для городов // Проблемы развития территории. – 2018. – № 5 (97). – С. 26–40.
95. Кузнецова О. В. Основы региональной политики: учебное пособие. – М.: Географический фак. МГУ, 2012. – 142 с.
96. Кузнецова О. В. Региональные бюджеты и межбюджетные отношения в условиях кризиса // Региональные исследования. – 2010. – № 2. – С. 32–41.
97. Кузнецова О. В. Типология факторов социально-экономического развития регионов России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. – 2014. – № 2. – С. 3–8.
98. Куликов Г. К. Территориальная дифференциация финансово-бюджетного положения муниципалитетов России: дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. – Москва, 2012. – 239 с.

99. Лавровский Б. Л., Шильцин Е. А. Российские регионы: сближение или расслоение? // Экономика и математические методы. – 2009. – Т. 45. – № 2. – С. 31–36.
100. Лаппо Г. М. География городов с основами градостроительства. – М.: МГУ, 1969. – 184 с.
101. Лаппо Г. М. Города России. Взгляд географа. – М.: Новый хронограф, 2012. – 503 с.
102. Латышева М. А. Эконометрическое моделирование неравенства социально-экономического развития регионов РФ: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.13. – Воронеж, 2010. – 195 с.
103. Лейзерович Е. Е. Особенности развития областных, краевых и республиканских (АССР) центров в СССР // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. – 1971. – № 2. – С. 64–70.
104. Лейман Т. И. Асимметрия доходов населения как форма неравенства в трансформационной экономике России: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01. – Санкт-Петербург, 2010. – 312 с.
105. Лексин В. Н. Административная реформа: федеральный, региональный и местный уровни. Ст. 3 (заключительная). Новый этап реализации административной реформы // Российский экономический журнал. – 2006. – № 4. – С. 32–52.
106. Лексин В. Н., Карачаровский В. В. Причины и последствия сверхконцентрации экономического и социального потенциалов России в ее крупнейших городах // Российский экономический журнал. – 2007. – № 1–2. – С. 26–46.
107. Лексин В. Н., Швецов А. Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. – М.: УРСС, 2016. – 368 с.
108. Лексин В. Н., Швецов А. Н. Муниципальная Россия: Социально-экономическая ситуация, право, статистика (энциклопедический справочник). Т. 1–5. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 4500 с.
109. Лексин В. Н., Швецов А. Н. Незаметная реформа: передача социальных объектов предприятий в муниципальную собственность // Российский экономический журнал. – 1998. – № 1–2. – С. 43–45.
110. Лимонов Л. Э., Несена М. В. Диспаритет «больших» и «малых» городов России: сравнительный анализ показателей экономического развития и данных

социальных обследований // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2019. – № 4. – С. 163–188.

111. Лимонов Л. Э., Несена М. В. Структурно-экономическая типология крупных российских городов // Известия русского географического общества. – 2015. – Т. 147. – № 6. – С. 59–77.

112. Любовный В. Я. Города России: альтернативы развития и управления. – М.: Экон-информ, 2013. – 613 с.

113. Маергойз И. М. Учение о городах / Сост. П. М. Полян, Ю. Л. Пивоваров и С. Е. Ханин. – М.: Наука, 1987. – 119 с.

114. Малкина М. Ю. Динамика и факторы внутрирегиональной и межрегиональной дифференциации доходов населения РФ // Пространственная экономика. – 2014. – № 3. – С. 44–66.

115. Малкина М. Ю. К вопросу о необходимости взвешивания в межрегиональных исследованиях (ответ на статью К. П. Глущенко) // Пространственная экономика. – 2016. – № 1. – С. 163–184.

116. Малые и средние города региона: тенденции и стратегия социально-экономического развития / Е. Г. Анимца, И. А. Медведева, В. А. Сухих. – Екатеринбург; Пермь, 2004. – 246 с.

117. Мамедов А. А., Авксентьев Н. А. Региональный и муниципальный долг субъектов Российской Федерации: ретроспективный анализ и перспективы // Научно-исслед. финансовый ин-т. Финансовый журнал. – 2014. – № 4 (22). – С. 66–80.

118. Манаева И. В. Городское экономическое неравенство в РФ: показатели, оценка // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2016. – № 10 (343). – С. 46–57.

119. Манаева И. В. Социально-экономическое неравенство регионов РФ: теория и практика: учебно-методическое пособие. – Белгород: НИУ «БелГУ», 2020. – 113 с.

120. Манаева И. В. Условия и факторы динамичного развития городов России: эмпирический анализ // Экономика промышленности. – 2022. – № 15(4). – С. 453–465.

121. Манаева И. В., Канищева А. В., Ткачева А. С. Детерминанты роста городов в России // Региональная экономика. Юг России. – 2020. – Т. 8. – № 4. – С. 39–52.

122. Маслихина В. Ю. Количественная оценка экономического и социального пространственного неравенства в Приволжском федеральном округе // Вестник евразийской науки. – 2013. – № 4 (17). – С. 1–9.
123. Маслихина В. Ю. Приемлемый уровень межрегиональной дифференциации в России для обеспечения устойчивого развития // Теория и практика общественного развития. – 2017. – № 12. – С. 93–96.
124. Маслихина В. Ю. Пространственная неоднородность экономического развития региональных систем в России // Вестник Поволжского государственного технологического университета. Серия: Экономика и управление. – 2013. – № 1 (17). – С. 5–16.
125. Медведникова Д. М. Ключевые теоретические подходы к объяснению социально-экономического неравенства городов в зарубежных исследованиях // Региональные исследования. – 2022. – № 2 (76). – С. 25–39.
126. Медведникова Д. М. Факторы дифференциации долговой ситуации в городских округах России с населением более 100 тыс. чел. в 2015–2020 гг. // Региональные исследования. – 2021. – № 4 (74). – С. 29–45.
127. Медведникова Д. М. Факторы неравномерности развития городов России с населением более 100 тыс. чел. в первых десятилетиях XXI века // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2025. – Т. 88. – № 5. – С. 738–756.
128. Мельников Р. М. Межрегиональное экономическое неравенство в российской экономике: тенденции и перспективы // Региональная экономика: теория и практика. – 2008. – № 3. – С. 7–14.
129. Местное самоуправление в России: состояние, проблемы, пути, совершенствования: итоговый доклад / Зевина О. Г. и др.; Ин-т современного развития. – М.: Экон-Информ, 2009. – 523 с.
130. Методические рекомендации для муниципальных образований по порядку публикации информации на едином портале бюджетной системы Российской Федерации / Министерство финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=126289-metodicheskie_rekomendatsii_dlya_munitsipalnykh_obrazovaniy_po_poryadku_publicatsii_informatsii_na_edinom_portale_byudzhethnoi_sistemy_rossiiskoi_federatsii (дата обращения 04.09.2025).

131. Митякова Е. В., Митякова О. И. Комплексная оценка динамики развития наукоградов России // Инновационное развитие экономики. – 2022. – № 5 (71). – С. 43–51.
132. Михеева Н. Н. Возможные альтернативы показателю валового регионального продукта // Проблемы прогнозирования. – 2020. – № 1 (178). – С. 32–42.
133. Мониторинг хода муниципальной реформы / Стародубровская И. и др.; Консорциум по вопросам прикладных экономических исследований, Канадское агентство по международному развитию и др. – М.: ИЭПП, 2006. – 399 с.
134. Морошкина М. В. Межрегиональная дифференциация российских регионов: тенденции и перспективы сближения // Теоретическая и прикладная экономика. – 2018. – № 3. – С. 48–60.
135. Морошкина М. В. Пространственное развитие России: региональные диспропорции // Регионоведение. – 2018. – № 4 (105). – С. 638–657.
136. Морошкина М. В. Территориальная дифференциация доходов с поправкой на инфляцию // Russian Journal of Economics and Law. – 2017. – № 2 (42). – С. 48–66.
137. Муниципальная реформа в республиках Южного федерального округа / И. Стародубровская, Н. Миронова. – М.: ИЭПП, 2010. – 180 с.
138. Неравенство в оплате труда: динамика, основные факторы, региональные различия, влияние институтов рынка труда: аналитический доклад [Электронный ресурс] / Н. Т. Вишневецкая, А. А. Зудина, Р. И. Капелюшников, А. Л. Лукьянова, А. Ю. Ощепков, А. В. Шарунина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2021. – URL: https://www.hse.ru/data/2022/03/14/1808800525/03_Vishnevskaya_Inequality_Wages_NC_MU_Site_03-2022.pdf (дата обращения 04.09.2025).
139. Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. «Сильные» и «слабые» города России // Полюса и центры роста в региональном развитии / под ред. Ю. Г. Липеца. – М.: ИГ РАН, 1998. – С. 157–167.
140. Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. Города и сельская местность: состояние и соотношение в пространстве России // Региональные исследования. – 2010. – № 2 (28). – С. 42–57.

141. Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. Динамика и состояние городов в конце XX века // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. – М.: ОГИ, 2001. – С. 196–225.
142. Нефедова Т., Трейвиш А. Города и веси: поляризованное пространство России // Демоскоп Weekly [Электронный ресурс]. – 2010. – № 437–438. <https://www.demoscope.ru/weekly/2010/0437/tema03.php> (дата обращения 06.08.2025).
143. Николаева Н. А. Конкуренентоспособность города: взгляд зарубежных ученых // Маркетинг в России и за рубежом. – 2001. – № 6. – С. 69–76.
144. Обедков А. П. Отечественная научная школа географического градоведения: лидеры и направления научных исследований // Историческая демография. – 2020. – № 1. – С. 59–80.
145. Общероссийский классификатор видов экономической деятельности ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2) ОКВЭД 2 / Министерство экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/273a265e524a44088c1ce99dbd4942c2/ОК_029-2014.docx (дата обращения 06.08.2025).
146. Объем и структура государственного долга субъектов Российской Федерации и долга муниципальных образований / Минфин России [Электронный ресурс]. – URL: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/public_debt/subj/subdbt?page_4=2 (дата обращения 17.03.2025).
147. Объем социальных выплат населению и налогооблагаемых денежных доходов населения в разрезе муниципальных образований / Росстат [Электронный ресурс]. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/urov_2010-2023.xlsx (дата обращения 06.08.2025).
148. Осипов А. В. Статистические методы измерения и декомпозиции социально-экономического неравенства домохозяйств: по данным выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств Волгоградской области: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.12. – Волгоград, 2003. – 177 с.
149. Остатки не щепки, счётом крепки / АКРА [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.acra-ratings.ru/research/2673/> (дата обращения 03.09.2025).
150. Оценка современных факторов развития городов и урбанизационных изменений в Сибири / Е. Ю. Александров, Л. А. Безруков, А. Н. Воробьев и др.;

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН. – Новосибирск: Академическое издательство «Гео», 2011. – 213 с.

151. Перцик Е. Н. Города мира: география мировой урбанизации. – М., 1999. – 380 с.

152. Печенская М. А. Современные проблемы бюджетного развития региональных центров // Актуальные проблемы экономики и права. – 2020. – Т. 14. – № 1. – С. 40–56.

153. Печенская-Полищук М. А. Тенденции привлечения ресурсов в бюджеты региональных центров // Journal of new economy. – 2021. – № 1. – С. 90–104.

154. Платные услуги в городе Москве в 2017 году. Ежегодный статистический сборник № 48. – М.: Мосгорстат. – 28 с.

155. Плотников В. А., Лисина Е. А. Оценка уровня региональной дифференциации в Российской Федерации // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2018. – № 2 (36). – С. 5–15.

156. Поварова А. И. Долговые проблемы муниципалитетов (на примере городских округов Вологодской области) [Электронный ресурс] // Вопросы территориального развития. – 2015. – № 7 (27). – URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/1517> (дата обращения 26.08.2025).

157. Полиди Т. Д., Гершович А. Я. Препринт / РН - ИЭГ; № 001 «Влияние корона-кризиса на экономику крупнейших российских городских агломераций в 2020 году». – М.: Фонд «Институт экономики города», 2021. – 22 с.

158. Попов Е. В., Семячков К. А. Систематизация подходов к оценке развития умных городов // Экономика региона. – 2020. – Т. 16. – № 1. – С. 14–27.

159. Преображенский Ю. В. Экономико-географическое и сетевое положение крупнейших российских городов в постсоветский период // Географический вестник. – 2020. – № 1 (52). – С. 84–95.

160. Приказ Минфина России от 28.12.2016 № 243н «О составе и порядке размещения и предоставления информации на едином портале бюджетной системы Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=118352-prikaz_minfina_rossii_ot_28.12.2016_243n_o_sostave_i_poryadke_razmeshcheniya_i_pre

[dostavleniya_informatsii_na_yedinom_portale_byudzhetnoi_sistemy_rossiiskoi_federatsii](#)

(дата обращения 21.07.2025).

161. Проблемы развития агломераций России / Рос. акад. архитектуры и строит. наук; ред. В. Я. Любовный и др. – М.: URSS, КРАСАНД, 2009. – 188 с.

162. Проблемы реформы местного самоуправления: структурные и финансовые аспекты / Стародубровская И., Славгородская М., Летунова Т. и др.; Консорциум по вопр. прикл. экон. исслед. и др. – М.: ИЭПП, 2005. – 543 с.

163. Рагозина Л. Г. Полномочия органов местного самоуправления поселений: практика и проблемы // Практика муниципального управления – 2006. – № 11.

164. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 [Электронный ресурс]. – URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения 21.08.2025).

165. Растворцева С. Н., Манаева И. В. Тенденции и факторы современного развития малых и средних городов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2022. – Т. 15. – № 1. – С. 110–127.

166. Реализация реформы местного самоуправления в Хабаровском крае / Стародубровская И. и др. – М.: ИЭПП, 2008. – 187 с.

167. Региональная дифференциация доступности высшего образования в России / С. С. Малиновский, Е. Ю. Шибанова; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. – М.: НИУ ВШЭ, 2020. – 68 с.

168. Региональные особенности реализации муниципальной реформы в условиях переходного периода / Стародубровская И., Славгородская М., Летунова Т. и др.; Консорциум по вопр. приклад. экон. исслед. и др. – М.: ИЭПП, 2007. – 307 с.

169. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов / Росстат [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13206> (дата обращения 03.09.2025).

170. Регионы России. Социально-экономические показатели / Росстат [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 03.09.2025).

171. Результаты мониторинга местных бюджетов / Министерство финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/regions/monitoring_results/Monitoring_local/results/ (дата обращения 27.08.2025).
172. Рост доходов регионов обеспечивает снижение долга. Анализ АКРА / Бюджет.ru [Электронный ресурс]. – URL: http://bujet.ru/article/399750.php?sphrase_id=10236898 (дата обращения 17.03.2025).
173. Сассен С. Глобальный город: введение понятия // Глобальный город: теория и реальность / Под ред. Н.А. Слуки. – М.: ООО «Аванглион», 2007. – С. 9–27.
174. Селиванов М. Б. Крупные города в социально-экономическом пространстве регионов России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2011. – Т. 4. – № 5. – С. 6–15.
175. Семёнов-Тян-Шанский В. П. Город и деревня в Европейской России: Очерк экономической географии // Записки Русского императорского Географического общества по отделению статистики. – 1910. – Т. 10. – Вып. 2. – 220 с.
176. Сергеева О. Е., Лазарева Е. Н. Комфортная городская среда как определяющий фактор развития мегаполисов // Управленческое консультирование. – 2018. – № 11 (119). – С. 166–173.
177. Система городов и пространственное развитие России / Под ред. Л. Э. Лимонова. – СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2024. – 352 с.
178. Слука Н. А. Эволюция концепции мировых городов // Региональные исследования. – 2005. – № 1. – С. 11–29.
179. Смирнов И. П. Средние города Центральной России. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2019. – 165 с.
180. Смирнов И. П., Ткаченко А. А. Опыт оценки экономико-географического положения городов Центральной России // Известия Русского географического общества. – 2015. – Т. 147. – № 5. – С. 49–57.
181. Смирнова А. А., Смирнов И. П., Ткаченко А. А. Расселение: основные понятия, подходы, результаты исследований. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2024. – 224 с.
182. Социальная статистика: учебник / Под ред. чл.-кор. РАН И. И. Елисейевой. – М.: «Финансы и статистика», 2001. – 480 с.

183. СП 42.13330.2016 «СНиП 2.07.01-89* Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/docs/14465/> (дата обращения 06.08.2024).
184. Справочная информация: «Формы бюджетной отчетности казенных учреждений и органов власти, формы бухгалтерской отчетности бюджетных и автономных учреждений, формы первичных учетных документов и регистров бухгалтерского учета учреждений» / Консультант Плюс [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7445/ (дата обращения 03.03.2025).
185. Ткаченко А. А. Экономико-географическое положение [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru/c/ekonomiko-geograficheskoe-polozhenie-71f81c> (дата обращения 04.09.2025).
186. Трейвиш А. И. Город, район, страна и мир: развитие России глазами страноведа. – М.: Новый хронограф, 2009. – 372 с.
187. Трейвиш А. И. Неравномерность и структурное разнообразие пространственного развития экономики как научная проблема и российская реальность // Пространственная экономика. – 2019. – Т. 15. – № 4. – С. 13–35.
188. Тургель И. Д. Монофункциональные города России: от выживания к устойчивому развитию. – Екатеринбург: Изд-во УрАГС, 2010. – 519 с.
189. Тургель И. Д., Власова Н. Ю. «Вторые» города Урала: от города-завода к многофункциональным центрам // Региональные исследования. – 2016. – № 2. – С. 43–54.
190. Туровский Р. Ф., Джаватова К. Ю. Региональное неравенство в России: может ли централизация быть лекарством? // Политическая наука. – 2019. – № 2. – С. 48–73.
191. Указ Президента Российской Федерации от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41641> (дата обращения 21.08.2025).
192. Управление пространственно-экономическим развитием города: скрытые ресурсы / Е. Короткова, К. Мокрушина, Е. Куричева и др. – М.: Центр городских исследований бизнес-школы Сколково, 2016. – 107 с.

193. Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Москве и Московской области [Электронный ресурс]. – URL: <https://77.rosstat.gov.ru/> (дата обращения 03.09.2025).
194. Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области [Электронный ресурс]. – URL: <https://78.rosstat.gov.ru/> (дата обращения 03.09.2025).
195. Усманов Д. И. Оценка влияния факторов глобализации на экономическое неравенство регионов России: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. – Белгород, 2015. – 214 с.
196. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/20035> (дата обращения 20.08.2025).
197. Федеральный закон от 23.07.2013 № 252-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/37568> (дата обращения 03.09.2025).
198. Федеральный закон от 30.11.2011 № 361-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/34390> (дата обращения 03.09.2025).
199. Фенин К. В. Экономическая поляризация России на субнациональном уровне // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2021. – Т. 230. – № 4. – С. 461–466.
200. Функе У. Методологические основы разработки городской концепции // Евроград. – 1998. – № 10. – С. 48–53.
201. Хаггет П. Пространственный анализ в экономической географии / Пер. с англ. / Под ред. В. М. Гохмана и Ю. В. Медведкова. – М.: Прогресс, 1968. – 392 с.
202. Цифровизация в малых и средних городах России [Электронный ресурс]. – М.: НИУ ВШЭ, 2018. – URL: https://www.hse.ru/data/2018/06/06/1149766040/2018-06-GSU-HSE_pres_v6.pdf (дата обращения 03.09.2025).
203. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям / Росстат [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения 04.09.2025).

204. Шаталова О. М., Касаткина Е. В. Социально-экономическое неравенство регионов РФ: вопросы измерения и долгосрочная ретроспективная оценка // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2022. – Т. 15. – № 4. – С. 74–87.
205. Швецов А. Н. Государственная поддержка российских городов. – М.: УРСС, 2002. – 160 с.
206. Швецов А. Н. Потребности муниципальных образований в финансовых средствах и бюджетно-налоговые возможности их удовлетворения // Российский экономический журнал. – 2001. – № 7. – С. 17–39.
207. Шевчук Е. И., Кириллов П. Л., Петросян А. Н. Проблема генерализации данных в исследованиях пространственной неоднородности социально-экономических явлений на разных масштабных уровнях // Региональные исследования. – 2019. – № 3. – С. 4–15.
208. Экономика городов России / Мультистат. Многофункциональный статистический портал [Электронный ресурс]. – URL: https://www.multistat.ru/?menu_id=9310004 (дата обращения 04.09.2025).
209. Экономика российских городов и городских агломераций. Выпуск 2: Клуб столичных городов [Электронный ресурс]. – М.: Фонд «Институт экономики города», 2017. – 18 с. – URL: <https://urbaneconomics.ru/research/analytics/ekonomika-rossijskih-gorodov-i-gorodskih-aglomeracij-vypusk-2-klub-stolichnyh?ysclid=1zhlxjx4wd993283115> (дата обращения 06.08.2024).
210. Яговкина В. А., Еремина Д. А. Проблемы регулирования межбюджетных отношений на региональном и муниципальном уровнях // Финансовое право. – 2017. – № 12. – С. 19–21.
211. Яговкина В. А., Недопивцева Д. А. Местное самоуправление в условиях кризиса: бюджетный аспект // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. – 2017. – № 1. – С. 29–35.
212. Яндекс.Карты [Электронный ресурс]. – URL: <https://yandex.ru/maps/> (дата обращения 02.09.2025).
213. Ярцева И. Ю. Эффективное управление долгом: реальность или необходимость // Проблемы учета и финансов. – 2014. – № 4 (16). – С. 3–6.

214. Abdullaev A. M., Zemlyanskii D. Y., Kalinovskii L. V., Medvednikova D. M. Socio-economic situation of Russian urban agglomerations in 2015–2021 // *Regional Research of Russia*. – 2024. – Vol. 14, No. 2. – P. 143–159.
215. Adger W. N., Safra de Campos R., Siddiqui T., Szaboova L. Commentary: Inequality, precarity and sustainable ecosystems as elements of urban resilience // *Urban Studies*. – 2020. – Vol. 57, No. 7. – P. 1588–1595.
216. Antonov E. V. Demographic and economic asymmetry of urban development in the Urals, Siberia, and the Far East in 1991–2014 // *Regional Research of Russia*. – 2018. – Vol. 8, No. 1. – P. 16–33.
217. Average Income in Canada / WOVA [Electronic source]. – URL: <https://wowa.ca/average-income-canada> (accessed 04.09.2025).
218. Barro R., Sala-i-Martin X. Convergence // *Journal of Political Economy*. – 1992. – Vol. 100, No. 2. – P. 223–251.
219. Batty M. *The new science of cities*. – Cambridge, MA: MIT Press, 2013. – 518 p.
220. Beckmann M. J. City hierarchies and the distribution of city size // *Economic Development and Cultural Change*. – 1958. – Vol. 6, No. 3. – P. 243–248.
221. Begg I. Cities and competitiveness // *Urban Studies*. – 1999. – Vol. 36 (5–6). – P. 795–809.
222. Benito B., Bastida F. The determinants of the municipal debt policy in Spain // *Journal of Public Budgeting, Accounting & Financial Management*. – 2004. – Vol. 16, No. 4. – P. 492–525.
223. Bettencourt L. M., Lobo J., Helbing D., Kühnert C., West G. B. Growth, innovation, scaling, and the pace of life in cities // *Proceedings of the national academy of sciences*. – 2007. – Vol. 104, No. 17. – P. 7301–7306.
224. Borts G. H. The equalization of returns and regional economic growth // *The American Economic Review*. – 1960. – Vol. 50, No. 3. – P. 319–347.
225. Boudeville J. R. *L'espace et les pôles de croissance: recherches et textes fondamentaux*. – Paris: Presses universitaires de France, 1968. – 126 p.
226. Bramezza I. *The competitiveness of the European city and the role of urban management in improving the city's performance*. – Rotterdam: Tinbergen Institute, 1996. – 160 p.

227. Brenner N. *New State Spaces: Urban Governance and the Rescaling of Statehood*. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – 351 p.
228. Burger M. J., Morrison P. S., Hendriks M., Hoogerbrugge M. M. *Urban–rural happiness differentials across the world // World Happiness Report 2020 / Edited by J.F. Helliwell, R. Layard, J. Sachs et al.* – New York: Sustainable Development Solutions Network, 2020. – P. 66–93.
229. Camagni R. *On the concept of territorial competitiveness: sound or misleading? // Urban Studies*. – 2002. – Vol. 39, No. 13. – P. 2395–2411.
230. Caragliu A., Del Bo C. F. *Smart cities and urban inequality // Regional Studies*. – 2022. – Vol. 56, No 7. – P. 1097–1112.
231. Cardoso R., Sobhani A., Meijers E. *The cities We Need: Towards an Urbanism Guided by Human Needs Satisfaction // Urban Studies*. – 2021. – Vol. 59, No. 13. – P. 2638–2659.
232. Cottineau C. *Inequalities Between Cities // Cities at the Heart of Inequalities*. – Hoboken, New Jersey, U.S.: ISTE Ltd, John Wiley & Sons, Inc., 2022. – P. 205–232.
233. Cowell F. A. *Measures of distributional change: An axiomatic approach // The Review of Economic Studies*. – 1985. – Vol. 52, No. 1. – P. 135–151.
234. Cropf R.A., Wendel G.D. *The determinants of municipal debt policy: a pooled time-series analysis // Environment and Planning C: Government and Policy*. – 1998. Vol. 16, No. 2. – P. 211–224.
235. Da Cruz N. F., Rode P., McQuarrie M. *New urban governance: A review of current themes and future priorities // Journal of Urban Affairs*. – 2019. – Vol. 41, No. 2. – P. 1–19.
236. Davies J., Imbroscio D. *Theories of urban politics*. – London: SAGE Publications Ltd, 2009. – 296 p.
237. Davis D. R., Weinstein D. E. *Bones, bombs, and break points: the geography of economic activity // American economic review*. – 2002. – Vol. 92, No. 5. – P. 1269–1289.
238. Duranton G., Puga D. *Micro-foundations of urban agglomeration economies // Handbook of regional and urban economics*. – 2004. – Vol. 4. – P. 2063–2117.
239. Elbers C., Lanjouw P., Mistiaen J., Özler B., Simler K. *Are neighbours equal? Estimating local inequality in three developing countries // Spatial Inequality and Development*. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – P. 37–76.

240. Eremia M., Toma L., Sanduleac M. The smart city concept in the 21st century // *Procedia Engineering*. – 2017. – Vol. 181. – P. 12–19.
241. Feld L.P., Kirchgässner G., Schaltegger C.A. Municipal debt in Switzerland: new empirical results // *Public Choice*. – 2011. – Vol. 149, No. 1. – P. 49–64.
242. Florida R. *Cities and the creative class*. – New York, London: Routledge, 2005. – 208 p.
243. Florida R. *The Rise of the Creative Class. And How It's Transforming Work, Leisure and Everyday Life*. – New York: Basic Books, 2002. – 434 p.
244. Florida R. *Who's Your City?: How the Creative Economy Is Making Where to Live the Most Important Decision of Your Life*. – New York: Basic Books, 2008. – 374 p.
245. Franc A. G. *Sociology of Underdevelopment and the Underdevelopment of Sociology* // *Catalist*. – 1967. – No. 3. – P. 20–73.
246. Friedmann J. *Regional development policy: A case study of Venezuela*. – Cambridge (USA): M.I.T. Press, 1966. – 279 p.
247. Friedmann J. *The World City Hypothesis* // *Development and Change*. – 1986. – No 4. – P. 12–50.
248. Friedmann J., Wolff G. *World City formation: An Agenda for Research and Action* // *International Journal of Urban and Regional Research*. – 1982. – No 6. – P. 309–344.
249. Fujita M. *A Monopolistic Competition Model of Spatial Agglomeration: Differentiated Product Approach* // *Regional Science and Urban Economics*. – 1988. – Vol. 18. – P. 87-124.
250. Fujita, M., Krugman P., Venables A. J. *The Spatial Economy. Cities, Regions, and International Trade*. – Cambridge: MIT Press, 1999. – 367 p.
251. Gabaix X. *Zipf's Law for Cities: An Ex-planation* // *Quarterly Journal of Economics*. – 1999. – Vol. 114, No. 3. – P. 739–767.
252. Gaubert C. *Firm sorting and agglomeration* // *American Economic Review*. – 2018. – Vol. 108, No. 11. – P. 3117–3153.
253. Giersch H. *Aspects of growth, structural change, and employment. A schumpeterian perspective* // *Review of World Economics*. – 1979. – Vol. 115, No. 4. – P. 629–652.

254. Glaeser E. L. Are cities dying? // *Journal of economic perspectives*. – 1998. – Vol. 12, No. 2. – P. 139–160.
255. Glaeser E. L. The new economics of urban and regional growth // *The Oxford handbook of economic geography*. – 2000. – Vol. 37, No. 3. – P. 289–302.
256. Glaeser E. *Triumph of the City: How Our Greatest Invention Makes Us Richer, Smarter, Greener, Healthier, and Happier*. – New York: Penguin Books, 2011. – 352 p.
257. Glaeser E.L. Urban resilience // *Urban Studies*. – 2022. – Vol. 59, No 1. – P. 3–35.
258. Glazyrina I. P., Zabelina I. A., Klevakina E. A. Interregional inequalities in Russia in the context of nature use and climate changes // *Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. – 2010. – Vol. 3, No. 6. – P. 851–863.
259. Glendon S. P. L. *Urban life cycles*. – Cambridge, MA: Harvard University, 1998 (unpublished working paper).
260. Graham C. *Happiness Around the World: The Paradox of Happy Peasants and Miserable Millionaires*. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 272 p.
261. Hägerstrand T. *Innovation Diffusion as a Spatial Process*. – Chicago: University of Chicago Press, 1967. – 334 p.
262. Hägerstrand T. The Propagation of Innovation Waves // *Lund Studies in Geography*. – 1952. – No. 4. – 20 p.
263. Hall P. *The World Cities*. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1966. – 256 p.
264. Hallin G., Malmberg A. Attraction, Competition and Regional Development in Europe // *European Urban and Regional Studies*. – 1996. – No. 3 (4). – P. 323–337.
265. Helpman E. *Understanding global trade*. – Cambridge, Massachusetts, U.S.: Harvard University Press, 2011. – 232 p.
266. Henderson J. V. Cities and development // *Journal of regional science*. – 2010. – Vol. 50, No. 1. – P. 515–540.
267. Herrschel T., Beauclair A., Syrett S. Regionalisation and marginalisation: Bridging old and new divisions in regional governance: 7th International Symposium of ICRPol. Net on ‘Regionalisation in Metropolitan Areas’, and First Meeting of the RSA Research Network, Malmö/Øresund, 23rd–25th April 2009 // *Regions Magazine*. – 2009. – Vol. 275, No. 1. – P. 31–42.

268. Hoover E. M. Location Theory and the Shoe and Leather Industries. – Cambridge, Massachusetts, U.S.: Harvard University Press, 1937. – 323 p.
269. Hoover E.M. The Location of Economic Activity. – New York: McGraw-Hill, 1948. – 310 p.
270. Hsieh C., Moretti E. Housing constraints and spatial misallocation // American Economic Journal: Macroeconomics. – 2019. – Vol. 11, No 2. – P. 1–39.
271. Hsieh C., Moretti E. Why do cities matter? Local growth and aggregate growth // Kreisman Working Paper Series in Housing Law and Policy. – 2015. – No. 36. – 68 p.
272. Huang H., Wei Y. D. The spatial-temporal hierarchy of inequality in urban China: A prefectural city-level study // The Professional Geographer. – 2019. – Vol. 71, No. 3. – P. 391–407.
273. Inequalities in Creative Cities. Issues, Approaches, Comparisons. – London: Palgrave Macmillan, 2017. – 270 p.
274. Isard W. Location and Space Economy. – Cambridge (USA): M.I.T. Press, 1956. – 369 p.
275. Isserman A. M. "It's Obvious, It's Wrong, and Anyway They Said It Years Ago"? Paul Krugman on Large Cities // International Regional Science Review. – 1996. – Vol. 19, No. 1–2. – P. 37–48.
276. Jacobs J. Cities and the wealth of nations: principles of economic life. – New York: Random House, 1984. – 257 p.
277. Jacobs J. The Economy of Cities. – New York : Random House, 1984. – 268 p.
278. Jensen-Butler C. Competition between cities, urban performance and the role of urban policy: a theoretical framework // European cities in competition / Edited by C. Jensen-Butler, A. Shachar and J. van Weesep. – Avebury: European science foundation, 1997. – P. 3–42.
279. Kotler Ph., Hainer D. H., Rein I. Marketing places. – New York: The Free Press, 1993. – 400 p.
280. Krugman P. Increasing Returns and Economic Geography // The Journal of Political Economy. – 1991. – Vol. 99, No. 3. –P. 483–499.
281. Kuznets S. Economic Growth and Income Inequality // American Economic Review. – 1955. – No. 45. – P. 1–28.

282. Kuznets S., Murphy J. T. Modern economic growth: Rate, structure, and spread. – New Haven: Yale University Press, 1966. – 529 p.
283. Lasuen J. R. Urbanisation and Development – the Temporal Interaction between Geographical and Sectoral Clusters // *Urban Studies*. – 1973. – Vol. 10, No. 2. – P. 163–188.
284. Lavrinenko, P. A., Mikhailova, T. N., Romashina, A. A., Chistyakov, P. A. Agglomeration effect as a tool of regional development // *Studies on Russian economic development*. – 2019. – Vol. 30, No. 3. – P. 268–274.
285. Lenzi C., Perucca G. Not too close, not too far: Urbanisation and life satisfaction along the urban hierarchy // *Urban Studies*. – 2021. – Vol. 58, No 13. – P. 2742–2757.
286. Lever W. F. Competitive Cities in Europe // *Urban studies*. – 1999. – Vol. 36, No. 5–6. – P. 1029–1044.
287. Logan J. R., Molotch H. L., Molotch H. Urban fortunes: The political economy of place. – Berkeley, CA: University of California Press, 1987. – 383 p.
288. Lucas J. Patterns of urban governance: A sequence analysis of long-term institutional change in six Canadian cities // *Journal of Urban Affairs*. – 2017. – Vol. 39. – P. 68–90.
289. Lucas Jr R. E. On the mechanics of economic development // *Journal of monetary economics*. – 1988. – Vol. 22, No. 1. – P. 3–42.
290. MacLeod G. Urban politics reconsidered: Growth machine to post-democratic city? // *Urban studies*. – 2011. – Vol. 48, No. 12. – P. 2629–2660.
291. MacLeod G., Jones M. Renewing urban politics // *Urban studies*. – 2011. – Vol. 48, No. 12. – P. 2443–2472.
292. Martin R. L. The New ‘Geographical Turn’ in Economics: Some Critical Reflections // *Cambridge Journal of Economics*. – 1999. – Vol. 23, No. 1. – P. 65–91.
293. Martin R., Simmie J. The theoretical bases of urban competitiveness: does proximity matter? // *Revue dEconomie Regionale Urbaine*. – 2008. – No. 3. – P. 333–351.
294. Mathur V. K. Human capital-based strategy for regional economic development // *Economic Development Quarterly*. – 1999. – Vol. 13, No. 3. – P. 203–216.
295. Medvednikova D. M. Differentiation factors of the debt situation in Russian urban okrugs with over 100 000 residents in 2015–2020 // *Regional Research of Russia*. – 2022. – Vol. 12, No. 4. – P. 531–543.

296. Medvednikova D. M. Factors of uneven development of Russian cities with a population of over 100 000 in the first decades of the 21st century // *Regional Research of Russia*. – 2024. – Vol. 14, Suppl. 1. – P. S86–S100.
297. Meerow S., Newell J. P., Stults M. Defining urban resilience: A review // *Landscape and Urban Planning*. – 2016. – Vol. 147. – P. 38–49.
298. Molotch H. The city as a growth machine: Toward a political economy of place // *American journal of sociology*. – 1976. – Vol. 82., No. 2. – P. 309–332.
299. Moretti E. Local labor markets. – National Bureau of Economic Research, 2010. – № w15947.
300. Muth R. Differential Growth Among Large U. S. Cities // *Papers in Quantitative Economics* (James P. Quirk and Arvid M. Zarley eds.). – Lawrence, Kansas: The University Press of Kansas, 1968. – P. 311–358.
301. Myrdal G. *Economic Theory and Underdeveloped Regions*. – London: Duckworth, 1957. – 167 p.
302. Neumark D., Simpson H. Place-Based Policies. NBER Working Paper 20049. – Cambridge: NBER, 2014. – 91 p.
303. Nugent D., Suhail A. Crisis, disorder and management: Smart cities and contemporary urban inequality // *Urban Inequalities*. – Cham: Palgrave Macmillan, 2021. – P. 145–169.
304. Okulicz-Kozaryn A. *Happiness and Place: Why Life Is Better Outside of the City*. – New York: Palgrave Macmillan, 2015. – 136 p.
305. Olds K., Yeung H. W.-C. Pathways to global city formation: a view from the developmental city-state of Singapore // *Review of International Political Economy*. – 2004. – Vol. 11, No 3. – P. 489–521.
306. Openshaw S. The Modifiable Areal Unit Problem // *Concepts and Techniques in Modern Geography* – 1984. – No. 38.– 86 p.
307. Paulus F., Pumain D., Vacchiani-Marcuzzo C., Lobo J. An evolutionary theory for interpreting urban scaling laws // *Cybergeo: Revue européenne de géographie / European journal of geography*. – 2006. – No. 343. – P. 1278–3366.
308. Perroux F. Economic Space Theory and Applications // *Quarterly Journal of Economics*. – 1950. – Vol. 64. – P. 89–104.

309. Perroux F. L'économie du XXe siècle. – Paris: Presses Universitaires de France, 1961. – 598 p.
310. Peterson P. E. City Limits. – Chicago: University of Chicago Press, 1981. – 284 p.
311. Pierre J. Can urban regimes travel in time and space? Urban regime theory, urban governance theory, and comparative urban politics // Urban Affairs Review. – 2014. – Vol. 50. – P. 864–889.
312. Place-Based Economic Policies as a Response to Populism / Economist, 2016. [Electronic source]. – URL: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2016/12/15/place-based-economic-policies-as-a-response-to-populism> (accessed 12.06.2025).
313. Ponsard C. History of spatial economic theory. – Berlin, New York: Springer-Verlag, 1983. – 238 p.
314. PROFECY – Processes, Features and Cycles of Inner Peripheries in Europe (Inner Peripheries: National territories facing challenges of access to basic services of general interest). Annex 19 Strategies for Inner Peripheries / Copus E. et al. eds. – ESPON EGTC, 2017. – 58 p.
315. Pumain D. Alternative explanations of hierarchical differentiation in urban systems // Hierarchy in natural and social sciences. – Dordrecht: Springer, 2006. – P. 169–222.
316. Pumain D. Scaling laws and urban systems [Electronic source] / Santa Fe Institute Working Papers. – 2004. – No. 04-02-002. – URL: <https://www.santafe.edu/research/results/working-papers/scaling-laws-and-urban-systems> (accessed 12.06.2025).
317. Putnam R. D. Bowling alone: The collapse and revival of American community. – New York: Simon & Schuster, 2000. – 544 p.
318. Putnam R. The prosperous community: Social capital and public life // The american prospect. – 1993. – Vol. 4, No. 13. – P. 35–42.
319. Rappaport J., Sachs J. D. The United States as a coastal nation // Journal of Economic growth. – 2003. – Vol. 8, No. 1. – P. 5–46.
320. Reed H. The Preeminence of International Financial Centers. – New York: Praeger, 1981. – 148 p.

321. Rey S. Spatial Inequality // REGION. – 2025. – Vol. 12, No. 1. – P. 19–45.
322. Ribeiro N. A., Jorge S. M., Nogueira S. P. A new approach to determinant factors of local government debt // 34th IBIMA Conference International Business Information Management Association. Vision 2025: Education Excellence and Management of Innovations Through Sustainable Economic Competitive Advantage. – Madrid: International Business Information Management Association, 2019. – P. 6475–6491.
323. Rodríguez-Pose A., Storper M. Housing, urban growth and inequalities: The limits to deregulation and upzoning in reducing economic and spatial inequality // Urban Studies. – 2020. – Vol. 57, No 2. – P. 223–248.
324. Rowthorn B. The political economy of full employment in modern Britain. – London: Centre for Economic Performance [and] University of Oxford Institute for Economics and Statistics, 1999. – 55 p.
325. Sala-i-Martin X. The Classical Approach to Convergence Analysis // Economics Working Paper 117. – Barcelona: Department of Economics and Business, Universitat Pompeu Fabra, 1995. – 44 p.
326. Samuelson P. A. The pure theory of public expenditure // The review of economics and statistics. – 1954. – Vol. 36, No. 4. – P. 387–389.
327. Sarkar S. Urban scaling and the geographic concentration of inequalities by city size // Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science. – 2019. – Vol. 46, No. 9. – P. 1627–1644.
328. Sassen S. The Global City: New York, London, Tokyo. – Princeton, New Jersey, U.S.: Princeton U.P., 1991. – 397 p.
329. Sedmíhradská L., Šimíková I. Municipal Debt in the Czech Republic // Debt Management in Transition Countries: Experience and Perspectives. – Bratislava: NISPAcee. 2007. – P. 43–59.
330. Short J. R., Kim Y., Kuus M., Wells H. The Dirty Little Secret of World Cities Research: Data Problems in Comparative Analysis // International Journal of Urban and Regional Research. – 1996. – No. 20. – P. 697–717.
331. Simon C. J. Human capital and metropolitan employment growth // Journal of Urban Economics. – 1998. – Vol. 43, No. 2. – P. 223–243.
332. Simon H. On a Class of Skew Distribution Functions // Biometrika. – 1955. – No. 42. – P. 425–440.

333. Solow R. M. A contribution to the theory of economic growth // The quarterly journal of economics. – 1956. – Vol. 70, No. 1. – P. 65–94.
334. Storper M, Kemeny T., Makarem N. P., Osman T. The rise and fall of urban economies: Lessons from San Francisco and Los Angeles. – Stanford: Stanford University Press, 2015. – 305 p.
335. Storper M. Keys to the City: How Economics, Institutions, Social Interaction, and Politics Shape Development. – Princeton: Princeton University Press, 2013. – 288 p.
336. The Metropolitan Century. Understanding Urbanisation and its Consequences. – Paris: OECD Publishing, 2015. – 127 p.
337. Thisse J. F. Toward a unified theory of economic geography and urban economics // Journal of Regional Science. – 2010. – Vol. 50, No. 1. – P. 281–296.
338. Thrift N. The Geography of International Economic Disorder // A World in Crisis? Geographical Perspectives. – Oxford: Basil Blackwell, 1989. – P. 16–78.
339. Tiebout C. A Pure Theory of Local Expenditures // The Journal of Political Economy. – 1956. – Vol. 64, No. 5. – P. 416–424.
340. Van den Berg L., Braun E. Urban competitiveness, marketing and the need for organising capacity // Urban studies. – 1999. – Vol. 36, No. 5–6. – P. 987–999.
341. Venables A. J. Equilibrium Locations of Vertically Linked Industries // International Economic Review. – 1996. – Vol. 37, No. 2. – P. 341–359.
342. Venables A. J., Kanbur R. Spatial inequality and development // Spatial Inequality and Development. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – P. 3–12.
343. Venables A. J., Kanbur R. Spatial inequality and development. Overview of UNU-WIDER Project. Working Paper WP 2003-38. – Ithaca, New York: Department of Applied Economics and Management, Cornell University, 2003. – 18 p.
344. Venables A. J., Kanbur R. Spatial inequality and development. Working Paper WP 2005-23. – Ithaca, New York: Department of Applied Economics and Management, Cornell University, 2005. – 19 p.
345. Vera J. O. Explanatory factors and limitations of Spanish local debt // Academia Revista Latinoamericana de Administración. – 2018. – Vol. 31, No. 2. – P. 360–377.
346. Wallerstein I. The Capitalist World-Economy. – Cambridge (UK), New York: Cambridge University Press, 1979. – 305 p.

347. Weaver C. Regional development and the local community: planning, politics and social context. – Chichester [Sussex], New York: Wiley, 1984. – 205 p.

348. Wichowska A. Determinants of Debt in Rural Municipalities on the Example of the Warmińsko-Mazurskie Voivodeship // *Acta Scientiarum Polonorum. Oeconomia*. – 2019. – Vol. 18, No. 4. – P. 121–130.

349. Wu F. The (post-) socialist entrepreneurial city as a state project: Shanghai's reglobalisation in question // *Urban Studies*. – 2003. – Vol. 40, No 9. – P. 1673–1698.

350. Yemtsov R. Quo vadis? Inequality and poverty dynamics across Russian regions // *Spatial Inequality and Development*. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – P. 348–408.

351. Zemlyanskii D. Yu. Single industry towns in Russia // *Regional Research of Russia*. – 2011. – Vol. 1, No. 1. – P. 99–102.

352. Zemlyanskii D. Yu., Kalinovskii L. V., Makhrova A. G., Medvednikova D. M., Chuzhenkova V. A. Integrated socioeconomic development index for Russian cities // *Regional Research of Russia*. – 2021. – Vol. 11, No. 1. – P. 29–39.

353. Zipf G. K. *Human Behavior and the Principle of Least Effort*. – Boston: Addison-Wesley Press, 1949. – 573 p.

Приложение А

Распределение факторных признаков по крупным городам России

Таблица А.1 – Распределение факторных признаков по крупным городам России

N п.п.	Город	Фед. округ	Людность			Адм. статус	Географическое положение				Специализация						
			Наличие более чем 1 млн жителей (в 2023 г.)	Наличие более чем 500 тыс. жителей (в 2023 г.)	Наличие более чем 250 тыс. жителей (в 2023 г.)		Наличие статуса региональной столицы	Положение в зоне нового освоения (Крайнего Севера)	Положение в Европе	Положение в пригородной зоне Москвы (в радиусе 150 км)	Положение в пригородной зоне других крупных городов	Приморское положение с наличием морского порта	Наличие промышленной специализации	Наличие специализации на отраслях ТЭК	Наличие специализации на нефтепереработке, химии и нефтехимии	Наличие специализации на металлургии	Наличие специализации на экспортно ориентированных отраслях
1	Абакан	СФО				1											1
2	Альметьевск	ПФО					1				1	1				1	
3	Ангарск	СФО							1		1		1			1	
4	Арзамас	ПФО					1				1						
5	Армавир	ЮФО					1										
6	Артем	ДФО							1								
7	Архангельск	СЗФО			1	1	1	1		1							1
8	Астрахань	ЮФО			1	1		1			1					1	1
9	Ачинск	СФО									1	1	1	1	1	1	
10	Балаково	ПФО						1			1	1	1			1	
11	Балашиха	ЦФО		1	1			1	1								
12	Барнаул	СФО		1	1	1							1			1	

13	Батайск	ЮФО						1		1							
14	Белгород	ЦФО			1	1		1									
15	Бердск	СФО								1		1					
16	Березники	ПФО						1				1		1		1	
17	Бийск	СФО										1					
18	Благовещенск	ДФО				1											
19	Братск	СФО					1					1	1		1	1	
20	Брянск	ЦФО			1	1		1									
22	Великий Новгород	СЗФО				1		1				1		1		1	
23	Владивосток	ДФО		1	1	1					1						
24	Владикавказ	СКФО			1	1		1							1	1	1
25	Владимир	ЦФО			1	1		1									
26	Волгоград	ЮФО	1	1	1	1		1							1	1	
27	Волгодонск	ЮФО						1				1	1			1	
28	Волжский	ЮФО			1			1		1		1	1	1		1	
29	Вологда	СЗФО			1	1		1									
30	Воронеж	ЦФО	1	1	1	1		1									
33	Дербент	СКФО						1									1
34	Дзержинск	ПФО						1		1		1		1		1	
35	Димитровград	ПФО						1				1					
37	Домодедово	ЦФО						1	1								
39	Екатеринбург	УрФО	1	1	1	1											
40	Елец	ЦФО						1				1					
41	Ессентуки	СКФО						1									
43	Жуковский	ЦФО						1	1								
45	Златоуст	УрФО										1			1	1	
46	Иваново	ЦФО			1	1		1									
47	Ижевск	ПФО		1	1	1		1				1			1	1	
48	Иркутск	СФО		1	1	1							1			1	
49	Йошкар-Ола	ПФО			1	1		1				1					
50	Казань	ПФО	1	1	1	1		1						1		1	
51	Калининград	СЗФО			1	1		1			1						
52	Калуга	ЦФО			1	1		1				1					

53	Каменск-Уральский	УрФО										1			1	1	
54	Камышин	ЮФО						1				1					
56	Каспийск	СКФО						1		1							1
57	Кемерово	СФО		1	1	1							1	1		1	
59	Киров	ПФО			1	1		1				1					
60	Киселевск	СФО								1		1	1			1	
61	Кисловодск	СКФО						1									
62	Ковров	ЦФО						1				1					
63	Коломна	ЦФО						1	1			1					
64	Комсомольск-на-Амуре	ДФО					1					1	1	1	1	1	
65	Копейск	УрФО								1		1			1	1	
66	Королев	ЦФО						1	1								
67	Кострома	ЦФО			1	1		1									
68	Красногорск	ЦФО				1		1	1								
69	Краснодар	ЮФО	1	1	1	1		1									
70	Красноярск	СФО	1	1	1	1									1	1	
71	Курган	УрФО			1	1						1					
72	Курск	ЦФО			1	1		1									
73	Кызыл	СФО				1	1										1
74	Ленинск-Кузнецкий	СФО											1			1	
75	Липецк	ЦФО			1	1		1				1			1	1	
76	Люберцы	ЦФО						1	1								
77	Магнитогорск	УрФО			1							1			1	1	
78	Майкоп	ЮФО				1		1									1
79	Махачкала	СКФО		1	1	1		1			1						1
80	Междуреченск	СФО										1	1			1	
81	Миасс	УрФО										1					
82	Москва	ЦФО	1	1	1	1		1									
83	Мурманск	СЗФО			1	1	1	1			1						
84	Муром	ЦФО						1				1					
85	Мытищи	ЦФО			1			1	1								
86	Набережные Челны	ПФО		1	1			1				1	1				
88	Нальчик	СКФО				1		1									1

89	Находка	ДФО								1						
90	Невинномысск	СКФО						1				1		1		1
91	Нефтекамск	ПФО						1				1	1			1
92	Нефтеюганск	УрФО					1					1	1			1
93	Нижневартовск	УрФО			1		1					1	1	1		1
94	Нижнекамск	ПФО						1				1		1		1
95	Нижний Новгород	ПФО	1	1	1	1		1								
96	Нижний Тагил	УрФО			1							1			1	1
97	Новокузнецк	СФО		1	1							1	1		1	1
98	Новокуйбышевск	ПФО						1		1		1		1		1
99	Новомосковск	ЦФО						1				1		1		1
100	Новороссийск	ЮФО			1			1			1					
101	Новосибирск	СФО	1	1	1	1							1		1	1
103	Новочебоксарск	ПФО						1		1		1	1	1		1
104	Новочеркасск	ЮФО						1		1		1	1			
105	Новошахтинск	ЮФО						1					1	1		1
106	Новый Уренгой	УрФО					1					1	1			1
107	Ногинск	ЦФО						1	1			1				
108	Норильск	СФО					1					1			1	1
109	Ноябрьск	УрФО					1					1	1			1
110	Обнинск	ЦФО						1	1			1				
111	Одинцово	ЦФО						1	1							
112	Октябрьский	ПФО						1				1	1			1
113	Омск	СФО	1	1	1	1								1		1
114	Орёл	ЦФО			1	1		1								
115	Оренбург	ПФО		1	1	1		1					1	1		1
116	Орехово-Зуево	ЦФО						1	1			1				
117	Орск	ПФО						1				1	1	1	1	1
118	Пенза	ПФО			1	1		1								
119	Первоуральск	УрФО								1		1			1	1
120	Пермь	ПФО	1	1	1	1		1				1	1	1		1
121	Петрозаводск	СЗФО				1	1	1								1

122	Петропавловск-Камчатский	ДФО				1	1				1					
123	Подольск	ЦФО			1			1	1			1				
124	Прокопьевск	СФО								1			1			1
125	Псков	СЗФО				1		1								
126	Пушкино	ЦФО						1	1							
127	Пятигорск	СКФО						1								1
128	Раменское	ЦФО						1	1							
130	Ростов-на-Дону	ЮФО	1	1	1	1		1				1				
131	Рубцовск	СФО											1			
132	Рыбинск	ЦФО						1					1			
133	Рязань	ЦФО		1	1	1		1					1			
134	Салават	ПФО						1					1	1		1
135	Самара	ПФО	1	1	1	1		1								
136	Санкт-Петербург	СЗФО	1	1	1	1		1				1				
137	Саранск	ПФО			1	1		1								
139	Саратов	ПФО		1	1	1		1								
141	Северодвинск	СЗФО						1	1							
142	Сергиев Посад	ЦФО						1	1				1			
143	Серпухов	ЦФО						1	1				1			
145	Смоленск	ЦФО			1	1		1								
147	Сочи	ЮФО			1			1				1				
148	Ставрополь	СКФО		1	1	1		1								1
149	Старый Оскол	ЦФО						1					1		1	1
150	Стерлитамак	ПФО			1			1					1	1		1
151	Сургут	УрФО			1		1						1			1
152	Сызрань	ПФО						1					1	1	1	1
153	Сыктывкар	СЗФО				1	1	1								1
154	Таганрог	ЮФО						1				1	1		1	1
155	Тамбов	ЦФО			1	1		1								
156	Тверь	ЦФО			1	1		1								
157	Тольятти	ПФО		1	1			1					1			
158	Томск	СФО		1	1	1							1	1		1

159	Тула	ЦФО			1	1		1				1			1	1	
160	Тюмень	УрФО		1	1	1							1	1		1	
161	Улан-Удэ	ДФО			1	1											1
162	Ульяновск	ПФО		1	1	1		1				1					
163	Уссурйск	ДФО															
165	Уфа	ПФО	1	1	1	1		1					1	1		1	
166	Ухта	СЗФО					1	1					1	1		1	
167	Хабаровск	ДФО		1	1	1											
170	Химки	ЦФО			1			1	1								
171	Чебоксары	ПФО			1	1		1				1					
172	Челябинск	УрФО	1	1	1	1						1			1	1	
173	Череповец	СЗФО			1			1				1			1	1	
174	Черкесск	СКФО				1		1									1
175	Чита	ДФО			1	1											1
176	Шахты	ЮФО						1				1					
177	Щелково	ЦФО						1	1			1					
178	Электросталь	ЦФО						1	1			1			1	1	
179	Элиста	ЮФО				1		1									1
180	Энгельс	ПФО						1		1		1					
181	Южно-Сахалинск	ДФО				1	1						1			1	
182	Якутск	ДФО			1	1	1										1
183	Ярославль	ЦФО		1	1	1		1					1	1		1	
ИТОГО				16	35	75	73	18	115	20	15	13	76	37	30	24	66

Примечание – Города в таблице указаны в алфавитном порядке.

Источник: составлено с использованием данных Росстата и информации из открытых источников.

Приложение Б

Индекс стоимости жизни (ИСЖ) в крупных городах России в 2023 г.

Таблица Б.1 – Индекс стоимости жизни (ИСЖ) в крупных городах России в 2023 г.

№ п.п.	Город	ИСЖ в 2023 г., %	Город-аналог
1	Петропавловск-Камчатский	142,56	
2	Норильск	138,26	
3	Якутск	132,37	
4	Южно-Сахалинск	129,44	
5	Балашиха	125,32	Москва
6	Москва	125,32	
7	Мытищи	125,32	Москва
8	Химки	125,32	Москва
9	Мурманск	122,07	
10	Хабаровск	117,91	
11	Ноябрьск	115,24	
12	Комсомольск-на-Амуре	115,13	
13	Артем	114,88	Владивосток
14	Владивосток	114,88	
15	Одинцово	114,13	
16	Люберцы	113,35	
17	Архангельск	113	
18	Санкт-Петербург	112,93	
19	Находка	112,37	
20	Домодедово	111,24	Подольск
21	Подольск	111,24	
22	Новый Уренгой	110,54	
23	Сергиев Посад	110,2	
24	Жуковский	109,96	Раменское
25	Пушкино	109,96	Раменское
26	Раменское	109,96	
27	Щелково	109,96	Раменское
28	Королев	109,91	Красногорск
29	Красногорск	109,91	
30	Сочи	109,91	
31	Уссурийск	109,63	
32	Коломна	109,47	Серпухов
33	Серпухов	109,47	
34	Ногинск	109,06	
35	Северодвинск	108,98	
36	Ухта	108,82	
37	Орехово-Зуево	108,7	
38	Нижневартовск	108,65	
39	Нефтеюганск	107,07	Сургут
40	Сургут	107,07	
41	Петрозаводск	105,46	
42	Чита	105,21	
43	Вологда	104,79	

44	Электросталь	104,58	
45	Пермь	104,56	
46	Череповец	104,49	
47	Сыктывкар	104,27	
48	Ессентуки	103,62	Пятигорск
49	Кисловодск	103,62	Пятигорск
50	Пятигорск	103,62	
51	Новороссийск	103,44	
52	Благовещенск	103,2	
53	Калининград	103,04	
54	Новошахтинск	101,41	Шахты
55	Шахты	101,41	
56	Владимир	100,49	
57	Красноярск	100,43	
58	Калуга	100,12	
59	Новомосковск	99,63	
60	Иркутск	99,39	
61	Новосибирск	99,39	
62	Абакан	99,34	
63	Ярославль	99,07	
64	Екатеринбург	98,62	
65	Рязань	98,2	
66	Ачинск	98,15	
67	Томск	97,87	
68	Обнинск	97,62	
69	Улан-Удэ	97,61	
70	Смоленск	97,26	
71	Бердск	97,21	
72	Каменск-Уральский	97,1	
73	Армавир	97,07	
74	Псков	96,98	
75	Тюмень	96,97	
76	Братск	96,92	
77	Муром	96,86	
78	Первоуральск	96,7	
79	Нижний Тагил	96,61	
80	Тверь	96,6	
81	Кызыл	96,51	
82	Батайск	96,41	Ростов-на-Дону
83	Ростов-на-Дону	96,41	
84	Краснодар	96,28	
85	Иваново	96,03	
86	Новочеркасск	96,02	
87	Тула	95,87	
88	Кострома	95,79	
89	Нижний Новгород	95,75	
90	Великий Новгород	95,62	
91	Ставрополь	95,43	
92	Таганрог	95,39	
93	Курган	95,37	

94	Бийск	95,34	
95	Брянск	95,26	
96	Каспийск	95,07	Махачкала
97	Махачкала	95,07	
98	Ковров	94,88	
99	Березники	94,75	
100	Ульяновск	94,73	
101	Барнаул	94,29	
102	Ангарск	94,28	
103	Ижевск	94,01	
104	Новокуйбышевск	93,68	Самара
105	Самара	93,68	
106	Астрахань	93,44	
107	Копейск	93,27	Челябинск
108	Челябинск	93,27	
109	Волгодонск	93,16	
110	Рубцовск	92,91	
111	Воронеж	92,73	
112	Дзержинск	92,59	
113	Черкесск	92,24	
114	Невинномысск	91,82	
115	Киров	91,78	
116	Рыбинск	91,75	
117	Орёл	91,23	
118	Тамбов	91,23	
119	Майкоп	91,15	
120	Октябрьский	90,95	Уфа
121	Уфа	90,95	
122	Кемерово	90,92	
123	Ленинск-Кузнецкий	90,92	Кемерово
124	Элиста	90,78	
125	Саратов	90,76	
126	Энгельс	90,76	Саратов
127	Димитровград	90,62	
128	Нальчик	90,45	
129	Междуреченск	90,44	Новокузнецк
130	Новокузнецк	90,44	
131	Тольятти	90,4	
132	Златоуст	90,29	Миасс
133	Миасс	90,29	
134	Оренбург	89,96	
135	Дербент	89,48	
136	Липецк	89,48	
137	Киселевск	89,34	Прокопьевск
138	Прокопьевск	89,34	
139	Арзамас	89,09	
140	Владикавказ	89,02	
141	Курск	89,02	
142	Новочебоксарск	88,33	Чебоксары
143	Чебоксары	88,33	

144	Сызрань	88,21	
145	Казань	88,16	
146	Камышин	87,98	
147	Омск	87,97	
148	Пенза	87,81	
149	Магнитогорск	87,68	
150	Нефтекамск	87,65	
151	Волгоград	87,36	
152	Волжский	87,36	Волгоград
153	Орск	86,85	
154	Альметьевск	86,59	Набережные Челны
155	Набережные Челны	86,59	
156	Нижнекамск	86,59	Набережные Челны
157	Йошкар-Ола	86,56	
158	Балаково	86,44	
159	Елец	86,4	
160	Салават	86,37	Стерлитамак
161	Стерлитамак	86,37	
162	Старый Оскол	86,21	
163	Саранск	86,15	
164	Белгород	85,15	

Примечания:

1 Города в таблице указаны в порядке убывания индекса стоимости жизни.

2 В столбце «Города-аналоги» указаны те города, значения ИСЖ которых присвоены крупным городам, расположенным в соответствующей строке таблицы, ввиду отсутствия расчётов индекса по ним у Росстата.

Источник: данные Росстата.

Приложение В

Диаграммы рассеяния регрессий Барро для оценки β -конвергенции крупных городов России по ключевым показателям социально-экономического развития в 2000–2023 гг.

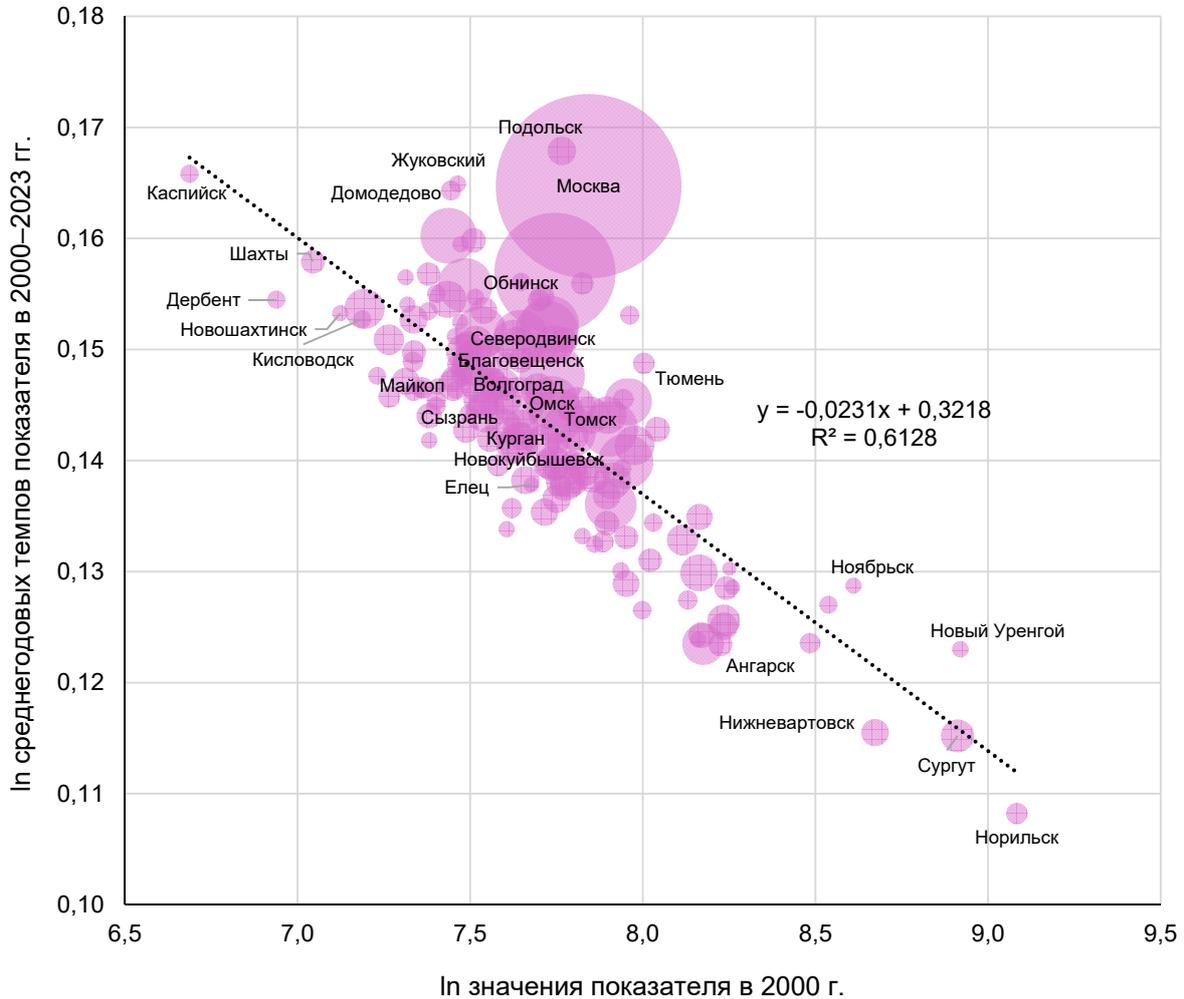

Рисунок В.1 – Регрессия Барро для β -конвергенции крупных городов России в 2000–2023 гг. по заработной плате

Примечание – Размеры кружков на диаграмме пропорциональны численности населения крупных городов России.

Источник: рассчитано по данным Росстата.

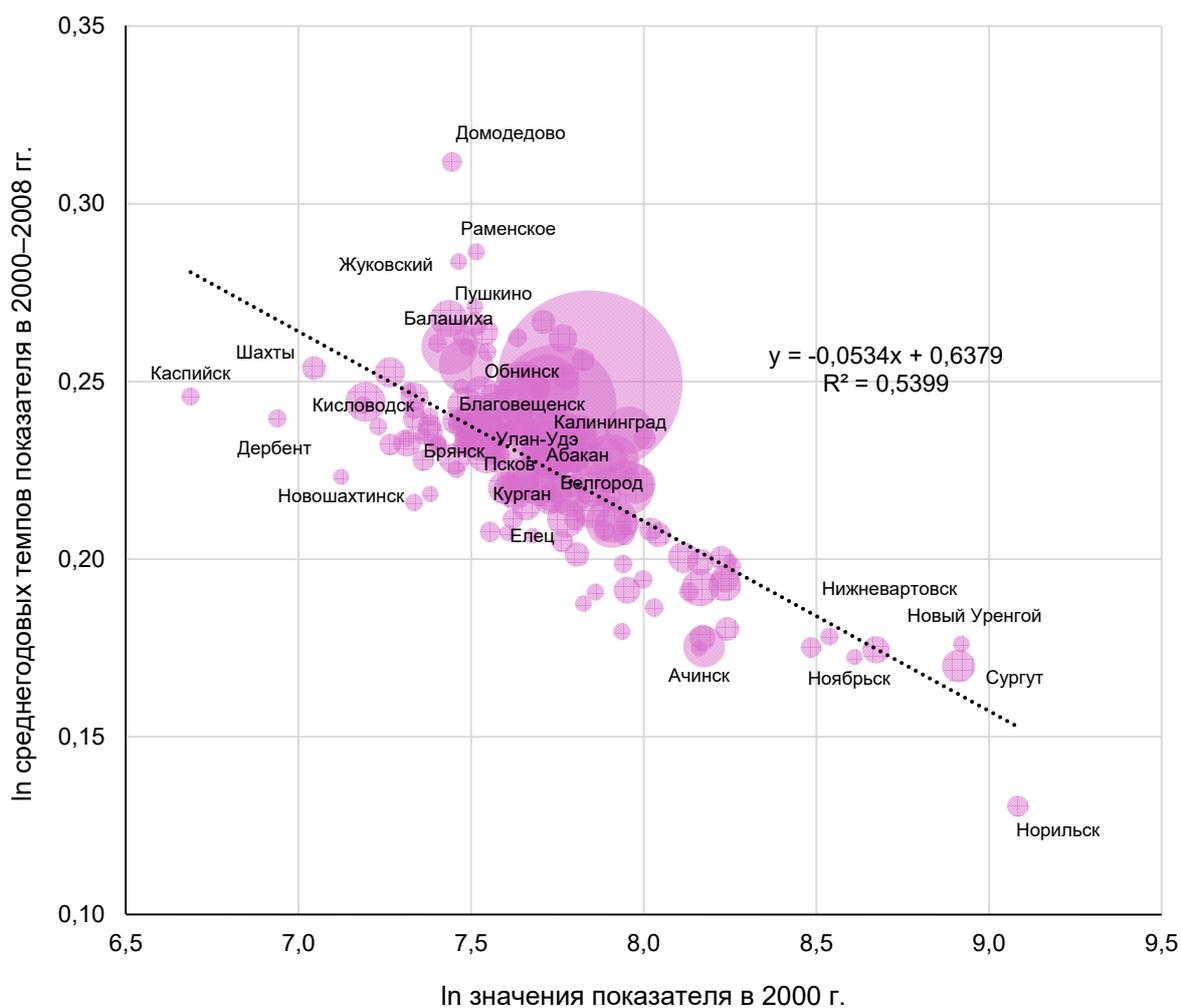

Рисунок В.2 – Регрессия Барро для β -конвергенции крупных городов России в 2000–2008 гг. по заработной плате

Примечание – Размеры кружков на диаграмме пропорциональны численности населения крупных городов России.

Источник: рассчитано по данным Росстата.

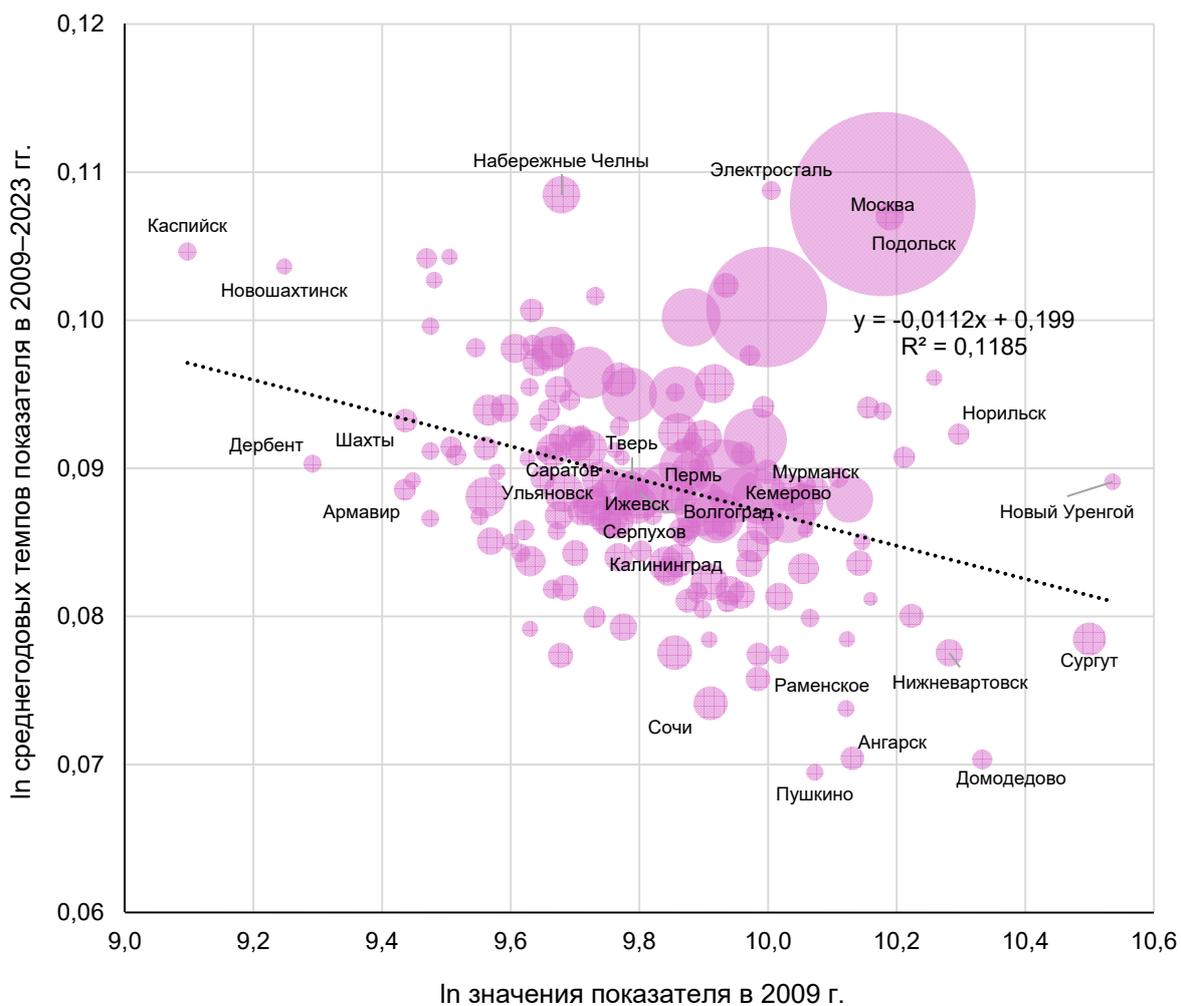

Рисунок В.3 – Регрессия Барро для β -конвергенции крупных городов России в 2009–2023 гг. по заработной плате

Примечание – Размеры кружков на диаграмме пропорциональны численности населения крупных городов России.

Источник: рассчитано по данным Росстата.

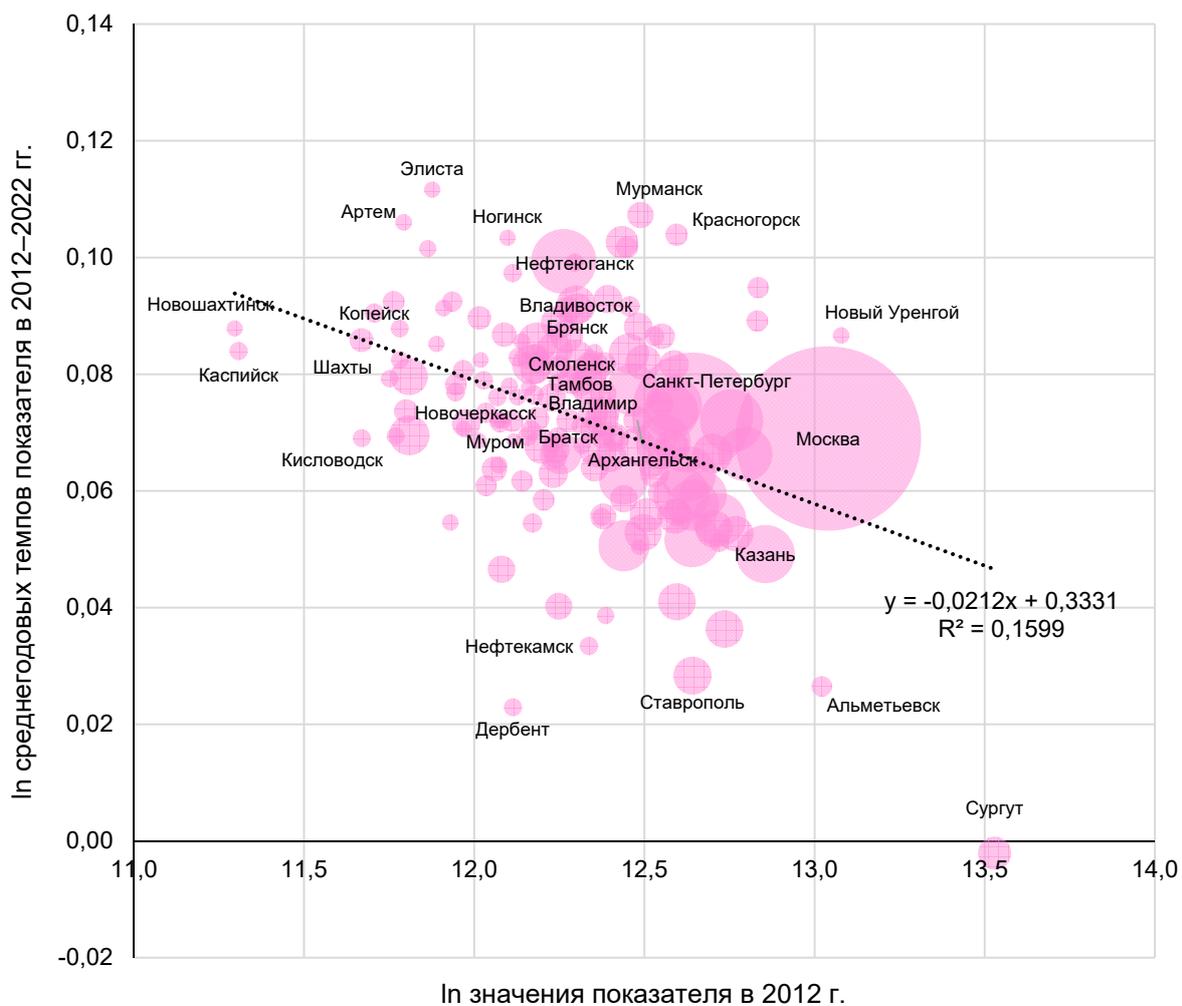

Рисунок В.4 – Регрессия Барро для β -конвергенции крупных городов России в 2012–2022 гг. по налогооблагаемым доходам населения и социальным выплатам

Примечание – Размеры кружков на диаграмме пропорциональны численности населения крупных городов России.

Источник: рассчитано по данным Росстата.

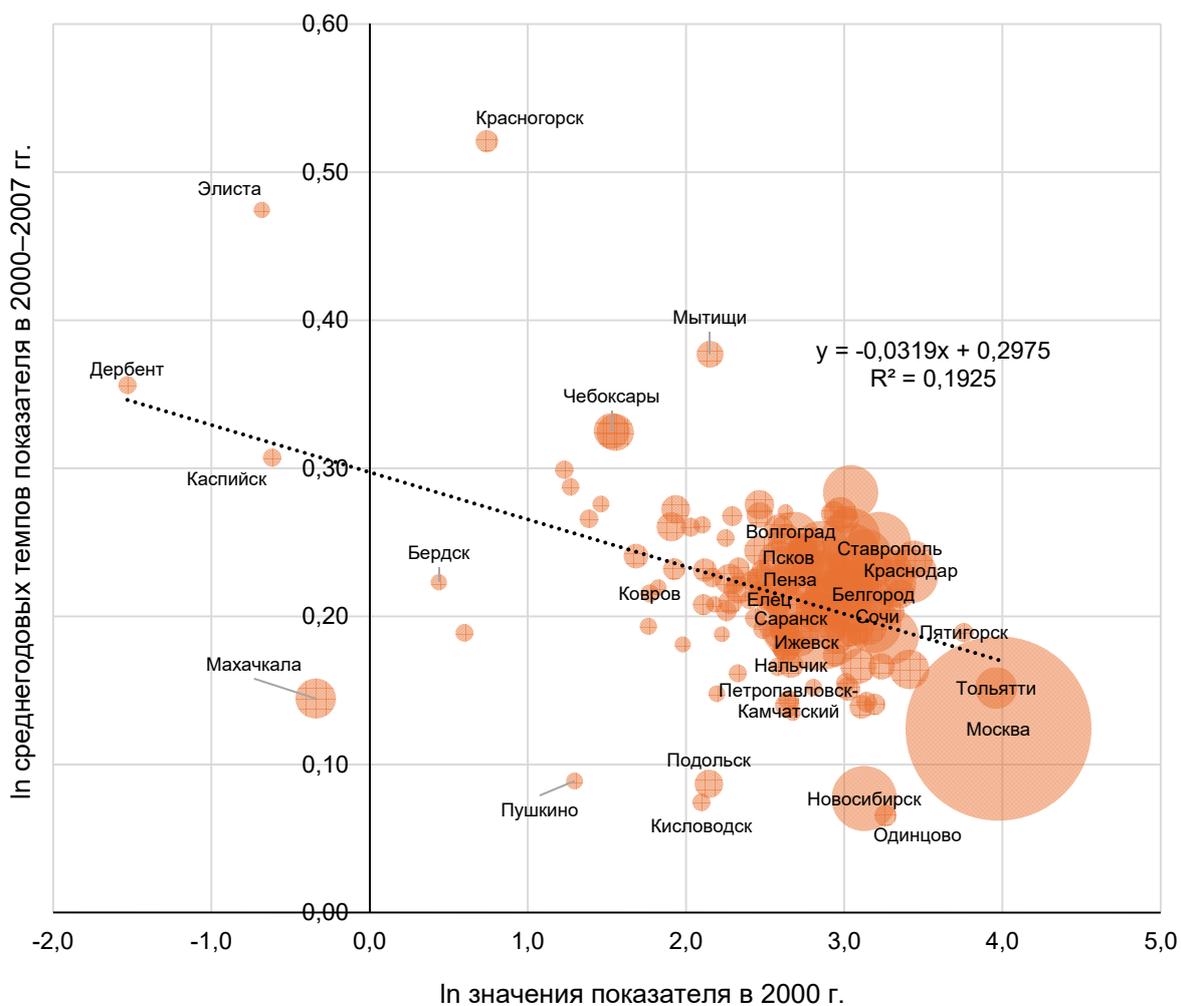

Рисунок В.5 – Регрессия Барро для β -конвергенции крупных городов России в 2000–2007 гг. по обороту розничной торговли на душу населения

Примечание – Размеры кружков на диаграмме пропорциональны численности населения крупных городов России.

Источник: рассчитано по данным Росстата.

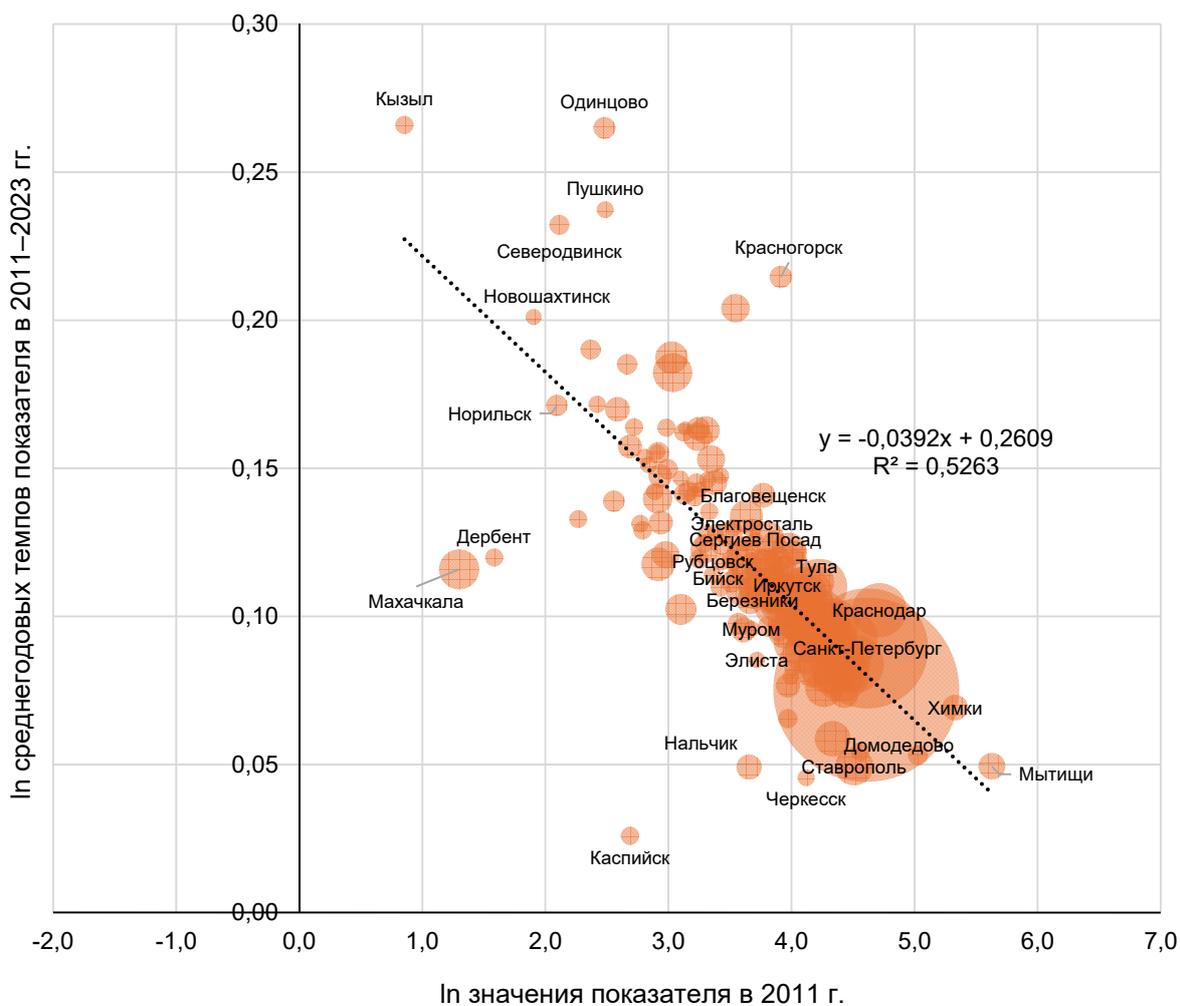

Рисунок В.6 – Регрессия Барро для β -конвергенции крупных городов России в 2011–2023 гг. по обороту розничной торговли на душу населения

Примечание – Размеры кружков на диаграмме пропорциональны численности населения крупных городов России.

Источник: рассчитано по данным Росстата.

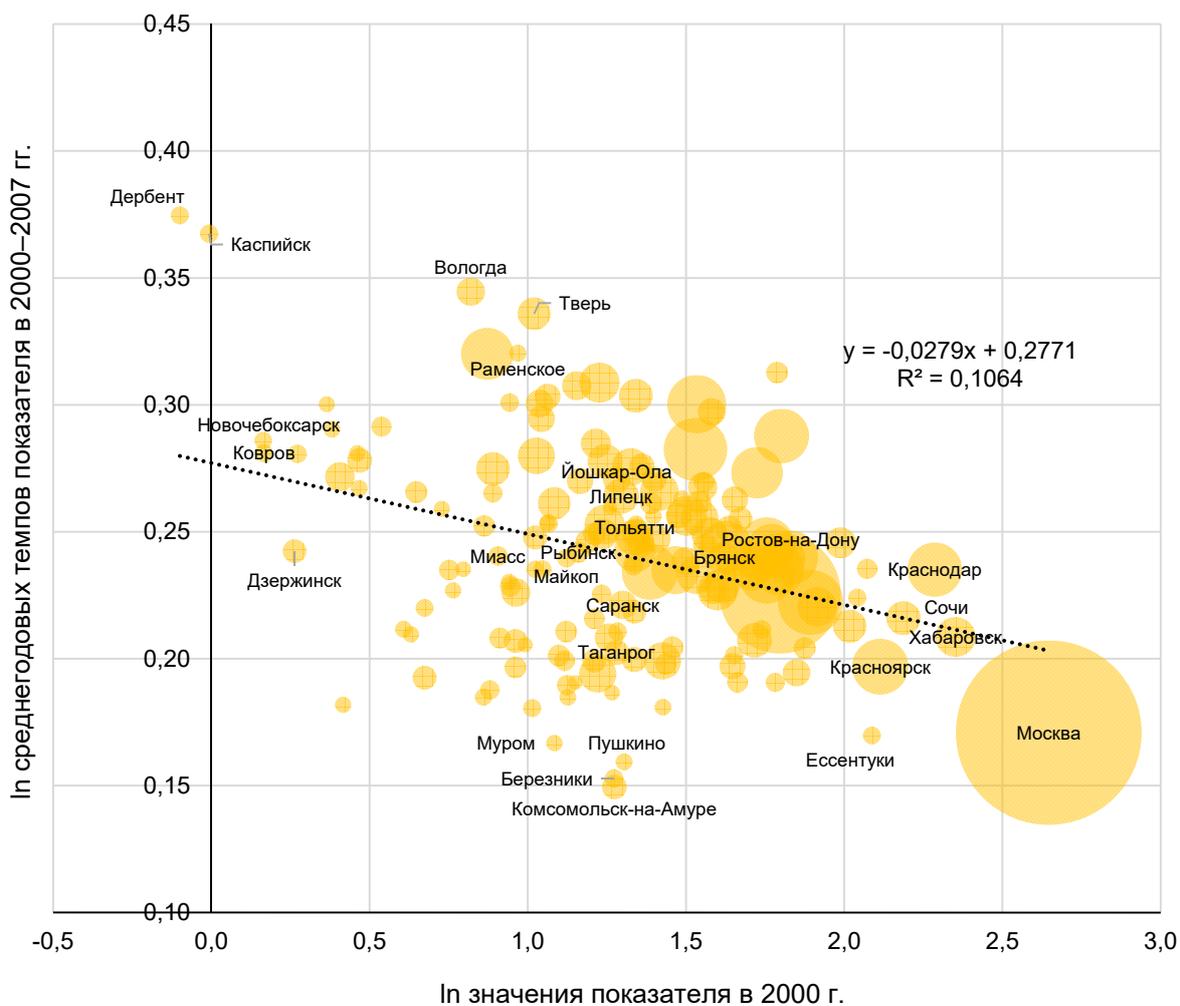

Рисунок В.7 – Регрессия Барро для β -конвергенции крупных городов России в 2000–2007 гг. по объёму платных услуг на душу населения

Примечание – Размеры кружков на диаграмме пропорциональны численности населения крупных городов России.

Источник: рассчитано по данным Росстата.

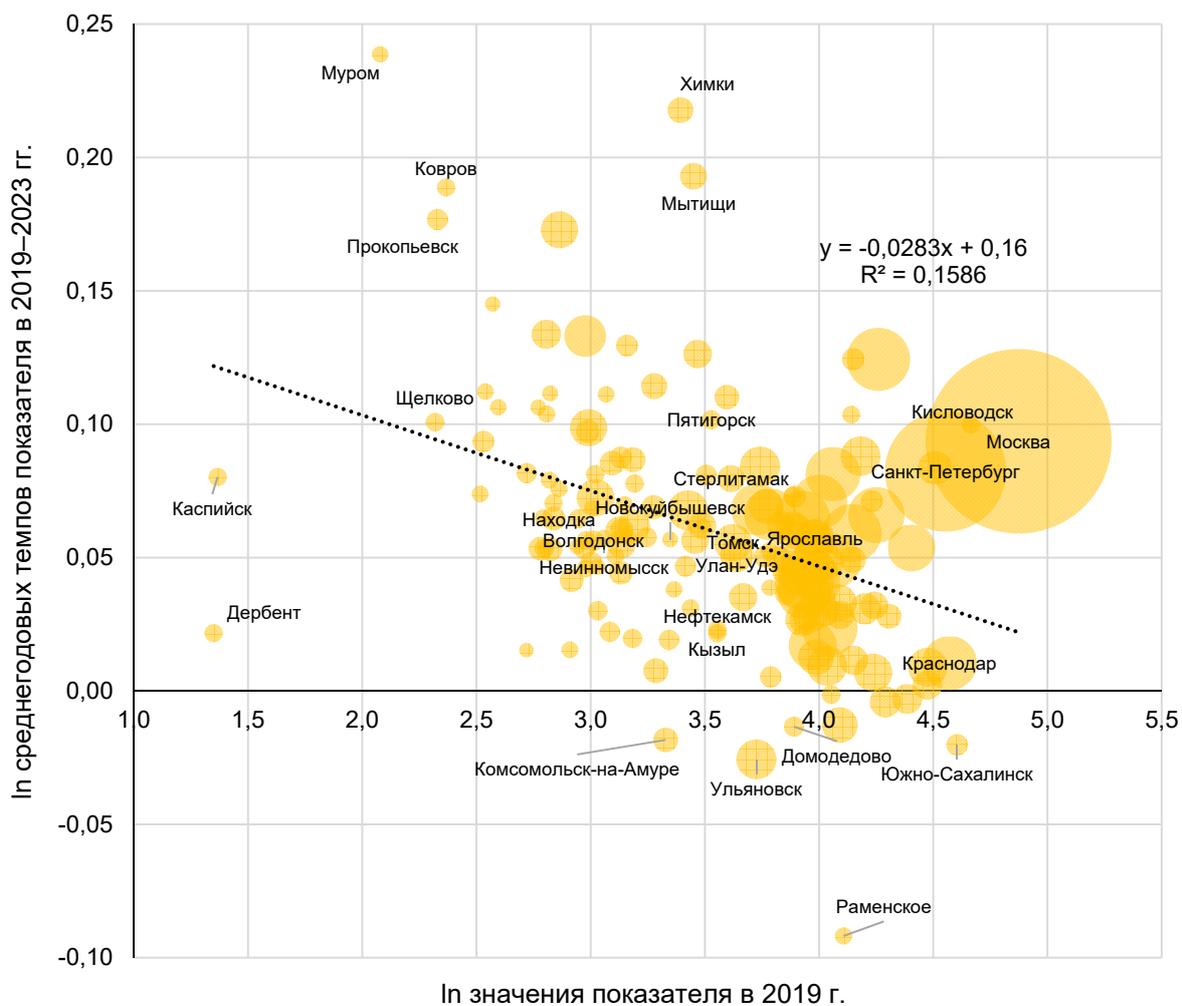

Рисунок В.8 – Регрессия Барро для β -конвергенции крупных городов России в 2019–2023 гг. по объёму платных услуг на душу населения

Примечание – Размеры кружков на диаграмме пропорциональны численности населения крупных городов России.

Источник: рассчитано по данным Росстата.

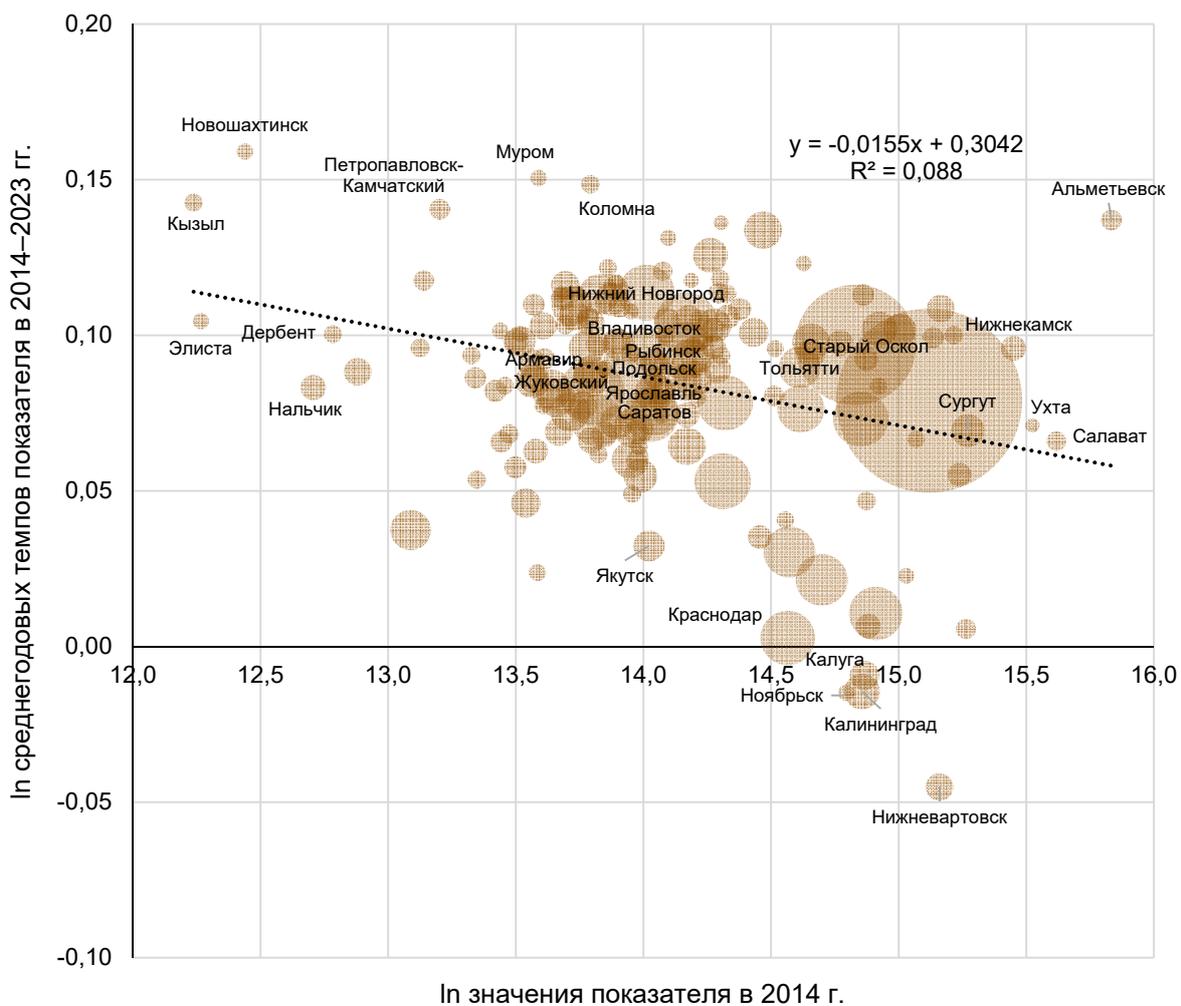

Рисунок В.9 – Регрессия Барро для β -конвергенции крупных городов России в 2014–2023 гг. по объёму отгруженных товаров и услуг на одного работника

Примечание – Размеры кружков на диаграмме пропорциональны численности населения крупных городов России.

Источник: рассчитано по данным Росстата.

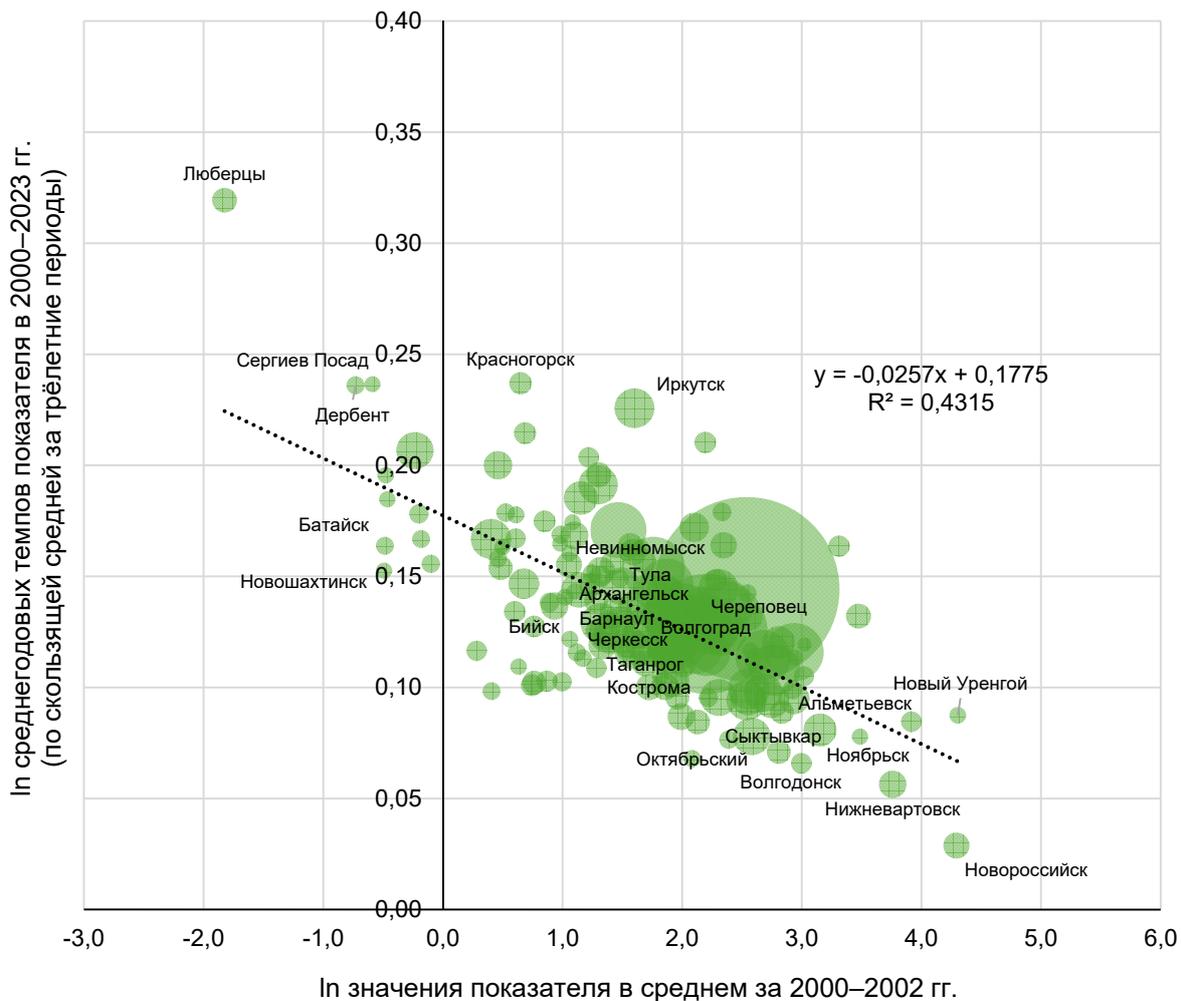

Рисунок В.10 – Регрессия Барро для β -конвергенции крупных городов России в 2000–2023 гг. по инвестициям в основной капитал на душу населения

Примечание – Размеры кружков на диаграмме пропорциональны численности населения крупных городов России.

Источник: рассчитано по данным Росстата.

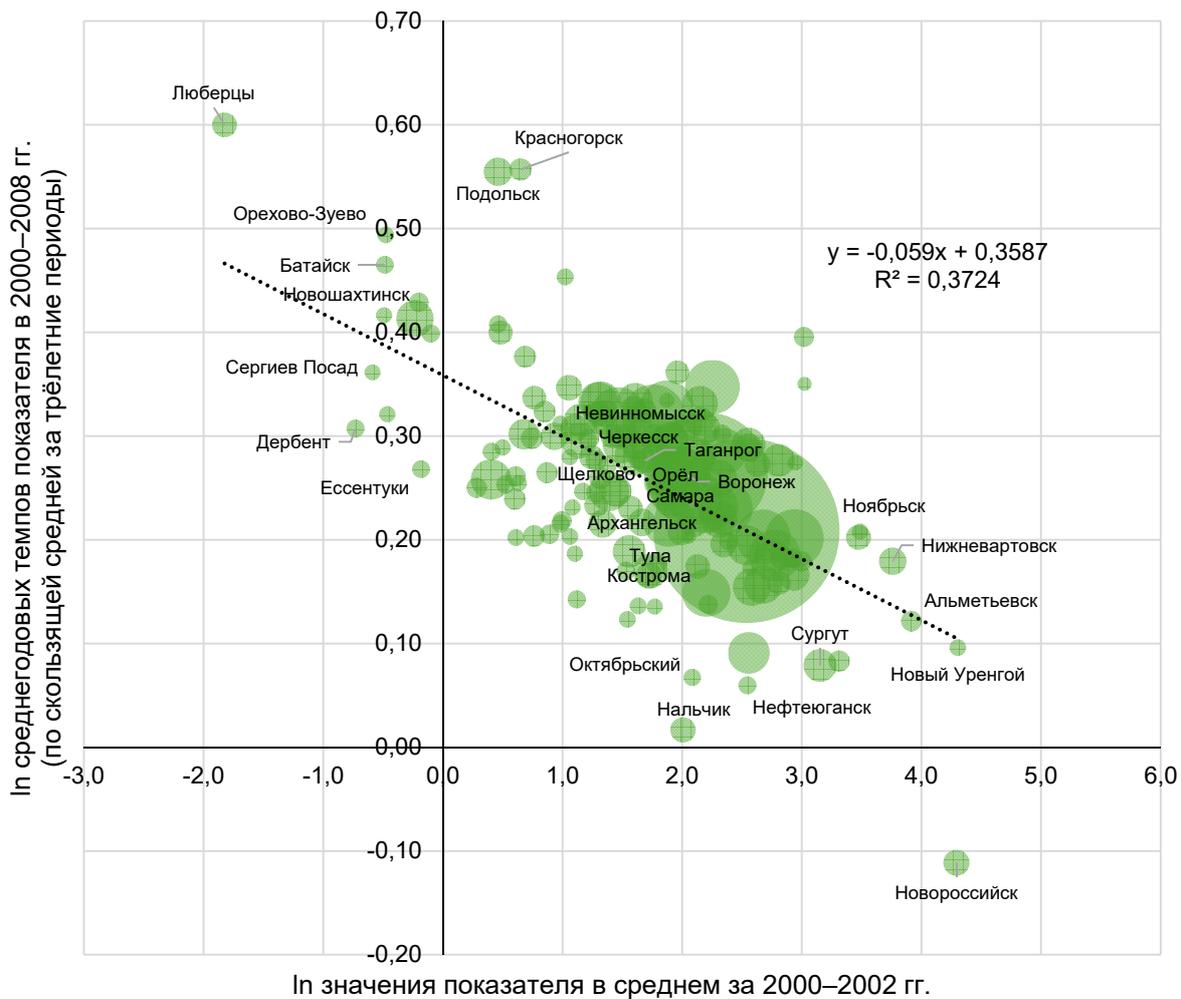

Рисунок В.11 – Регрессия Барро для β -конвергенции крупных городов России в 2000–2008 гг. по инвестициям в основной капитал на душу населения

Примечание – Размеры кружков на диаграмме пропорциональны численности населения крупных городов России.

Источник: рассчитано по данным Росстата.

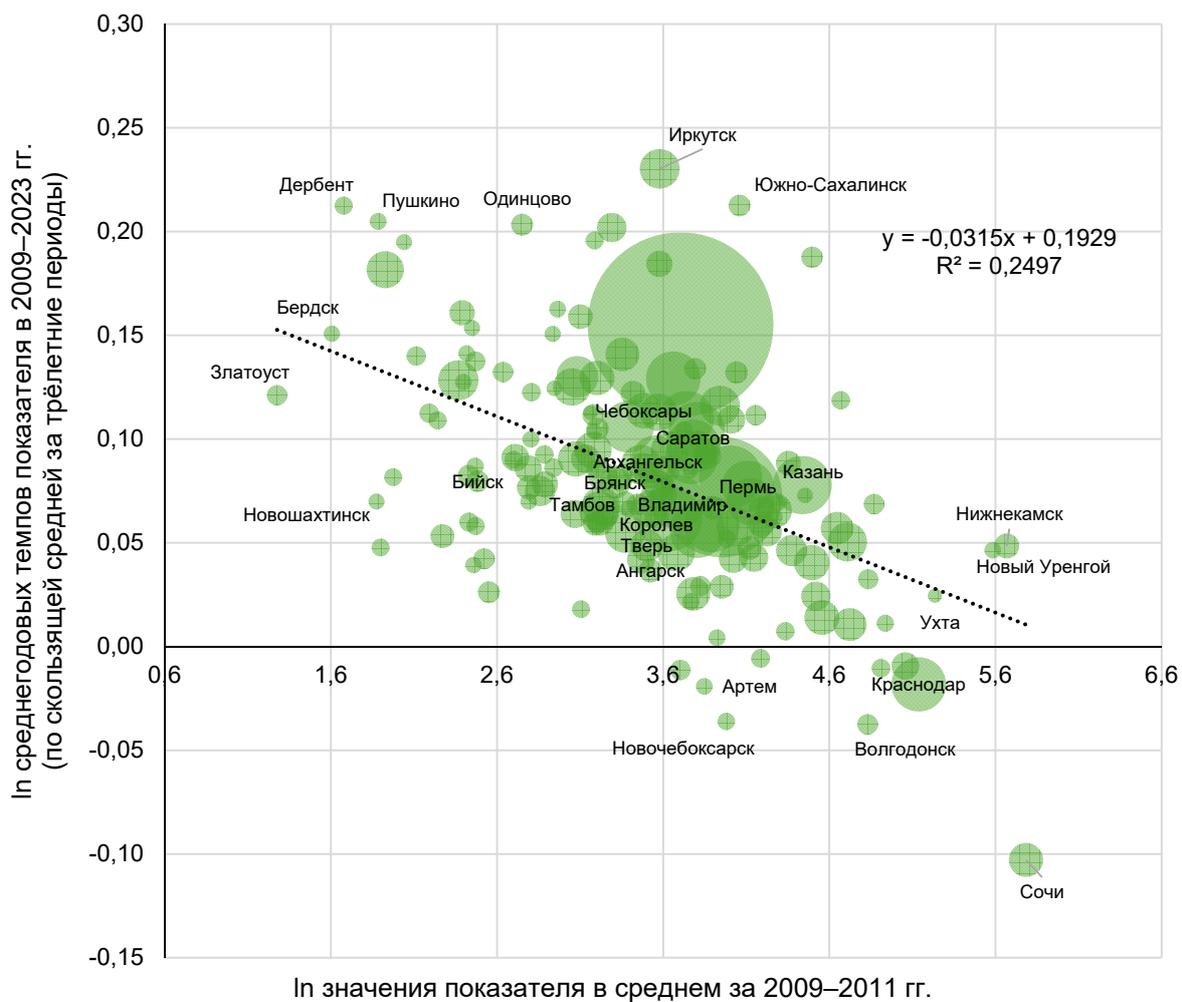

Рисунок В.12 – Регрессия Барро для β -конвергенции крупных городов России в 2009–2023 гг. по инвестициям в основной капитал на душу населения

Примечание – Размеры кружков на диаграмме пропорциональны численности населения крупных городов России.

Источник: рассчитано по данным Росстата.

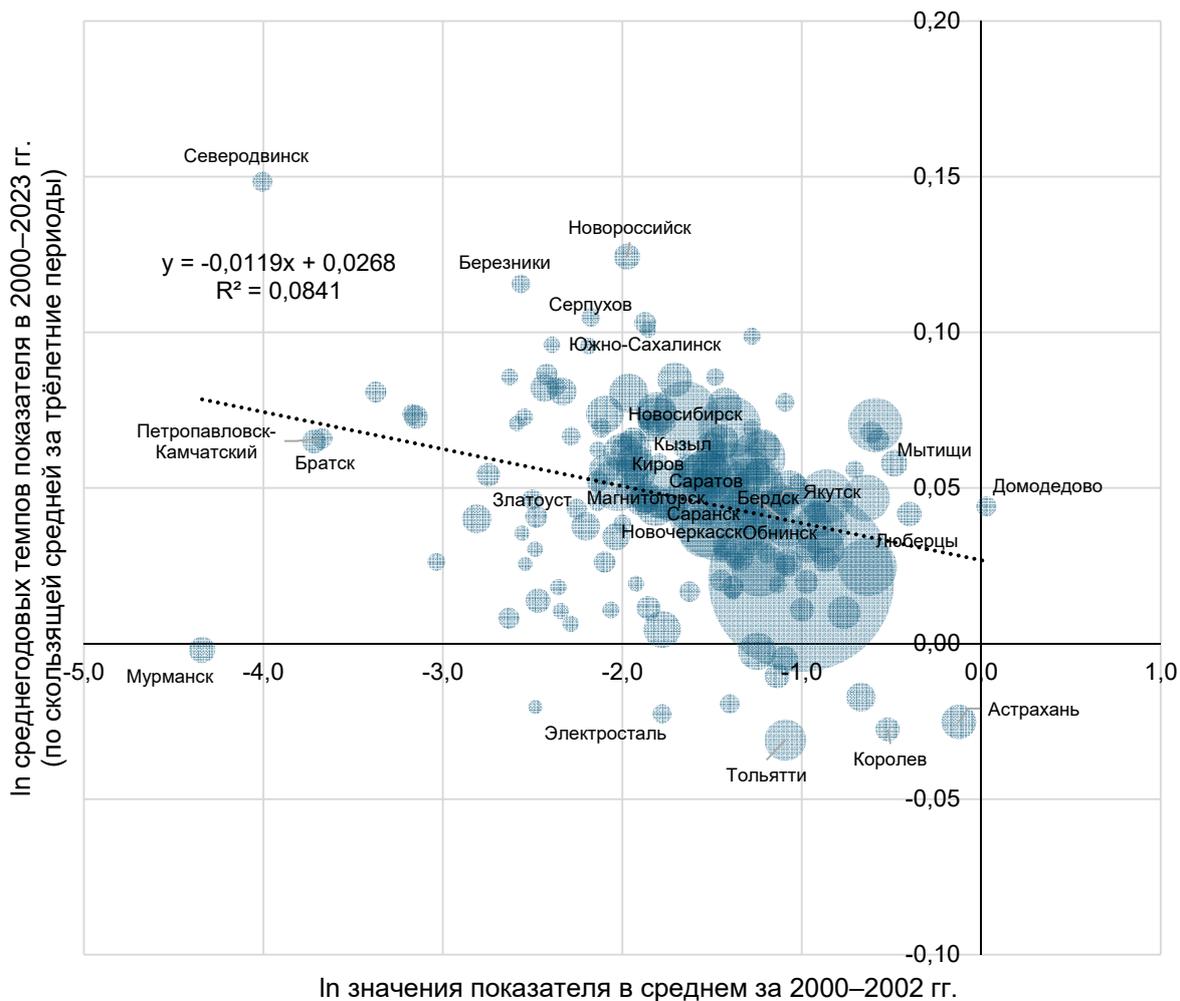

Рисунок В.13 – Регрессия Барро для β -конвергенции крупных городов России в 2000–2023 гг. по вводу жилья на душу населения

Примечания:

1 Размеры кружков на диаграмме пропорциональны численности населения крупных городов России.

2 Регрессия Барро построена без учёта г. Норильска, в котором за многие периоды наблюдается отсутствие ввода жилья, в то время как логарифм от нуля вычислить нельзя.

Источник: рассчитано по данным Росстата.

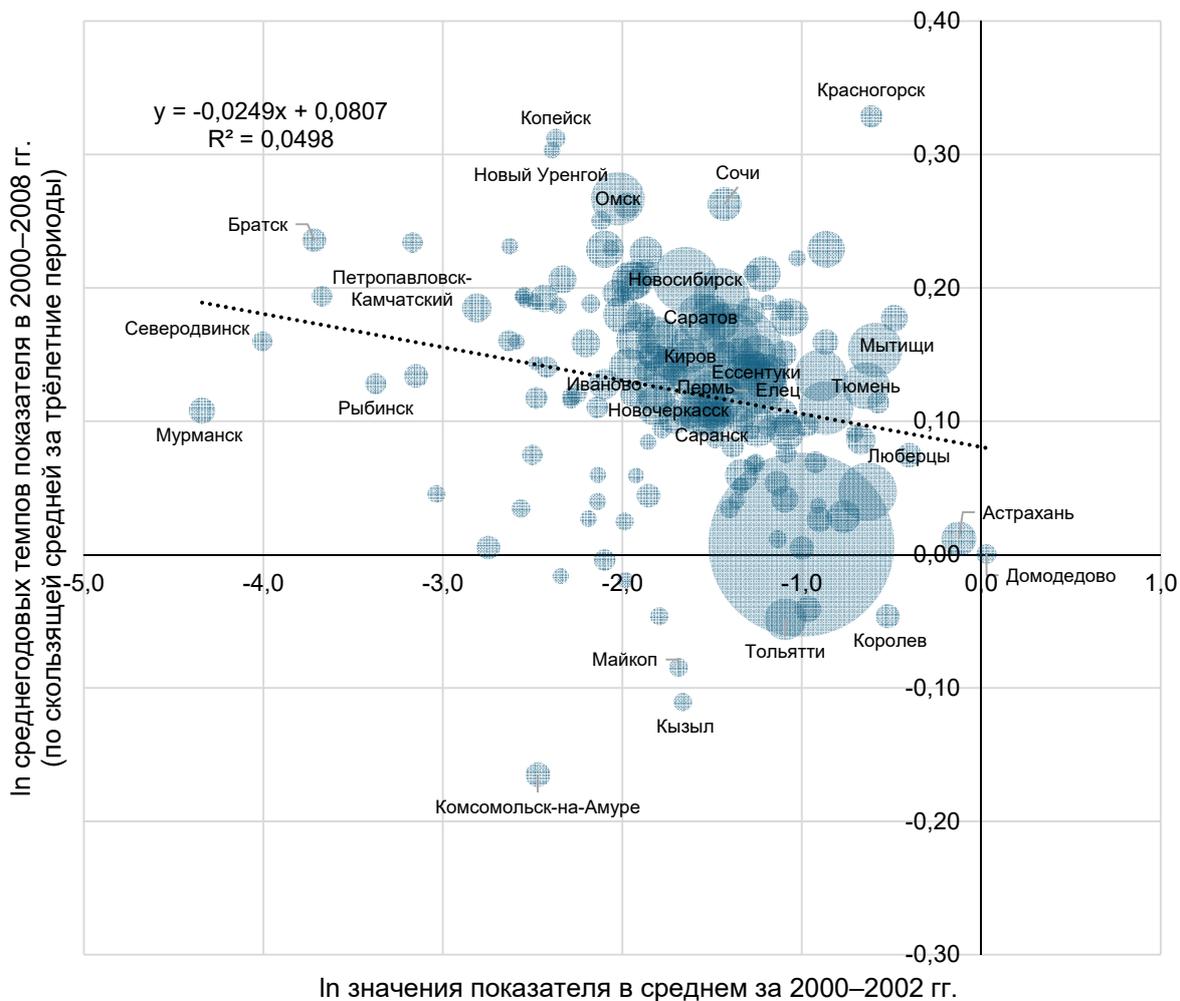

Рисунок В.14 – Регрессия Барро для β -конвергенции крупных городов России в 2000–2008 гг. по вводу жилья на душу населения

Примечания:

1 Размеры кружков на диаграмме пропорциональны численности населения крупных городов России.

2 Регрессия Барро построена без учёта г. Норильска, в котором за многие периоды наблюдается отсутствие ввода жилья, в то время как логарифм от нуля вычислить нельзя.

Источник: рассчитано по данным Росстата.

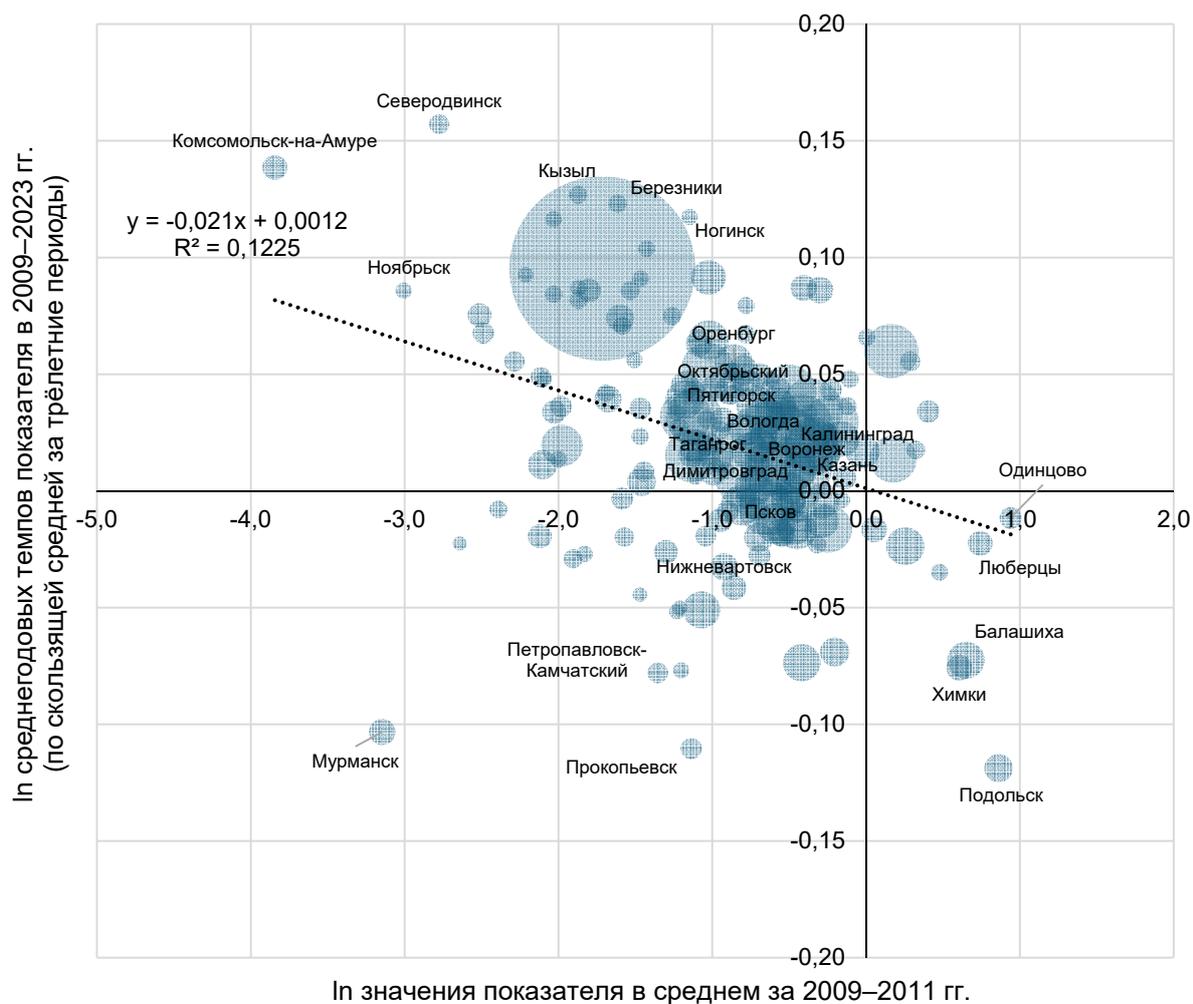

Рисунок В.15 – Регрессия Барро для β -конвергенции крупных городов России в 2009–2023 гг. по вводу жилья на душу населения

Примечания:

1 Размеры кружков на диаграмме пропорциональны численности населения крупных городов России.

2 Регрессия Барро построена без учёта г. Норильска, в котором за многие периоды наблюдается отсутствие ввода жилья, в то время как логарифм от нуля вычислить нельзя.

Источник: рассчитано по данным Росстата.

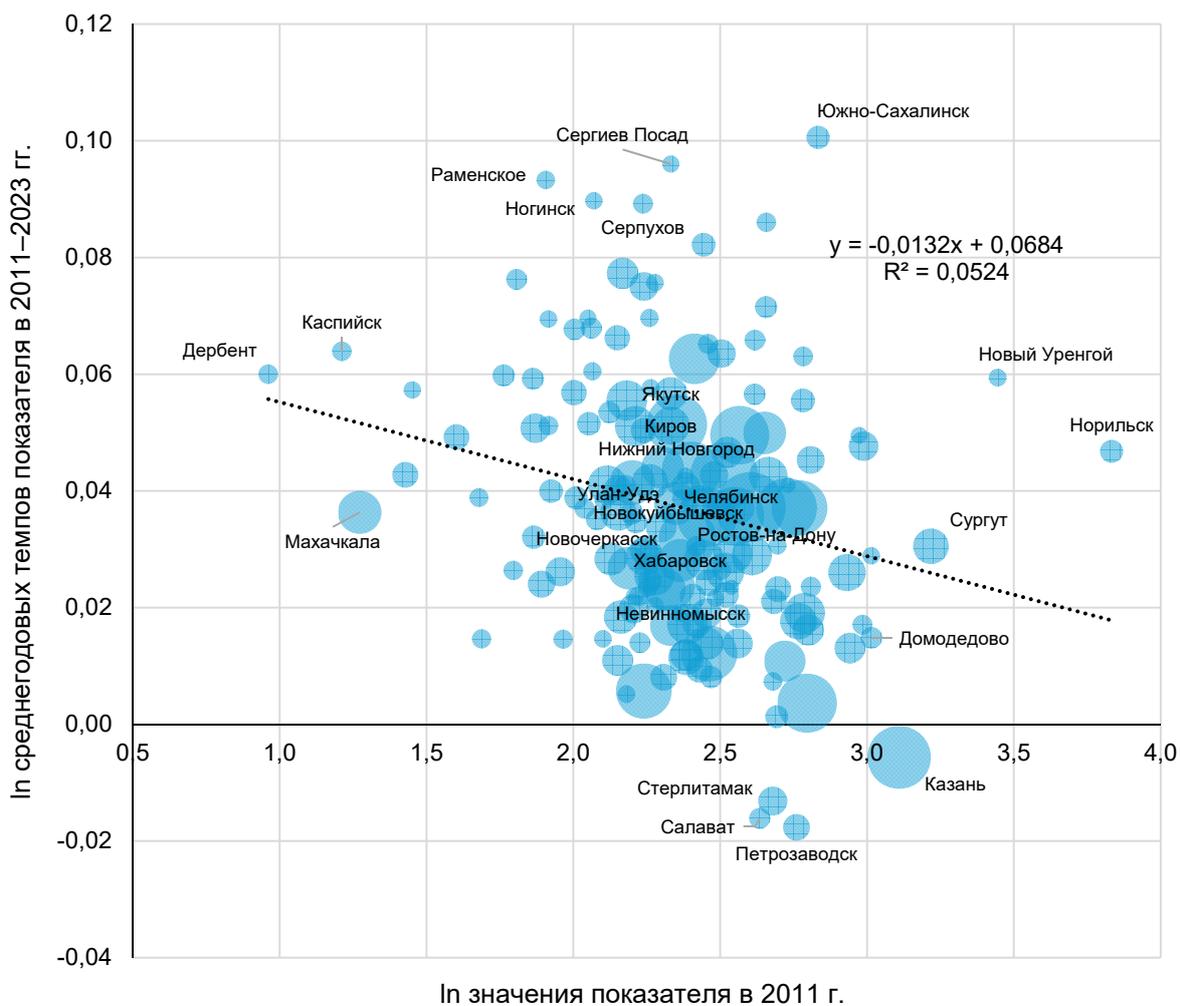

Рисунок В.16 – Регрессия Барро для β -конвергенции крупных городов России в 2011–2023 гг. по налоговым и неналоговым доходам местного бюджета на душу населения

Примечания:

1 Размеры кружков на диаграмме пропорциональны численности населения крупных городов России.

2 Регрессия Барро построена без учёта городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга, так как их бюджеты формируются иначе, чем местные.

Источник: рассчитано по данным Росстата и ГИИС «Электронный бюджет».

Приложение Г

Доля крупных городов России в объёме социально-экономических показателей субъектов Российской Федерации в 2023 г.

Таблица Г.1 – Доля крупных городов России в объёме социально-экономических показателей субъектов Российской Федерации в 2023 г.

Субъект Российской Федерации	Численность населения, тыс. чел.	Фонд заработной платы, тыс. руб.	Налогооблагаемые доходы и соц. выплаты, тыс. руб. (2022 г.)	Оборот розничной торговли, млн руб.	Объём платных услуг, млн руб.	Инвестиции в основной капитал, млн руб.	Отгружено товаров и услуг, тыс. руб.	Ввод жилья, тыс. кв. м
г. Москва	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
г. Санкт-Петербург	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Самарская область	66,8	76,8	71,2	69,0	48,2	65,2	59,7	43,5
Хабаровский край	66,6	71,0	65,9	75,4	31,0	58,3	65,8	74,7
Новосибирская область	62,3	71,0	71,8	72,1	38,6	80,3	53,6	65,1
Ярославская область	62,2	72,3	66,5	52,6	51,4	86,7	71,8	41,1
Ульяновская область	63,2	78,4	71,9	73,1	30,4	79,6	–	63,4
Омская область	60,7	77,4	74,3	74,6	41,4	91,0	–	59,5
Челябинская область	60,5	68,8	78,3	68,6	34,8	71,2	77,5	44,3
Кемеровская область - Кузбасс	59,7	58,5	66,3	69,2	32,4	43,0	53,8	47,8
Волгоградская область	58,7	72,1	54,7	69,8	35,8	73,0	–	67,5
Республика Татарстан	58,7	66,9	56,5	65,2	32,2	69,5	79,9	53,4
Камчатский край	56,5	56,8	59,5	74,8	39,3	68,5	54,7	17,6
Приморский край	59,9	68,6	60,2	81,8	36,7	76,4	96,8	69,2
Вологодская область	55,0	69,1	76,8	62,2	42,1	73,1	74,7	50,0
Саратовская область	61,5	73,8	65,9	62,2	43,8	86,8	–	82,5
Тюменская область	53,3	67,2	68,6	67,8	54,1	56,8	45,5	55,4
Чувашская Республика	53,7	68,0	65,8	63,8	39,4	91,7	83,5	54,7

Томская область	54,2	59,0	59,4	67,7	43,4	36,1	53,0	36,5
Красноярский край	52,2	58,7	66,0	63,8	36,6	47,2	52,1	57,8
Липецкая область	52,0	63,8	47,9	62,5	30,9	58,2	71,0	32,0
Ростовская область	51,9	66,8	52,0	51,5	33,1	81,0	76,4	59,6
Свердловская область	52,3	63,3	60,1	60,7	40,8	59,2	58,9	61,0
Нижегородская область	52,2	63,8	56,7	59,8	46,8	58,8	60,9	45,3
Астраханская область	49,2	58,4	48,4	68,5	50,7	67,4	–	39,3
Рязанская область	48,1	65,6	58,2	56,5	43,3	55,7	72,6	44,9
Ханты-Мансийский АО - Югра	47,6	35,6	42,2	50,3	25,2	9,6	19,5	36,7
Калининградская область	47,4	63,7	66,5	56,2	29,0	72,8	43,1	39,9
Архангельская область	47,9	59,6	56,3	58,3	37,1	54,3	71,7	54,7
Костромская область	46,9	54,2	57,8	51,7	41,1	41,9	61,2	56,0
Пермский край	47,1	62,8	58,1	58,3	27,9	84,1	50,8	44,6
Воронежская область	46,0	58,9	52,3	50,4	37,2	60,3	47,9	47,7
Республика Башкортостан	46,1	64,0	45,2	50,1	33,1	72,1	85,9	45,8
Республика Карелия	45,0	48,2	48,0	53,4	28,3	52,1	37,3	37,8
Республика Бурятия	44,8	51,7	57,7	61,4	34,1	61,2	65,4	56,7
Иркутская область	45,3	47,1	57,9	63,4	43,4	49,5	49,6	29,8
Владимирская область	44,9	58,3	51,7	52,1	37,5	34,4	61,5	37,9
Алтайский край	47,3	58,7	50,4	63,0	34,6	54,1	64,2	62,5
Калужская область	45,3	61,4	53,7	63,2	41,4	61,0	50,8	39,5
Удмуртская Республика	43,1	53,0	64,5	58,3	35,4	61,7	52,0	39,9
Республика Северная Осетия - Алания	45,6	70,6	32,3	67,6	38,0	54,3	–	60,9
Республика Марий Эл	44,1	54,0	49,3	57,8	49,1	54,7	56,0	39,1
Орловская область	42,2	52,0	43,1	56,6	38,2	42,7	52,4	40,9
Кировская область	44,3	55,7	52,9	58,0	36,9	64,4	80,0	54,9
Республика Коми	45,2	43,1	44,8	56,4	34,8	40,2	73,6	54,8
Курская область	41,2	40,1	40,6	59,4	32,8	16,5	31,1	47,5
Московская область	61,4	61,2	56,3	64,3	39,2	60,8	58,5	57,5

Ямало-Ненецкий АО	40,7	29,4	31,4	40,6	19,9	4,8	5,7	43,2
Мурманская область	40,6	38,8	53,2	45,2	31,9	54,1	26,4	5,1
Республика Мордовия	44,3	52,5	53,9	61,5	38,4	50,3	46,4	54,2
Курганская область	40,2	60,6	50,4	57,7	48,7	72,7	92,1	51,6
Оренбургская область	40,5	53,8	41,1	50,5	33,8	49,2	43,5	43,8
Ивановская область	39,6	54,9	41,5	50,8	34,3	52,9	63,3	40,8
Пензенская область	39,5	57,4	60,5	48,7	32,6	48,1	61,6	55,0
Сахалинская область	40,9	55,4	54,2	65,6	37,8	77,0	21,1	40,2
Тульская область	45,4	65,5	58,2	58,5	37,6	54,6	67,9	65,8
Новгородская область	38,9	52,9	47,5	45,6	34,5	67,1	75,8	28,5
Республика Калмыкия	40,3	69,1	65,8	73,4	57,1	69,2	–	86,3
Республика Тыва	38,5	58,4	48,9	72,6	33,6	60,0	59,0	69,5
Ставропольский край	39,5	53,5	40,4	47,8	39,1	54,4	61,3	52,1
Республика Саха (Якутия)	38,4	23,8	35,1	45,9	33,3	10,9	13,8	53,2
Белгородская область	38,6	48,3	41,7	49,3	27,6	52,5	42,1	29,6
Смоленская область	36,0	47,5	42,9	46,9	45,7	36,8	41,7	37,3
Республика Хакасия	35,2	44,7	50,2	49,7	33,6	40,8	19,4	55,2
Краснодарский край	40,3	54,4	41,4	49,8	25,2	54,3	46,2	61,6
Тверская область	34,4	48,5	42,4	46,2	35,3	22,8	68,5	29,4
Забайкальский край	33,8	38,6	40,4	58,3	32,3	64,2	32,2	45,6
Брянская область	34,1	52,1	43,1	47,1	39,6	46,2	55,3	46,7
Псковская область	32,2	43,6	31,8	39,6	34,6	53,2	36,6	23,4
Амурская область	32,7	25,8	36,4	59,3	35,5	10,3	28,1	31,8
Республика Адыгея	32,3	47,2	25,3	19,2	33,0	38,1	63,2	20,0
Республика Дагестан	31,4	53,2	18,1	73,4	17,3	84,7	–	38,0
Кабардино-Балкарская Республика	30,0	59,4	22,6	58,1	28,5	60,7	91,3	50,2
Тамбовская область	30,2	45,3	30,7	45,3	30,7	41,4	38,8	48,4
Карачаево-Черкесская Республика	24,1	50,7	34,4	54,6	24,1	29,8	42,6	46,1

Республика Крым	Статистические сведения по крупным городам субъектов Российской Федерации в рамках исследования не собирались ввиду их низкого качества, короткого ряда или отсутствия							
г. Севастополь								
Республика Ингушетия								
Чеченская Республика								
Донецкая Народная Республика								
Запорожская область								
Луганская Народная Республика								
Херсонская область								
Еврейская АО								
Ленинградская область								
Магаданская область								
Ненецкий АО								
Республика Алтай								
Чукотский АО								
В среднем по субъектам Российской Федерации	47,6	58,1	53,2	59,5	38,2	57,3	57,0	49,4

Примечания:

1 Субъекты Российской Федерации указаны в таблице в порядке доли крупных городов в их численности населения.

2 В ряде субъектов Российской Федерации расчётная доля крупных городов в объёме отгруженных товаров и услуг превышает 100% из-за исходных разночтений статистических данных по муниципалитетам и регионам у Росстата – такие случаи в таблице обозначены прочерком («—»). Значения близкие к 100% в отдельных регионах также могут быть обусловлены данными разночтениями.

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Приложение Д

Доля неравенства крупных городов России (невзвешенного индекса Тейла), объясняемая влиянием ключевых факторов, в 2000–2023 гг. в разрезе ключевых показателей социально-экономического развития

Таблица Д.1 – Доля неравенства крупных городов России (невзвешенного индекса Тейла) по заработной плате, объясняемая влиянием ключевых факторов, в 2000–2023 гг., %

Фактор	Аспект влияния фактора	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Люд-ность	Более 1 млн чел.	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,3	0,5	0,5	0,4	0,3	0,4	0,3	0,4	0,5	0,4	0,3	0,4	0,6	0,6	0,7	1,0	0,9	1,3
	Более 500 тыс. чел.	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0	0,2	0,1	0,2	0,6	0,3	0,2	0,3	0,3	0,4	0,4	0,2	0,1	0,0	0,3	0,3	0,4	0,5	0,7	1,1
	Более 250 тыс. чел.	0,0	0,1	0,2	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0	0,2	0,1	0,0	0,0	0,0	0,1	0,0
Адм. ста-тус	Региональные столицы	3,0	4,5	2,3	1,2	1,5	0,8	0,5	0,6	0,3	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0	0,1	0,4	0,8	0,1	0,0	0,0	0,0	0,3	0,5
Географическое положение	На Крайнем Севере	36,6	35,9	36,8	35,4	32,8	30,2	28,0	21,8	19,5	23,2	21,9	21,8	23,7	27,2	29,8	30,5	29,9	28,9	27,7	29,4	32,5	29,3	29,8	21,1
	В Европе	17,2	15,2	16,6	17,2	16,3	17,1	15,1	10,8	9,8	8,4	9,8	10,4	8,8	8,5	10,0	10,8	9,4	10,3	12,0	12,5	12,9	10,6	12,9	9,7
	В пригороде Москвы	2,4	0,5	0,2	0,1	0,0	0,2	2,1	7,8	11,1	13,0	10,7	10,7	11,7	9,8	8,5	8,1	8,1	9,0	9,2	8,4	6,8	8,2	6,0	9,1
	В пригороде других крупных городов	2,3	2,4	3,0	3,2	2,6	2,2	2,8	3,5	3,7	4,7	4,8	4,0	5,3	5,4	5,2	4,3	4,4	3,3	3,0	3,6	4,0	4,7	4,0	3,6
	В ЦФО	5,6	3,2	1,8	1,1	0,7	0,6	0,0	0,8	1,5	1,7	1,6	1,5	1,7	1,2	0,6	0,5	0,5	0,6	0,6	0,5	0,2	0,6	0,1	0,6
	В СЗФО	1,0	0,6	0,7	0,7	1,1	1,4	1,6	0,9	0,8	1,3	1,3	0,9	1,0	0,9	0,8	0,6	0,5	0,2	0,4	0,3	0,4	0,3	0,2	0,0
	В ЮФО	3,9	3,9	4,5	5,4	5,9	7,2	7,1	7,0	6,2	4,3	5,2	5,1	5,1	4,4	5,9	6,8	6,6	7,1	7,5	7,6	7,3	6,9	6,6	6,7
	В СКФО	6,4	6,4	8,0	8,3	9,9	10,4	12,0	12,8	14,0	9,1	10,7	10,5	7,5	5,7	5,5	6,1	5,6	6,3	8,1	8,4	7,5	8,8	9,4	11,5
	В ПФО	0,0	0,0	0,3	0,6	0,6	0,8	1,5	1,8	2,2	4,7	4,4	4,4	4,9	4,7	3,6	2,7	2,0	1,9	2,2	2,2	2,1	1,5	1,1	0,3
	В УФО	15,0	17,2	17,1	15,9	14,6	12,4	14,7	13,2	10,1	5,8	6,4	7,4	6,7	7,0	8,5	8,3	8,3	9,0	6,6	7,5	8,2	6,6	8,0	7,6
	В СФО	4,0	2,5	2,5	2,5	3,0	3,9	1,9	1,2	1,5	1,6	1,6	1,8	1,1	0,6	0,8	1,1	0,6	0,6	1,7	1,3	1,2	0,7	1,5	0,8
	В ДФО	0,0	0,0	0,1	0,3	0,1	0,3	0,3	0,0	0,1	0,5	0,9	0,7	0,8	1,2	1,0	1,2	1,1	1,3	2,1	2,4	2,5	2,7	2,1	1,2
	Приморское	0,0	0,0	0,0	0,1	0,2	0,1	0,1	0,3	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2	0,4	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,3	0,2
Специализация	Промышленность	4,8	4,5	2,4	2,1	2,1	1,2	0,4	0,1	0,0	1,1	0,8	0,6	1,2	1,4	0,7	0,3	0,1	0,0	0,5	0,4	0,2	0,4	0,0	0,2
	ТЭК	17,7	18,7	16,3	15,9	15,2	13,9	11,3	7,7	6,7	5,3	5,2	4,8	5,0	4,7	5,6	6,2	6,1	6,4	7,2	7,1	7,1	6,1	7,9	7,9
	Нефтепереработка, химия и нефтехимия	1,6	2,0	1,1	1,1	0,8	0,9	0,3	0,1	0,0	0,0	0,0	0,1	0,1	0,1	0,0	0,0	0,1	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1
	Металлургия	3,9	2,7	2,6	2,3	1,8	1,8	1,0	0,7	0,2	0,1	0,0	0,0	0,1	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,3
	Экспортно ориентированные отрасли	25,9	25,6	21,8	20,6	18,9	18,7	14,0	9,8	6,7	3,8	4,2	4,0	3,4	3,3	5,0	6,2	6,9	7,0	6,1	5,7	5,9	4,4	6,9	7,7
	Бюджетные услуги	2,8	4,4	3,4	3,4	3,6	3,1	3,9	5,2	5,2	2,0	2,8	3,3	2,3	1,7	2,0	2,6	3,1	3,9	3,1	3,7	2,8	4,7	6,3	8,5

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Таблица Д.2 – Доля неравенства крупных городов России (невзвешенного индекса Тейла) по налогооблагаемым доходам населения и социальным выплатам, объясняемая влиянием ключевых факторов, в 2000–2023 гг., %

Фактор	Аспект влияния фактора	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Люд-ность	Более 1 млн чел.													7,0	6,6	3,8	3,0	3,0	2,3	3,0	3,6	7,1	8,3	5,3	
	Более 500 тыс. чел.													8,9	7,1	4,8	2,2	2,4	1,6	2,6	2,7	4,4	5,1	2,8	
	Более 250 тыс. чел.													14,9	13,6	7,9	4,3	2,1	1,9	3,9	4,7	6,9	8,6	7,8	
Адм. ста-тус	Региональные столицы													9,2	9,3	9,2	6,2	2,5	1,9	5,3	4,4	7,1	10,1	10,8	
Географическое положение	На Крайнем Севере													12,0	12,7	16,2	17,6	17,7	17,5	15,8	13,3	13,4	9,7	17,1	
	В Европе													3,3	2,6	3,2	2,6	2,6	2,1	4,6	4,1	3,8	2,1	4,0	
	В пригороде Москвы													0,3	0,1	0,2	0,6	0,7	2,2	0,9	2,3	2,3	3,0	0,8	
	В пригороде других крупных городов													12,8	12,5	12,1	10,8	11,4	10,9	9,1	8,9	9,4	10,9	9,8	
	В ЦФО													0,1	0,0	0,7	1,0	0,8	1,8	1,0	1,8	1,7	1,9	1,1	
	В СЗФО													1,6	1,9	4,1	3,3	1,1	1,5	2,2	1,4	1,8	2,1	3,2	
	В ЮФО													3,2	3,3	5,1	5,9	6,1	7,8	6,4	6,6	4,7	2,9	4,0	
	В СКФО													5,4	3,6	7,0	6,5	4,5	3,9	7,4	8,3	12,6	11,2	12,3	
	В ПФО													0,0	0,1	1,0	0,7	0,2	0,4	1,1	0,9	0,7	0,8	1,2	
	В УФО													5,6	6,0	5,2	4,6	4,5	5,5	5,5	5,7	5,4	3,5	4,2	
	В СФО													0,1	0,0	0,0	0,0	0,2	0,2	0,0	0,1	0,1	0,3	0,0	
	В ДФО													0,0	0,0	0,2	0,3	0,8	0,1	1,3	1,1	1,1	1,0	1,6	
	Приморское													0,2	0,4	0,7	0,6	0,4	0,1	0,2	0,2	0,4	0,6	1,0	
Специализация	Промышленность													3,0	3,2	2,2	1,9	1,0	0,6	1,7	1,3	1,7	4,9	3,4	
	ТЭК													5,6	2,9	1,5	1,2	1,8	1,8	0,8	1,0	0,9	0,0	0,2	
	Нефтепереработка, химия и нефтехимия													0,1	0,1	0,1	0,2	0,1	0,3	0,8	1,1	0,9	1,0	1,5	
	Металлургия													0,0	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0	0,2	
	Экспортно ориентированные отрасли													5,1	3,2	1,7	1,5	2,9	2,2	0,8	1,1	0,7	0,0	0,2	
	Бюджетные услуги													3,0	2,1	4,1	4,1	4,7	5,7	6,0	8,1	8,2	6,5	5,7	

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Таблица Д.3 – Доля неравенства крупных городов России (невзвешенного индекса Тейла) по обороту розничной торговли на душу населения, объясняемая влиянием ключевых факторов, в 2000–2023 гг., %

Фактор	Аспект влияния фактора	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Люд-ность	Более 1 млн чел.	2,9	4,1	5,8	6,9	4,3	6,0	6,3	7,5				4,7	6,5	4,1	2,7	4,2	3,7	3,2	3,2	2,5	3,6	3,4	3,6	4,4
	Более 500 тыс. чел.	13,7	15,7	14,4	14,8	12,8	14,9	13,3	14,3				6,2	8,3	5,0	3,6	5,6	5,1	3,9	3,5	2,9	2,6	1,9	2,0	2,7
	Более 250 тыс. чел.	12,0	12,3	11,7	12,7	14,4	15,2	14,0	15,6				6,3	8,8	5,8	4,4	8,9	7,3	7,5	6,7	5,5	5,5	8,5	10,2	10,3
Адм. ста-тус	Региональные столицы	8,7	9,4	11,6	12,2	14,2	13,5	13,9	12,2				7,8	9,7	5,3	3,7	8,3	6,3	4,9	4,5	3,9	3,3	3,3	5,2	5,8
Географическое положение	На Крайнем Севере	2,1	3,7	3,9	5,0	3,3	2,7	2,1	0,8				5,1	4,1	3,3	3,1	3,6	3,9	4,4	3,1	2,6	1,9	1,7	1,3	1,6
	В Европе	1,7	2,4	2,8	4,1	2,0	2,1	1,6	1,2				8,1	6,2	5,4	6,4	7,5	8,0	7,3	6,5	5,7	5,7	6,2	5,7	4,2
	В пригороде Москвы	9,2	11,3	9,2	9,0	7,9	7,8	4,5	3,8				10,5	7,5	10,2	13,5	11,4	16,9	20,8	23,4	26,7	28,7	28,8	20,9	19,5
	В пригороде других крупных городов	5,4	5,4	5,5	6,3	6,8	7,2	7,6	7,2				5,3	5,6	4,6	4,6	6,7	6,5	5,8	6,1	5,4	5,2	5,0	4,5	4,1
	В ЦФО	4,1	6,0	4,9	5,1	3,6	3,6	2,0	1,2				14,6	12,6	13,9	15,5	15,8	19,1	20,8	21,5	22,9	23,4	23,1	21,0	19,4
	В СЗФО	0,5	1,0	0,9	0,7	1,1	0,6	0,2	0,0				0,1	0,3	0,1	0,1	0,3	0,2	0,0	0,0	0,0	0,1	0,1	0,7	0,3
	В ЮФО	0,1	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0				0,0	0,0	0,2	0,5	0,2	0,2	0,5	0,8	1,0	0,8	0,3	0,2	0,0
	В СКФО	0,1	0,1	0,4	0,5	0,4	0,4	0,8	1,1				2,4	3,6	3,9	4,5	5,0	7,2	7,2	8,5	10,5	12,1	10,8	15,4	16,2
	В ПФО	0,5	0,5	0,2	0,1	0,2	0,2	0,3	0,4				0,1	0,1	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,2	0,3	0,3	0,4
	В УФО	0,3	0,7	0,8	1,7	1,2	1,9	2,5	3,1				1,1	0,7	0,2	0,3	0,2	0,4	0,4	0,2	0,1	0,0	0,1	0,1	0,0
	В СФО	1,3	1,5	1,0	1,2	0,3	0,2	0,1	0,0				1,4	1,0	1,0	1,7	2,1	2,1	1,5	1,4	1,5	2,0	2,2	1,4	1,5
	В ДФО	0,0	0,0	0,4	0,4	0,3	0,1	0,0	0,1				6,0	4,8	5,6	5,4	6,5	6,4	7,2	7,0	5,9	5,3	5,4	6,1	3,9
Приморское	0,3	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,0				0,2	0,2	0,5	0,7	0,3	0,3	0,7	0,7	0,6	0,5	0,2	0,0	0,1	
Специализация	Промышленность	1,9	1,6	2,5	2,7	3,2	3,1	3,6	3,0				7,3	7,4	5,7	4,5	5,7	5,7	5,9	5,2	5,2	4,6	5,2	3,6	3,5
	ТЭК	2,3	3,4	3,0	4,1	2,7	2,9	3,5	3,6				2,0	1,5	1,2	1,4	2,0	2,3	1,9	1,4	1,6	1,8	2,1	1,6	1,4
	Нефтепереработка, химия и нефтехимия	0,2	0,4	0,3	0,3	0,4	0,5	0,5	0,5				0,8	0,6	0,3	0,2	0,3	0,6	0,4	0,3	0,5	0,7	1,2	0,8	0,7
	Металлургия	0,1	0,1	0,0	0,0	0,3	0,1	0,4	0,3				1,5	1,2	1,0	1,5	1,5	1,7	1,7	1,1	0,9	0,9	1,2	1,0	0,5
	Экспортно ориентированные отрасли	2,2	3,2	2,2	2,9	1,8	2,3	2,1	2,1				3,8	2,5	2,0	2,5	3,5	4,2	3,2	2,5	2,5	2,8	3,8	2,6	2,1
	Бюджетные услуги	0,0	0,1	0,2	0,3	0,3	0,2	0,0	0,1				2,9	3,8	3,8	4,6	4,2	6,1	7,2	8,2	9,6	10,5	9,5	10,4	10,8

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Таблица Д.4 – Доля неравенства крупных городов России (невзвешенного индекса Тейла) по объёму платных услуг на душу населения, объясняемая влиянием ключевых факторов, в 2000–2023 гг., %

Фактор	Аспект влияния фактора	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Люд-ность	Более 1 млн чел.	4,8	4,0	5,7	5,8	4,8	5,4	6,9	7,5												4,7	8,5	7,9	6,6	8,7
	Более 500 тыс. чел.	14,8	13,0	13,8	14,2	14,1	15,3	14,9	15,9												9,2	11,4	9,6	9,5	10,0
	Более 250 тыс. чел.	13,2	11,0	9,9	13,6	18,8	22,0	23,1	27,8												24,1	26,4	22,3	24,6	24,0
Адм. ста-тус	Региональные столицы	19,4	15,1	18,6	24,6	31,1	35,1	36,3	37,5												47,2	47,5	40,9	33,9	34,9
Географическое положение	На Крайнем Севере	1,7	1,3	3,0	3,5	4,2	3,0	2,8	2,4												0,7	0,5	0,2	0,1	0,0
	В Европе	2,0	1,3	1,7	1,2	0,5	0,3	0,0	0,0												0,2	0,4	0,9	1,2	0,9
	В пригороде Москвы	4,2	1,8	1,9	1,6	3,2	3,5	2,3	2,7												1,5	1,9	0,0	0,0	0,0
	В пригороде других крупных городов	8,9	9,0	8,9	10,2	11,7	11,9	12,6	13,2												12,1	13,0	13,6	13,6	12,9
	В ЦФО	6,1	3,0	2,1	1,3	1,6	1,3	0,6	0,7												0,0	0,0	0,7	0,7	0,4
	В СЗФО	0,0	0,1	0,3	0,5	2,8	3,1	3,4	3,0												1,3	1,2	0,7	0,7	1,1
	В ЮФО	0,2	0,0	0,2	0,3	0,5	0,5	0,6	0,3												0,0	0,2	0,0	0,1	0,0
	В СКФО	0,8	0,5	0,1	0,2	0,0	0,0	0,0	0,1												0,2	0,0	0,1	0,3	0,7
	В ПФО	0,0	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0												0,5	0,3	0,3	0,5	0,8
	В УФО	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,2	0,2	0,2												0,4	0,5	0,3	0,5	0,1
	В СФО	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,2	0,8	0,9												1,5	1,4	2,8	1,9	1,7
	В ДФО	4,4	3,2	3,4	3,4	3,3	3,4	3,3	2,3												1,9	1,4	1,0	0,3	0,2
	Приморское	6,2	5,1	2,7	2,0	3,1	3,5	3,6	3,7											2,6	3,5	2,4	3,7	2,6	
Специализация	Промышленность	15,9	14,6	13,4	14,5	17,7	17,0	19,5	20,5												24,8	22,5	25,5	27,5	26,9
	ТЭК	0,3	0,4	0,6	0,7	0,2	0,1	0,0	0,0												1,6	1,7	2,1	2,0	2,0
	Нефтепереработка, химия и нефтехимия	0,2	0,1	0,2	0,2	0,2	0,1	0,2	0,0												0,6	0,9	1,6	1,6	1,1
	Металлургия	0,3	0,4	0,5	0,5	0,6	0,8	1,2	1,4												2,5	2,3	2,7	3,1	2,9
	Экспортно ориентированные отрасли	0,0	0,0	0,1	0,1	0,0	0,0	0,1	0,1												3,5	3,5	4,8	5,1	4,5
	Бюджетные услуги	0,1	0,0	0,0	0,2	0,1	0,1	0,2	0,2												0,1	0,0	0,0	0,0	0,0

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Таблица Д.5 – Доля неравенства крупных городов России (невзвешенного индекса Тейла) по объёму отгруженных товаров и услуг на одного работника, объясняемая влиянием ключевых факторов, в 2000–2023 гг., %

Фактор	Аспект влияния фактора	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Люд-ность	Более 1 млн чел.															0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0	0,4	0,5	0,5
	Более 500 тыс. чел.															0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,8	1,6	1,0
	Более 250 тыс. чел.															0,3	0,9	0,5	0,7	0,4	0,9	0,6	1,0	2,0	1,5
Адм. ста-тус	Региональные столицы															10,1	11,2	10,4	11,0	9,3	9,5	10,1	11,8	14,3	15,0
Географическое положение	На Крайнем Севере															2,4	1,4	1,1	1,2	0,7	0,3	1,3	0,3	0,1	0,1
	В Европе															0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,2	0,1	0,1	0,0	0,2
	В пригороде Москвы															0,1	0,2	0,4	0,0	0,2	0,0	0,0	0,1	0,1	0,0
	В пригороде других крупных городов															0,3	0,0	0,2	0,4	0,2	0,2	0,5	0,4	0,1	0,3
	В ЦФО															0,1	0,7	0,6	0,4	0,7	0,3	0,1	0,3	0,5	0,2
	В СЗФО															0,5	0,5	0,3	0,7	0,4	0,5	0,7	0,9	0,3	0,1
	В ЮФО															1,6	1,1	1,0	1,2	0,7	0,9	1,0	1,6	0,9	1,0
	В СКФО															3,6	2,7	2,7	3,4	3,3	3,9	4,0	3,5	3,6	5,3
	В ПФО															3,7	5,1	5,1	4,3	4,6	5,3	3,8	5,3	5,7	7,6
	В УФО															1,6	1,2	1,4	0,7	0,5	0,0	0,3	0,1	0,2	0,5
	В СФО															0,0	0,0	0,0	0,2	0,4	0,3	0,2	0,2	0,2	0,0
	В ДФО															2,7	2,7	3,3	3,3	3,1	2,9	2,8	2,6	2,7	2,7
	Приморское														0,6	0,4	0,3	0,4	0,3	0,2	0,1	0,2	0,3	0,3	
Специализация	Промышленность															10,4	12,5	13,7	13,4	12,9	14,1	14,3	15,8	16,3	17,9
	ТЭК															5,7	6,1	6,7	7,9	8,7	6,8	6,4	6,6	8,8	8,0
	Нефтепереработка, химия и нефтехимия															11,8	12,1	10,0	8,5	7,6	7,7	6,7	5,2	5,4	4,9
	Металлургия															1,8	2,3	2,4	3,1	3,5	3,6	4,3	3,8	2,5	2,8
	Экспортно ориентированные отрасли															23,8	27,8	28,2	28,0	28,9	26,1	24,9	25,9	27,7	23,8
	Бюджетные услуги															12,8	13,8	12,8	12,2	10,4	11,2	12,4	10,7	10,7	13,9

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Таблица Д.6 – Доля неравенства крупных городов России (невзвешенного индекса Тейла) по инвестициям в основной капитал на душу населения, объясняемая влиянием ключевых факторов, в 2000–2023 гг., %

Фактор	Аспект влияния фактора	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Люд-ность	Более 1 млн чел.	0,1	0,2	0,0	0,0	0,1	0,4	0,4	0,7	0,3	0,0	0,0	0,1	0,2	0,2	0,2	0,1	0,0	0,3	0,1	0,2	0,3	0,1	0,1	0,6
	Более 500 тыс. чел.	0,0	0,1	0,0	0,2	0,2	0,5	0,7	1,0	0,7	0,2	0,3	0,3	0,6	0,4	0,8	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0	0,1	0,1	0,3	0,5
	Более 250 тыс. чел.	0,8	0,6	0,5	0,1	0,1	0,0	0,0	0,1	0,2	0,3	0,9	1,2	1,5	1,2	0,3	0,8	1,2	0,0	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0	0,1
Адм. ста-тус	Региональные столицы	1,3	1,7	1,8	0,1	0,8	0,2	0,2	0,1	0,1	1,3	0,2	0,1	0,0	0,3	0,9	0,2	0,0	0,1	0,8	0,3	0,8	1,3	0,9	1,8
Географическое положение	На Крайнем Севере	8,5	9,6	19,3	19,2	15,2	13,3	11,9	3,3	3,7	5,7	2,8	8,5	9,2	4,5	10,4	15,8	12,5	11,6	11,8	14,6	15,6	16,9	18,9	12,8
	В Европе	0,2	1,0	3,1	3,5	4,3	2,1	1,4	0,2	0,3	0,0	0,4	1,6	1,0	0,1	0,3	1,3	0,1	0,1	0,3	1,7	2,8	4,3	7,6	5,1
	В пригороде Москвы	5,8	4,8	1,4	1,2	0,6	1,5	1,6	0,8	0,0	0,0	0,8	1,0	3,3	1,2	1,3	1,6	0,7	0,1	0,2	0,2	0,0	0,0	0,6	0,7
	В пригороде других крупных городов	3,4	3,4	4,1	4,1	2,4	3,3	1,4	4,2	2,0	2,9	2,1	1,5	1,3	0,2	2,6	3,6	4,5	4,7	3,3	4,9	7,0	6,8	6,5	5,7
	В ЦФО	6,9	4,9	2,8	2,8	1,9	2,5	3,1	0,0	0,1	0,9	1,5	2,0	4,0	2,0	2,0	3,2	1,5	0,9	0,2	0,0	0,7	0,5	2,9	3,7
	В СЗФО	0,1	0,0	0,2	1,6	3,0	6,1	6,8	0,3	0,7	2,0	0,2	0,0	0,0	0,5	0,0	0,0	1,0	1,8	1,8	0,7	2,2	1,1	0,4	0,5
	В ЮФО	5,1	1,2	0,2	0,5	1,7	2,2	1,0	0,1	0,0	0,5	2,0	1,3	3,1	5,1	1,5	0,1	0,3	0,1	1,7	2,8	3,0	2,6	3,5	3,0
	В СКФО	4,7	3,6	3,2	2,5	3,1	3,2	2,5	3,1	6,0	1,7	1,3	2,6	3,8	3,8	3,1	3,5	2,8	3,5	3,2	3,7	2,4	4,2	2,7	3,7
	В ПФО	1,6	1,9	0,6	0,0	0,0	0,1	0,1	0,2	0,3	0,0	0,2	0,0	0,3	0,7	0,9	1,7	2,9	1,3	0,8	0,2	0,0	0,0	0,2	1,5
	В УФО	1,9	5,9	12,1	10,0	6,9	2,4	2,9	2,7	3,4	0,9	1,5	3,8	2,2	1,2	0,6	1,9	0,1	0,0	0,0	0,5	0,6	0,2	0,8	0,0
	В СФО	0,1	0,1	0,8	0,3	0,2	0,2	0,2	0,1	0,5	2,1	1,5	0,4	0,1	0,2	0,6	0,9	0,4	0,3	0,1	0,0	0,1	0,7	1,6	0,4
	В ДФО	0,3	0,8	0,1	0,0	0,0	0,0	0,2	0,8	0,1	0,7	1,1	0,4	0,2	0,0	1,0	2,1	0,9	1,8	2,2	1,7	2,9	3,7	4,2	7,5
	Приморское	7,9	2,8	0,1	0,3	0,1	0,2	0,0	0,0	0,6	5,8	5,5	4,5	4,4	6,4	0,8	1,0	0,1	0,6	0,5	0,1	0,1	0,3	0,2	1,6
Специализация	Промышленность	0,5	2,6	1,4	0,0	0,8	0,1	0,1	0,0	1,1	0,1	0,2	0,0	0,0	0,3	0,0	1,0	0,5	0,1	0,6	0,0	0,2	0,3	0,0	0,0
	ТЭК	10,6	12,7	13,8	11,5	15,1	12,9	10,9	5,4	5,8	2,7	1,3	4,2	6,3	4,7	7,3	9,4	4,1	4,8	3,5	5,2	3,8	3,1	4,6	2,6
	Нефтепереработка, химия и нефтехимия	1,3	2,8	3,0	1,8	1,7	6,4	9,9	3,1	4,1	5,6	3,2	1,4	2,6	3,5	3,4	2,9	7,1	4,5	2,5	0,9	1,1	0,5	1,0	1,4
	Металлургия	0,0	0,0	0,1	0,3	0,0	0,0	0,1	0,2	0,1	1,0	0,8	0,5	0,5	1,6	0,8	0,0	0,1	0,1	0,1	0,0	0,0	0,0	0,1	0,0
	Экспортно ориентированные отрасли	11,9	17,8	15,0	12,3	16,9	17,6	17,2	7,6	12,6	6,1	4,5	5,3	7,5	6,1	9,2	15,4	16,1	11,7	8,7	10,4	11,3	8,3	12,2	7,9
	Бюджетные услуги	1,4	2,1	2,0	1,0	2,5	2,3	3,1	4,3	5,2	3,1	3,9	3,6	3,6	3,2	2,6	4,0	4,0	2,0	2,7	3,3	2,2	2,4	1,6	1,9

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Таблица Д.7 – Доля неравенства крупных городов России (невзвешенного индекса Тейла) по вводу жилья на душу населения, объясняемая влиянием ключевых факторов, в 2000–2023 гг., %

Фактор	Аспект влияния фактора	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Люд-ность	Более 1 млн чел.	0,4	0,2	0,1	0,2	0,7	0,8	0,2	0,7	1,4	0,0	0,1	0,1	1,1	0,5	0,0	0,2	0,2	0,0	0,3	0,7	2,1	2,9	1,1	2,0
	Более 500 тыс. чел.	1,5	0,5	1,1	2,3	1,2	1,3	0,6	3,3	2,8	0,1	1,0	1,2	3,5	1,6	0,4	2,7	2,4	0,8	1,3	3,1	2,1	2,0	0,4	0,8
	Более 250 тыс. чел.	1,5	0,0	0,0	0,3	0,1	0,3	0,0	1,6	1,9	0,0	0,4	0,4	2,5	0,5	0,2	3,2	2,2	0,8	1,2	2,7	1,3	2,1	0,5	1,1
Адм. ста-тус	Региональные столицы	8,4	1,1	2,6	1,4	2,7	3,1	3,8	1,7	6,2	0,2	1,6	2,2	5,2	3,1	1,8	5,7	7,6	3,4	4,2	6,0	4,5	5,1	1,1	2,8
Географическое положение	На Крайнем Севере	5,0	5,2	2,4	3,9	4,0	6,1	4,0	7,0	7,8	8,0	6,9	5,8	6,5	5,5	4,6	5,3	3,6	3,1	4,1	3,9	2,5	3,9	3,2	3,7
	В Европе	9,8	9,6	8,4	8,5	8,1	6,3	4,4	4,4	3,2	5,5	5,1	4,3	2,7	4,1	4,9	4,9	7,9	10,7	11,6	9,2	7,8	7,5	7,0	5,3
	В пригороде Москвы	3,3	13,8	15,3	16,5	26,7	22,2	25,0	18,3	12,2	28,0	17,7	19,7	12,8	21,6	29,3	14,1	15,5	23,4	19,0	12,6	11,7	11,2	22,8	14,3
	В пригороде других крупных городов	2,8	1,4	3,2	2,0	3,5	1,1	1,5	1,4	0,5	0,6	0,6	0,8	0,7	0,3	0,6	1,0	1,8	1,3	0,4	0,2	0,5	0,4	0,4	0,2
	В ЦФО	5,3	8,6	11,3	13,2	17,8	14,5	14,7	10,9	7,8	16,1	11,1	10,6	6,7	11,1	16,1	10,4	11,8	17,0	14,0	9,8	7,8	6,9	11,3	7,1
	В СЗФО	0,8	1,9	1,3	1,0	1,0	2,1	0,9	0,9	0,6	1,5	1,8	2,1	2,5	2,1	2,3	0,7	0,2	1,6	0,6	0,7	0,6	1,2	1,1	1,7
	В ЮФО	2,4	1,5	0,5	0,2	0,0	0,0	0,0	0,5	0,1	0,0	0,1	0,0	0,4	0,0	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0	0,1	0,1	0,4	1,3	0,7
	В СКФО	0,4	0,0	0,1	0,0	0,2	0,2	0,2	0,3	0,1	0,1	0,1	0,4	0,6	0,7	0,0	0,3	0,3	0,2	0,2	0,6	1,9	0,9	0,0	1,2
	В ПФО	0,1	0,0	0,1	0,5	0,7	0,2	2,0	1,1	0,6	2,2	1,1	1,3	1,2	1,4	1,8	1,3	0,5	0,5	0,2	0,1	0,6	0,2	1,8	1,1
	В УФО	2,9	1,0	0,4	0,9	0,9	0,6	0,4	0,0	0,0	1,2	1,9	1,4	0,1	0,3	0,2	0,2	2,2	2,2	2,4	1,3	1,0	1,3	1,1	0,8
	В СФО	2,7	4,6	5,0	4,0	3,8	2,9	1,7	2,3	1,6	2,4	2,1	2,4	2,6	3,1	4,5	3,4	3,3	4,9	5,9	6,1	5,1	5,3	5,6	4,7
	В ДФО	2,4	2,8	2,6	2,4	2,3	1,9	1,9	2,8	2,0	1,0	0,4	0,2	0,3	0,5	0,6	1,3	1,0	1,8	1,5	1,0	1,0	0,5	0,3	0,1
	Приморское	0,2	0,0	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0	0,1	0,0	0,0	0,3	0,0	0,1	0,1	0,0	0,2	0,3	0,3	0,0	0,1	0,5
Специализация	Промышленность	14,6	12,3	12,0	11,0	14,5	13,5	13,2	12,2	9,3	14,4	11,5	15,6	17,6	15,6	16,0	15,2	14,7	11,5	10,5	12,0	14,4	12,7	12,7	14,7
	ТЭК	3,2	1,0	0,9	1,2	1,7	2,0	1,9	1,9	2,1	3,4	2,6	2,2	2,3	2,9	2,8	2,7	2,9	4,2	7,2	5,2	5,0	5,4	6,4	5,8
	Нефтепереработка, химия и нефтехимия	2,6	2,0	2,4	2,3	2,2	2,6	3,6	3,2	2,0	5,5	4,4	6,2	5,4	6,6	4,6	4,3	4,0	6,2	5,5	4,6	6,4	4,6	6,0	5,5
	Металлургия	2,9	6,2	5,1	4,3	3,2	3,2	3,0	2,2	1,2	5,2	4,5	4,7	4,1	3,5	3,4	3,4	4,0	4,5	4,0	3,0	3,5	4,1	4,8	4,7
	Экспортно ориентированные отрасли	5,1	5,4	5,1	5,0	4,5	6,0	6,9	5,4	4,5	12,0	9,8	10,9	9,9	10,4	10,0	9,5	9,3	13,0	15,1	11,6	11,8	11,2	14,2	14,0
	Бюджетные услуги	1,8	0,2	0,4	0,1	0,1	0,0	0,4	0,7	1,1	0,2	0,0	0,2	0,1	0,0	0,3	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,1	0,4

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Таблица Д.8 – Доля неравенства крупных городов России (невзвешенного индекса Тейла) по налоговым и неналоговым доходам местных бюджетов на душу населения, объясняемая влиянием ключевых факторов, в 2000–2023 гг., %

Фактор	Аспект влияния фактора	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Люд-ность	Более 1 млн чел.												1,3	1,3	0,5	1,1	0,1	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,1	0,1
	Более 500 тыс. чел.												0,3	0,4	0,1	0,6	0,0	0,1	0,1	0,1	0,1	0,7	0,5	0,3	0,4
	Более 250 тыс. чел.												0,6	1,1	0,8	0,7	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0	0,8	0,8	0,3	0,6
Адм. ста-тус	Региональные столицы												0,0	0,1	0,0	0,1	0,0	0,1	0,1	0,0	0,0	0,9	0,7	0,2	0,8
Географическое положение	На Крайнем Севере												17,7	15,2	20,6	21,4	26,7	23,6	24,4	21,8	24,3	20,5	22,1	24,6	24,6
	В Европе												4,3	6,3	5,7	9,8	9,1	8,9	12,3	11,2	11,7	8,4	7,5	9,5	9,7
	В пригороде Москвы												1,7	0,4	2,6	0,5	1,1	2,9	3,1	6,2	4,8	12,9	9,5	8,3	8,5
	В пригороде других крупных городов												6,0	4,1	5,0	4,2	3,5	3,7	2,3	2,6	3,2	3,3	3,7	3,1	2,8
	В ЦФО												1,2	0,3	2,0	0,1	0,1	0,5	0,4	1,0	0,4	2,8	1,6	1,6	1,5
	В СЗФО												0,3	0,3	0,2	0,2	0,3	0,1	0,1	0,2	0,1	0,0	0,0	0,1	0,0
	В ЮФО												2,7	0,6	2,3	1,2	2,1	1,9	2,5	2,7	3,1	3,6	3,2	3,1	3,4
	В СКФО												8,9	10,8	8,3	8,5	6,0	7,8	8,9	8,6	5,7	5,0	4,3	8,3	8,9
	В ПФО												1,1	2,1	3,3	3,3	3,2	3,5	4,6	6,3	5,3	7,0	5,3	5,3	4,0
	В УФО												1,8	5,3	8,3	4,9	2,6	2,4	5,2	3,6	5,1	5,2	2,5	4,6	7,1
	В СФО												2,7	1,7	0,2	2,6	2,3	1,7	1,7	1,7	1,1	0,6	2,1	1,4	1,3
	В ДФО												0,0	0,0	0,1	0,6	2,1	3,0	3,2	3,8	3,9	2,0	1,2	1,9	0,7
	Приморское												0,0	0,4	0,4	0,4	0,5	0,8	0,5	0,9	0,8	0,4	0,6	0,8	0,1
Специализация	Промышленность												0,2	0,1	0,0	0,0	0,0	0,1	0,0	0,3	0,3	0,0	0,0	0,0	0,6
	ТЭК												2,7	5,8	4,4	6,8	5,6	5,9	5,0	4,2	4,3	1,8	1,1	2,5	3,2
	Нефтепереработка, химия и нефтехимия												0,1	0,1	0,3	0,0	0,3	0,4	1,0	1,3	1,0	1,7	2,6	2,5	1,5
	Металлургия												1,0	0,1	0,0	0,1	0,0	0,0	0,2	0,0	0,1	0,3	0,5	0,3	0,8
	Экспортно ориентированные отрасли												6,6	4,8	3,1	5,6	4,5	3,6	4,2	2,6	3,5	1,8	1,3	2,1	3,7
	Бюджетные услуги											6,2	5,4	8,1	6,7	5,5	7,1	7,2	5,2	5,2	6,0	5,2	6,6	7,3	

Источник: рассчитано по данным Росстата и ГИИС «Электронный бюджет».

Доля неравенства крупных городов, объясняемая влиянием фактора:

